МЕЛЬЯ

Ю. Поросов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В этой книге рассказывается о короткой и яркой жизни революционера, который прожил всего 26 лет и треть из них отдал борьбе. Эта треть стоила, пожалуй, иных десятилетий.

Хулио Антонио Мелья (исп. Julio Antonio Mella, 25 марта 1903, Гавана, Куба — 10 января 1929, Мехико, Мексика) — кубинский революционер-коммунист, лидер студенческого движения, основатель и руководитель Коммунистической партии Кубы. Убит в эмиграции в Мексике во время вечерней прогулки с Тиной Модотти агентами кубинской диктатуры.

- Юрий Погосов
  - Предыстория
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - Третий день голодовки
    - Пятый день голодовки
    - Восьмой день голодовки
    - Начало студенческой революции
    - Девятый день голодовки
    - Революция студентов
    - «Alma mater» и «Хувентуд»
    - Народный университет имени Хосе Марти
    - Смерть Ленина
    - Delenda est Wall-street[1]
    - Одиннадцатый день голодовки
    - Карлос Балиньо
    - Партия
    - Пятнадцатый день голодовки
    - Семнадцатый день голодовки
    - Восемнадцатый день голодовки
    - Отъезд
    - Четыре часа под красным флагом
    - За кормой мыс Сан-Антонио
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - Мексика
    - На пороге путешествия в будущее
    - Брюссель
    - Мечты становятся явью
    - Год 1927-й
    - «Что такое АПРА?»
    - «Бронепоезд»
    - Тина

        - Последняя ночь
        - Последняя глава
        - Через четыре года
    - Основные даты жизни и деятельности Хулио Антонио Мельи
    - Краткая библиография
    - Иллюстрации
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5

Юрий Погосов
МЕЛЬЯ

Предыстория

В этой книге рассказывается о короткой и яркой жизни революционера, который прожил всего 26 лет и треть из них отдал борьбе. Эта треть стоила, пожалуй, иных десятилетий.

Он был коммунистом, одним из пионеров коммунизма на Кубе. Звали его Хулио Антонио Мелья, родился 25 марта 1903 года, убит 10 января 1929 года. Однажды он сказал: «Мы, революционеры, погибаем как солдаты в бою: там, где вражеская пуля настигает нас».

Известно, что первым объединенным отрядом рабочего класса на Кубе стали рабочие табачных фабрик. Это было в прошлом веке.

В 1860 году уже можно было говорить о существовании на Кубе рабочего класса. В 1865 году начала выходить первая рабочая газета «Ла Аурора», которая способствовала объединению табачников и созданию всевозможных союзов, кооперативов, касс взаимопомощи. Консолидация кубинского городского пролетариата помогла провести в 1866 году первую забастовку рабочих Кубы — в Гаване на табачной фабрике «Ла Кабанья».

Десятилетняя война за независимость Кубы (1868–1878 гг.) задержала развитие рабочего движения, раздробила и ослабила его. Однако в начале 80-х годов прошлого века оно вновь оживилось. В это время среди рабочих пользуется популярностью имя Энрике Роиг-и-Сан-Мартина, одного из вождей кубинского анархизма, который впоследствии стал пропагандистом произведений Маркса и Энгельса. В 1887 году Сан-Мартин основал газету «Эль Продуктор» («Производитель»), распространявшую социалистические идеи. Так Энрике Роиг стал первым пропагандистом марксизма на Кубе. «Эль Продуктор» с 1885 года была официальным органом «Рабочего клуба» (основанного товарищами Роига по революционной борьбе), который вел активную политическую деятельность, за что его руководители и члены преследовались властями.

Первый Национальный рабочий съезд (Региональный рабочий съезд) был созван 16 января 1892 года.

В течение двух последующих лет на Кубе развернулось движение за освобождение политзаключенных (в первую очередь руководителей рабочего класса), и время от времени забастовки потрясали страну.

В 1895–1898 годах Куба пережила вторую войну за независимость. Как известно, в эту войну вмешались не без корысти Соединенные Штаты, в результате испанская монархия

потеряла Кубу, и там воцарилась американская администрация. На остров потекли капиталы из Соединенных Штатов, в табачной промышленности начался процесс концентрации. В первый же месяц 1899 года вспыхнула забастовка портовиков, рабочие волнения охватили всю страну. Это движение привело к созданию 1 сентября того же года Всеобщей лиги трудящихся Кубы. Программа лиги включала не только экономические, но также и политические требования. В конце этого же месяца на Кубе прошла первая общенациональная забастовка рабочих.

Обстановка на острове убеждала деятелей рабочего движения в необходимости создания политической партии рабочего класса. Но осознанная необходимость еще не означала практического воплощения ее. И в организационном и в политическом отношениях рабочий класс был недостаточно подготовлен. Первая партия Кубы — Кубинская социалистическая партия была создана после бурных дебатов на митинге рабочих и интеллигенции 19 февраля 1899 года. Возглавил ее поэт и философ, создатель теории утопического социализма на Кубе Диего Висенте Техера. Но эта партия, лишенная четкой политической программы и опытных руководителей, с первых же дней стала терпеть неудачи. 27 июля того же года она распалась.

Тот же Техера создает в 1900 году Народную партию, которая действует в трудных условиях фактической оккупации острова Соединенными Штатами. В эту партию пошли наиболее политически подготовленные рабочие. Однако после смерти Техеры Народная партия также прекратила существование.

Эстафету первых двух партий подхватили Клуб социалистической пропаганды, созданный Карлосом Балиньо в 1903 году, а также газета «Ла Вос Обрера» («Рабочий голос»).

20 мая 1902 года началась республиканская эра в истории Кубы. В этот день первый президент свободной Кубы Эстрада Пальма приступил к исполнению своих обязанностей. Исполнял он их рьяно, подавляя прогрессивные патриотические движения, защищая интересы латифундистов, сахарозаводчиков и их покровителей из Соединенных Штатов. Но, несмотря на проамериканскую ориентацию правительства, организованность трудящихся росла. В 1904 году была организована Рабочая партия Кубы. Через год в результате активной деятельности Карлоса Балиньо эта партия заявила о солидарности с идеями марксизма и преобразовалась в Рабочую социалистическую партию.

Однако создание новой партии еще не означало, что рабочее движение Кубы находилось полностью под влиянием социалистических идей. Среди рабочих главенствовали реформисты и в особенности анархо-синдикалисты, которые

задавали тон в политической жизни пролетариата. Задача Рабочей социалистической партии состояла в распространении марксистского мировоззрения. Душой партии стал Карлос Балиньо, который проявил себя как бескомпромиссный сторонник марксизма. Партия, несмотря на подрывную работу реформистов и анархо-синдикалистов, росла и, кроме Гаваны, создавала свои организации в других городах страны. Социалистическое движение пустило особенно глубокие корни в Мансанильо (провинция Ориенте), где партия добилась такого невиданного успеха, как победа ее кандидатов на выборах городских советников. В распространении социалистических идей в Мансанильо большая заслуга принадлежит Агустину Мартину Велосу. Своей самоотверженной работой он, простой рабочий табачной фабрики, снискал глубокое уважение не только среди социалистов, но и в рабочей беспартийной массе. Он был одним из первых пропагандистов марксистских идей на Кубе.

Рабочая социалистическая партия вела трудную идеологическую борьбу. Идеи Прудона, Бакунина, Кропоткина пустили глубокие корни среди рабочих. На Кубе издавались десятки газет и журналов, пропагандировавших анархо-синдикализм.

Реформизм и ревизионизм стали проникать на Кубу особенно энергично с самого конца прошлого века, когда начали шириться экономические связи между Соединенными Штатами и Кубой. Отцом реформизма на Кубе был основатель газеты «Ла Аурора» Сатурнино Мартинес, ратовавший за классовое сотрудничество.

Первая мировая война парализовала сахарное производство в Европе, что вызвало его рост на Кубе. В 1918 году Куба произвела сахара на 60 процентов больше, чем в 1914 году. В 1915 году начинается решительное наступление банковского капитала янки на Кубу. Молодая, как ее горько называли, «половинчатая» Республика Куба становится гигантским сахарным заводом, снабжающим сырьем Соединенные Штаты. Цены продолжали расти, расширялось и производство сахара.

Экономический подъем не вызвал улучшения жизни трудящихся. Социальные противоречия еще больше обострились, и забастовки принимали ярко выраженный политический характер.

В эти годы активизация рабочего движения началась с Национального рабочего конгресса в конце августа 1914 года, хотя по своему характеру он был реформистским и его поддерживали официальные власти.

Когда до острова дошли первые вести об Октябрьской революции, это вызвало энтузиазм у всех прогрессивных

элементов кубинского общества. И сразу же после 1917 года в рабочем движении Кубы намечается спад влияния анархо-синдикализма и реформизма, к тому же многие анархисты горячо поддержали революцию в далекой России. Так, Анархистская группа Гаваны решила издать «Купон присоединения к России». По мысли авторов «Купона», всякий заполнивший бланк «Купона» (имя, адрес) получал возможность «присоединиться» к русской революции, вернее поддержать ее своим голосом солидарности. В городе Кайбарьене анархисты собирали средства для помощи русскому пролетариату.

В 1920 году в Гаване собрался конгресс рабочих, заявивший в своей резолюции, что он полностью солидаризуется с русской революцией, которая является «Маяком, указывающим путь народам». На этом же конгрессе был поставлен вопрос о диктатуре пролетариата и необходимости решительной победы пролетарской революции.

Марксизм прочно входил в сознание пролетариата и прогрессивной интеллигенции. Наступал период непосредственной подготовки к созданию подлинно марксистской партии.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Третий день голодовки

Сквозь зарешеченное окно робко пробивался свет, оставляя на противоположной стене белесые пятна.

Железная кровать протяжно заскрипела. Человек приподнялся, сел и опустил ноги. Холодный цемент обжег обнаженные ступни, но человек не двигался, словно прислушиваясь к ночным тюремным звукам. Затем медленно опустился на подушку и так же медленно вытянул ноги. Третий день давался с трудом. Его сильное тело требовало движений и пищи…

Когда-то он читал, что главное — вытерпеть первые три-четыре дня, а там ощущение голода пропадет и он начнет медленно и незаметно «погружаться» в небытие… Так писал человек, который проголодал, кажется, дней десять. А он не ест всего три дня… Главное — экономить силы и не поддаваться на уловки тюремщиков и некоторых друзей, пытающихся уговорить его отказаться от голодовки. Третий день дается с неимоверным трудом. В разгоряченном мозгу (сна как и не бывало) вереницей, обгоняя друг друга, проносятся картины прошлого. И нет сил избавиться от них…

Дома сжимают улицу с обеих сторон. И без того узкая, она кажется бесконечным тоннелем. А Никанор по сравнению с домами — карлик из сказки. Серые громады проносятся слева и справа, под быстрыми ногами мелькает брусчатка… Толчок. Тело становится невесомым, а дома превращаются в карликов. Он перепрыгнет через любой дом. Он перепрыгнет через вон ту безобразную желтую стену и полетит над испуганными черными сутанами, которые спрятались за витыми решетками стрельчатых окон. Он им покажет, ну и натерпятся же страху благочестивые падре из католического колледжа маристов! Он им припомнит тот день, когда, выгоняя его из колледжа, они заявили отцу: «Ваш сын не уважает ни бога, ни церковь, он грубиян и задира…» Эти ханжи лупили ребят, учили повиноваться «слову божьему» и грозили адским котлом… Подумаешь, котел! Он и через него перепрыгнет… Раз, два, три! Сейчас он ходит в другую школу. Рядом с домом, и нет в ней черных сутан. Правда, мать опечалилась. Ирландка по национальности и истая католичка, она мечтала видеть Никанора добрым католиком…

Прыжок, еще прыжок… Ах, обо что он так укололся, ну конечно, булавки, тысячи булавок… Иголки, обрезки материи на столе, на диване, на полу… Эти булавки жалят ноги… Разбросал их высокий худой человек в черном жилете и черных брюках… Он

ходит по комнате, сутулясь и жестикулируя… Волнистые волосы, пышные длинные усы. Это отец. Совсем не похож на модного портного… «Все сеньоры, которые любят хорошо и элегантно одеваться, считают за честь шить у Никанора Мельи» — так, кажется, писали в газетах…

Мелья, Мелья… В Доминиканской Республике имя генерала Рамона Мельи знакомо каждому школьнику. Генерал, дед Никанора, был одним из выдающихся борцов против испанских колонизаторов. До сих пор в доме его сына, гаванского портного Никанора Мельи, как самую дорогую святыню берегут знамя доминиканских повстанцев…

Цок, цок, цок… Бьют ботинки по цементу. Громче, еще громче… К нему? Ботинки удаляются, и где-то в дальнем углу коридора замирает их стук. Звякают ключи, клацает замок, протяжно скрипит дверь. Это камеры, где сидят его товарищи. Их 27…

Раз, два, три!.. Он не раз приставал к матери, почему это и отец Никанор и он Никанор? Как же их отличить? Мать в ответ улыбалась и приглаживала его непослушные черные волосы. А однажды она все-таки сказала, что так ей захотелось, ведь она очень любила отца, хотя у того была еще семья… Законная. Тогда он не понимал этого слова: «А мы разве не законные?»

Позже он узнал, что фамилия у него не отцовская, а материнская — Мак Фарланд, или на кубинский манер — Макпарланд. Алисию Макпарланд уважали все соседи, несмотря на ее «незаконное» положение. Ее красота, религиозность и честность были для них выше всяких предрассудков.

Раз, два, три… Цок, цок, цок… Опять эти ботинки… ближе, ближе… Вот они у двери… А теперь уходят: дальше, все дальше… Скрипит железная дверь… Раз, два, три… Резко и звонко бьет дверь… Шагов уже не слышно…

Двенадцать дней как он арестован. Это случилось 27 ноября Их всех схватили почти в один и тот же день. Его забрали, когда он приехал на улицу Сулуэта, в Национальную конфедерацию рабочих, где сотни людей ждали его выступления. Умишки у полицейских и шефа судебной полиции Альфонсо Форса не ахти какие. Додумались обвинить всех арестованных в терроризме, и повод для этого был найден превосходный: в театре «Пайрет» взорвалась петарда… Но перед этим вышла преглупейшая история. Владелец театра, человек скаредный и заносчивый, отказал журналистам в бесплатных билетах. Тогда один из репортеров в отместку написал в своей газете, что якобы из авторитетных источников он узнал, что противники существующего режима (неизвестно какие!), зная

«реакционность» владельца театра, решили взорвать его заведение. Разумеется, приток зрителей резко упал, и владелец начал терпеть убытки. Приблизительно через месяц после этой зловредной статейки у кассы театра взорвалась петарда. Все было подстроено полицией так, что взрыв не принес ущерба хозяину, но рабочие лидеры были схвачены. Полицейским так хотелось побыстрее разделаться с ним, что по дороге в тюрьму они несколько раз предлагали ему выйти и купить съестного. Наверняка хотели пристукнуть «при попытке к бегству»…

Бегство… То было много лет назад. Он, младший брат Сесилио и мать уезжали из Гаваны. На пристани стоял осунувшийся отец. Их отъезд походил на бегство, так быстро и неожиданно собрались они. Притихшие братья смотрели на полоску зеленой воды между пароходом и причалом, которая ширилась с каждым ударом винта. Они не понимали, почему нужно было уезжать от солнца, от ласкового моря и ехать в эту холодную, чужую страну на севере… Едва помахивая рукой, отец стоял на причале, пока пароход не скрылся за поворотом крутого берега.

Пятый день голодовки

Было уже 10 декабря. В газетах появился медицинский бюллетень о состоянии здоровья Мельи. Слухи о его «упрямстве» уже вышли за пределы столицы и докатились до самых дальних городов страны.

Его голодовка была в центре общего внимания. Его имя было на устах каждого студента. Ни одно собрание рабочих не проходило без обсуждения голодовки. Правда, не обошлось без нытиков и скептиков, осуждавших поступок Мельи. Но таких было очень мало. Внимание табачников, студентов, железнодорожников, служащих, школьников старших классов было приковано к столичной тюрьме, расположенной у берега моря, в самом начале старинного и респектабельного бульвара Прадо, за которым распростерлась Старая Гавана — исторический центр города.

Вчера Мелья категорически заявил, что прекратит голодовку, только полужив свободу, и что смерти он не боится. Друзья по партии, университету и Рабочему центру решили создать комитет «За Мелью» и бороться за его освобождение, чего бы это им ни стоило. В декабре 1925 года «Дело Мельи» стало знаменем для всего кубинского революционного движения.

Временами болела голова. С каждым днем тело становилось все непослушнее. Иногда ему казалось, что оно вытянулось чуть ли не вдвое. В утреннее посещение Оливин раскрыла сумку и поставила перед ним зеркальце. На него смотрел незнакомец с горящими глазами и заросший черной бородой.

Оливин, ласково обтирая капельки пота на лице, спросила:

— Как ты себя чувствуешь?

В ответ он слабо усмехнулся. Говорить не хотелось.

Вспомнились посетившие его журналисты. Рассматривали его как диковинку. Краем уха услыхал, как один из них сказал соседу:

— Он непохож на динамитчика. Одет опрятно, строгое, интеллигентное лицо…

Газетчики потоптались немного, пощелкали затворами фотоаппаратов, не пытаясь задавать вопросов, — Оливин была начеку — и отправились восвояси.

Помогая ему переодеть рубаху, она сообщала ему новости:

— Началась кампания за твое освобождение. В президентский дворец шлют много писем и телеграмм. Знаешь, тексты многих из них напечатали в газетах.

Взяв со стула газету, она начала читать телеграмму железнодорожников Матансаса, в которой они взывали к чувству справедливости президента.

«Справедливость!.. Справедливость!.. Нашли у кого требовать справедливости! У этого прихвостня янки, у этой бестии, облеченной президентской властью!..»

— «…Я твердо верю в чистоту его души и в беззаветную убежденность его помыслов?..» Знаешь, кто это написал? Серхио Куэвас Секейра. Это тот профессор социологии, с которым ты не раз схлестывался в спорах…

Что ж, это неплохо, если даже явные враги становятся на его сторону…

Голос Оливин, казалось, звучал где-то за толстой каменной стеной…

— …«Хулио Антонио выделялся из всех студентов решительным характером и гражданской доблестью…»

«Хулио Антонио выделялся… А почему «выделялся»?.. Разве меня уже нет?.. А почему Хулио Антонио?.. Ведь я Никанор Макпарланд, а по отцу Мелья…» И вновь взбудораженная память возвращает его к прошлому.

При поступлении в университет его вписали в студенческий список по метрическому свидетельству, но обстоятельства сложились так… Все началось с отца. Сын борца за независимость Доминиканской Республики, он прямо-таки восстал против «революционных увлечений» Никанора. Дело дошло чуть ли не до полного разрыва между ними. Никанор ушел из дому и снял небольшую комнатушку по соседству с университетом. Отец через друзей пересылал ему немного денег.

Для Никанора фамилия Мелья приобрела особый смысл, связанный с революционным прошлым родины его отца и овеянный славой деда, и будучи кубинцем по национальности, он вдруг застеснялся своей некубинской фамилии. Еще на первом курсе Никанор стал подписываться «Хулио Антонио Мелья». Вскоре все его звали Хулио Антонио или просто Хулио. Но однажды, кажется на третьем курсе, во время одной из многочисленных политических перепалок кто-то из его врагов, исчерпав все разумные аргументы, бросил Никанору в лицо обвинение в фальсификации имени. Хулио чуть не задохнулся от гнева, но друзья не дали ему и рта раскрыть и сами расправились с клеветником…

Голос жены слышался все тише, ее широкое некрасивое лицо медленно затягивалось пеленой. Превозмогая тяжесть, сковавшую тело, Хулио повернул голову и медленно разжал веки. Оливин встревоженно смотрела на него:

— Спи, спи, дорогой…

— Ты знаешь, я уже второй день вижу во сне старика Мирона. Где он сейчас? Был бы он сейчас здесь…

Оливин смотрела на него немигающими глазами, ее лицо выражало только скорбь.

Так вот, значит, ему нужен Мирон… Сальвадор Диас Мирон, мексиканский поэт и бунтарь. Какой-то парадокс: Мирон по политическим мотивам бежал с родины на Кубу, а Хулио по таким же мотивам преследуется здесь, на Кубе… Все помешались на этой политике, а ей так надоели и шумные студенческие собрания, и манифестации, и столкновения с полицией. Предчувствия не обманули ее: Хулио Антонио арестовали, и это уже серьезно. Временами ей казалось, что это она не уберегла мужа. Но здравый смысл подсказывал, что не было силы, которая могла заставить его оставить партию и забыть то, что стало сутью его жизни. Мирон был первым, кто разбередил в нем бунтарский дух. Хулио всегда с нежностью вспоминал старого поэта, который был его учителем в «Академии Ньютона». Однажды старик сказал про себя: «Есть такие люди, которые, сколько ни вози по грязи, все равно остаются чистыми. Я из таких». Да, к нему никакая грязь не прилипала… В те времена работоспособности и энергии Сальвадора Диаса Мирона мог позавидовать любой юноша. До сих пор Хулио вспоминал его лекции по литературе и истории. Они не были похожи на лекции других преподавателей. Набившие оскомину дворцовые перевороты и любовные проделки именитых особ превращались в его устах в рассказы о страстях человеческих, о справедливости, о патриотизме и мужестве. Хулио всегда помнил, что Мирон был первым, кто растолковал ему причины богатства и нищеты. Правда, сейчас юношеское представление о благородстве, социальном добре и зле, о справедливости и несправедливости, весь тот наивный материализм, который вложил в своего ученика старый поэт, сменились у Мельи твердой верой в необходимость борьбы угнетенных против угнетателей.

Буйное сердце поэта было добрым и чутким. Старик не считался со временем, он жил ради своих учеников и верил в них, а особенно в Хулио. Однажды, окруженный учениками, он сказал:

— Если я не обессмертил себя в поэзии, то хотел бы, чтобы имя мое осталось в грядущем в награду за воспитание такого исключительного человека, как Никанор.

Но Мирона нет уже на Кубе. Несколько лет назад он вернулся в свою родную Мексику и, говорят, живет в городе Веракрусе…

На какое-то мгновение Оливин показалось, что ей легче от мысли, что старого учителя нет на Кубе, но, спохватившись,

горько вздохнула: суета сует…

Густаво Альдерегиа беспокоился не зря. Медицинский анализ не сулил ничего хорошего. С каждым днем силы голодающего угасали, причем Густаво прекрасно понимал, что Мелья не отступит. Правда, можно было несколько облегчить его положение: добиться перевода в больницу. Но как это сделать? Густаво стоял у окна и смотрел на сумеречное небо: бледная вечерняя синева на глазах становилась бирюзовой. Казалось, что невидимый художник размалевывает небо то бледно-голубой пастелью, то густой масляной лазурью. Резкий металлический скрежет вывел Густаво из минутного оцепенения. Громыхая и позвякивая, по соседней улице шел трамвай… Это было в 1922-м, они познакомились в трамвае. Тогда он обратил внимание на юношу, читавшего недавно начавший выходить журнал университетских студентов «Alma mater». Они разговорились, и он узнал, что этот высокий студент с открытым лицом, с густыми волнистыми волосами и широкими плечами спортсмена учится на первом курсе юридического факультета.

Через некоторое время они вновь встретились, оказалось, что Хулио Антонио увлекается спортом, принимает участие в студенческом движении и что у них общие знакомые. Так зародилась их дружба. В дальнейшем врач Альдерегиа нашел в студенте Мелье и своего политического единомышленника.

Альдерегиа вспоминал, как в 1922-м Сайяс и его правительство принимали драконовые меры для подавления «крамолы» на Холме (так называли гаванцы свой университет, возведенный на возвышенной части города). Были изгнаны самые либеральные и самые способные профессора, запрещены выступления студентов против ректората. Действиям властей студенты могли противопоставить только неорганизованный протест, который не давал никаких результатов. Но однажды студенты все же выиграли сражение. Это случилось в тот день, когда ректорат решил присвоить личному представителю президента США на Кубе Эноху Краудеру звание «Ректор Honoris causa». Имя Краудера в те годы было ненавистно каждому честному кубинцу. Краудер представлял в стране не только Белый дом, но и Уолл-стрит. Под его нажимом и по его указке Куба обращалась к Соединенным Штатам за займами и предоставляла им выгоднейшие концессии на территории острова. Фактически управлял страной Краудер, а не президент Сайяс. Поэтому лакейское рвение университетского начальства вызвало бурное возмущение.

Приблизительно около двух тысяч гаванских студентов

вышло в тот день на улицы. Демонстрация студентов (к ней присоединились бастующие рабочие порта и другие трудящиеся) была настолько внушительной, что на улицы были высланы несколько представителей президента, которые заверили манифестантов в отмене решения ректората университета. На стихийно возникшем митинге перед тысячами горожан выступил Мелья и назвал Краудера «послом Ку-клукс-клана»…

Густаво шагал по комнате, покусывая сигару. Надо что-то придумать. Письмо министру внутренних дел с просьбой перевести Хулио Антонио в больницу отослано. Завтра совещание комитета «За Мелью». Обещали помощь товарищи из компартии. Но что делать с самим Мельей, ведь он слабеет с каждым часом. Сегодня был медицинский консилиум. Ученые эскулапы говорили между собой вполголоса. Хулио лежал без движения, и лишь на губах его играла ироническая улыбка. С уважением и даже теплотой пожали они его тонкие длинные пальцы, а один бодро похлопал по плечу. Выйдя из камеры, врачи еще раз принялись изучать узкий желтый листок бумаги: пульс лежа — 100, сидя — 88, стоя — 74, температура — 35,8, дыхание — 22, потерянный вес — 16 фунтов. Сказали, что раз «больной» сопротивляется всякой помощи, то они бессильны, но что они преклоняются перед его силой духа и желают ему скорейшего «выздоровления». Затем посоветовали Альдерегиа уговорить Мелью отказаться от голодовки (другого пути для его спасения они не могли придумать).

Густаво, когда захлопнулась за ними дверь, горько усмехнулся: «Уговорить. Нашли кого уговаривать». Черт знает, зачем только он их пригласил!

В канцелярию президента Кубы Херрардо Мачадо продолжали идти телеграммы, письма, коллективные петиции.

Федерация рабочих Сьенфуэгоса прислала телеграмму с требованием освободить Мелью. Того же требовали шоферы города Матансаса. Женский клуб Кубы прислал письмо, скрепленное подписями всех его руководителей. А группа интеллигентов, большинство которых не было «запятнано» связями с коммунистами, энергично протестовала против политических репрессий президента.

Замечательный поэт, ставший через два года руководителем Кубинской компартии, Рубен Мартинес Вильена, адвокат по профессии, в заявлении журналистам сказал (его слова были опубликованы даже реакционными газетами):

«Как адвокат, я уверен, что ложь так и лезет из этого жалкого, плохо состряпанного, целиком безграмотного, абсурдного и

полного противоречий дела».

Он добавил, что только в стране, где судебные чиновники не отличают коммунистов от террористов, могут обвинить в терроризме человека, чьи убеждения не признают убийств.

Дело зашло настолько далеко, что эхо событий на Кубе разошлось не только по всему Американскому континенту, но и дошло до Европы. Протесты приходили из Франции от Ассоциации латиноамериканских студентов, от прогрессивных европейских общественно-политических деятелей, от политических Деятелей и студентов Латинской Америки. В Мексике коммунисты готовили демонстрацию жителей столицы у американского посольства.

Восьмой день голодовки

Серая, с грязными потеками стена засветилась серебром лунный луч медленно втискивался в узкое окно. Хулио приподнял голову. Стена блестела ослепительно, до рези в глазах. На мгновение ему показалось, что перед ним зеркало, с которого на него смотрело изможденное, с запавшими глазами, бородатое лицо незнакомца… Он не двигался, с трудом удерживая голову над подушкой…

«Зеркало» начало тускнеть, надвинулась туча и поплыла, затягивая по всей стене черный занавес.

Позавчера начальник тюрьмы по приказу «сверху» попытался перевести его в общую камеру, «в гости» к сорока уголовникам. Так намеревались покончить с сопротивлением «непокорного большевика». Но Альдерегиа, Оливин и все остальные друзья приложили титанические усилия, чтобы он остался в своей каменной коробке…

Голова тяжело упала на подушку.

Итак, сегодня 13 декабря. По лицам некоторых товарищей, которые днем побывали у него, он понял, что они уже ни во что не верят. Правда, члены комитета «За Мелью» надежды не теряли, в особенности Альдерегиа и Рубен Мартинес Вильена. Они борются за то, чтобы его перевели в больницу. Их энергией заражаются все остальные.

Везде только и говорят о его голодовке. А что особенного он делает? Встав на путь борьбы, надо быть готовым и к самому худшему — к смерти. Здесь в тюрьме он не раз вспоминает русских революционеров. Все, что он читал, и все, что слышал от Карлоса Балиньо, все возвращает память. Сколько надо было выстрадать большевикам, чтобы победить в 1917-м! Их расстреливали, ссылали на каторгу, пытали, но, когда пришел их час, они оказались сильнее своего врага Когда же пробьет час кубинских коммунистов?..

В тот год, когда победили большевики, он был слишком юн, чтобы оценить это событие по-настоящему. Он жил с братом у матери в Новом Орлеане Когда в феврале телеграф принес известие о революции в России, почти все его американские родственники прокомментировали это событие с явной радостью: наконец-то в этой несчастной России тоже установится демократия, как у них в Соединенных Штатах. Разумеется, многое в этих событиях было непонятно Никанору, но никто из его окружения не мог вразумительно растолковать ему их.

Лето пролетело стремительно, пришла осень, а с нею новый

учебный год. Интерес газет к России постепенно ослабевал, но вот 8 ноября газеты сообщили ошеломляющую весть: власть в России захватили большевики во главе с Лениным.

Так впервые он услыхал имя человека, учение которого стало через шесть лет основой его, Никанора, мировоззрения.

В те годы ему хотелось объехать весь мир, совершать подвиги, а главное, стать военным. Его американские дядюшки и тетушки мечтали увидеть его не по годам высокую и широкоплечую фигуру затянутой в офицерский мундир. Но мечте не суждено было сбыться. Однажды с ним произошел курьезный случай. Он стоял на улице, ничего не делая, заложив руки в карманы, жмурясь от яркого солнца. Мимо него медленно шли пожилые женщины, и одна из них возьми да скажи, что вот, мол, стоит здоровенный детина (а ему и 15 лет еще не было), бездельничает, в то время как их сыновей призвали в армию и вот-вот пошлют на войну в Европу.

Никанора эти слова ранили в самое сердце, и, сгорая от стыда, он побежал на призывной пункт. Там ему вынуждены были отказать, во-первых, из-за несовершеннолетия, а во-вторых, потому, что он был кубинский подданный. Так его желание скрестить оружие с врагами Антанты не осуществилось, а вскоре ему с братом пришлось вернуться на родину. Мать осталась в Соединенных Штатах. Она тяжело болела легкими, а жаркий и влажный климат Кубы был ей вреден. Когда Никанор уезжал, он не предполагал, что видит мать в последний раз.

А сейчас, прикованный к постели, он вдруг страшно захотел увидеть ее, уткнуть голову в мягкие, ласковые ладони, которые не раз гладили его жесткие черные волосы. Энергичный и динамичный, порой даже резкий и экспансивный, он любил минуты тишины и успокоения, которые дарила детям мать.

Она еще была не стара и не дурна собой, поэтому ее новоорлеанские родичи пытались найти ей подходящего жениха, и, разумеется, с деньгами. Никанор догадывался об этом по разговорам в доме, и иногда ему казалось, что он стесняет мать.

В Гавану он возвращался со смутным чувством радости и опасения (как-то примет мачеха, у которой были свои дети?). Но все обошлось как нельзя лучше. Не говоря уже об отце, его жена и ее дочери встретили Никанора ласково и приветливо. Такими они оставались все время, пока он жил у отца, и даже после разрыва с ним.

По возвращении в Гавану ему пришлось кончать предуниверситетский курс не в столице, а в городе Пинар-дель-Рио. А в 1921 году он стал студентом юридического факультета Гаванского университета.

Начало студенческой революции

Общественная жизнь университета увлекла Хулио Антонио с первого же дня. Он понял, что не сможет быть в стороне от студенческих бурь, ворвавшихся в Гаванский университет извне и бередивших умы сынов и внуков тех, кто в прошлом веке боролся за освобождение Кубы.

На первых собраниях студенты кричали до исступления, повторяя чуть ли не в каждой фразе слова: «свобода», «автономия», «справедливость», «долой деградирующих профессоров». Бывали ораторы, которые явно не понимали смысла многих своих слов, но они звучали словно боевой клич и вели студентов в водоворот событий.

В то время обстановка вокруг университета накалялась. Обещания президента Сайяса в 1920 году, в период избирательной кампании, оказались обычной предвыборной приманкой. И студенты это поняли. Где-то подспудно, почти стихийно зрел в студенческой массе взрыв, который должен был потрясти основы университетской жизни.

Что же побуждало молодых к мятежу?

За год до окончания первой мировой войны рабочие, крестьяне самого большого государства в мире впервые в истории человечества взяли власть в свои руки. Зарево русской революции осветило все уголки земного шара. В Латинской Америке Октябрьская революция стала импульсом, подтолкнувшим развитие революционного движения. Рабочий класс, студенчество, прогрессивная интеллигенция стали овладевать марксизмом. В большинстве латиноамериканских стран левые, наиболее радикально настроенные социалисты становились коммунистами.

В 1920 году была основана коммунистическая партия в Аргентине. В Чили с 1919 года действовала социалистическая рабочая партия, которую возглавлял Луис Эмилио Рекабаррен, за которым в 1922 году пошли наиболее революционные элементы, чтобы образовать коммунистическую партию. В 1919 году в сентябре на съезде коммунистических групп Мексики была создана партия коммунистов. В начале 20-х годов зашевелилось и студенчество. Первыми поднялись студенты одного из самых старых латиноамериканских университетов в аргентинском городе Кордове.

Созданные испанскими колониальными властями, латиноамериканские университеты были единственными центрами, где воспитывались национальные кадры

интеллигенции. Искусственно отгороженные от национальной жизни, университеты ревностно следили за тем, чтобы не изменился их традиционный уклад жизни. Университеты были доступны только лицам знатного происхождения, и лишь с конца XIX века, когда начал зарождаться капитализм и когда потребовались не только адвокаты и медики (основные профессии, которые готовили латиноамериканские университеты), но также экономисты, инженеры, агрономы, геологи, аристократия попала в трудное положение, так как не могла обеспечить представителями своего класса национальные нужды. И потянулись в университеты сыновья мелких буржуа, торговцев, ремесленников. Они приносили «с улицы» мятежный дух новой эпохи.

В XX веке в университетах еще оставались порядки, установленные наместниками испанского короля и церковью. Но новые веяния прорывались сквозь древние, покрытые пылью средневековой схоластики стены. Прогрессивные идеи овладевали умами молодежи.

В основном требования студенчества сводились к автономии университетов, введению свободных посещений лекций, приближению студенческой жизни к жизни всей нации, улучшению методики преподавания.

В Гаванском университете толчком для начала активных действий студентов стала лекция аргентинского профессора Хосе Арсе в 1922 году.

В декабре того же года в Гаване проходил панамериканский конгресс медиков, одним из делегатов которого был этот профессор из Буэнос-Айреса. Бывший ректор столичного аргентинского университета, студенты которого одними из первых в Латинской Америке добились автономии, Хосе Арсе по просьбе кубинских студентов выступил перед ними. Актовый зал Гаванского университета был переполнен.

Ходили слухи, что сам лектор не славился прогрессивными тенденциями. Наоборот, аргентинским студентам стоило большого труда добиться своих прав, так как Хосе Арсе не очень их поддерживал, но когда студенты победили, ему не оставалось ничего иного, как пожинать славу победителя, чем он не замедлил воспользоваться.

4 декабря в своей лекции он рассказал об университетской революции в Аргентине. Может быть, сам того не ведая, профессор посеял в умах юных кубинцев семена, плоды которых через год пришлись не по вкусу кубинским правителям.

Двор Лавров (один из нескольких внутренних дворов) Гаванского университета тех времен — любимое место сборищ

студенческой вольницы — бурлил, словно кипящий котел. Если правительство и слушать не хотело об автономии, то новый ректор Карлос де ла Торре в какой-то мере разделял взгляды студентов, о чем он не побоялся заявить в своей «тронной» речи:

— Если вы мне поможете, университет на деле станет на циональным университетом — таковы были его заключительные слова.

Через несколько дней, 15 декабря 1922 года, в университете начались волнения. Поводом для них послужил конфликт, вспыхнувший на медицинском факультете между студентами и одним из профессоров. Делегация Федерации студентов Гаванского университета, в которую входил Хулио Антонио Мелья, отправилась к ректору с петицией, в которой они предлагали уволить профессора, ввести в совет университета представителей студенчества, назначить комиссию по чистке преподавательского состава, в корне изменить учебный процесс, привести в порядок хозяйство университета. Ректор согласился с этими требованиями, но совет отверг их. Самые консервативные профессора решили подать прошение о коллективной отставке, чтобы этим самым заставить правительство предпринять наступление на студентов.

10 января 1923 года в газетах появилось заявление Федерации студентов. Этот документ заставил призадуматься кое-кого из членов правительства: заявление было обвинением, брошенным в лицо президента и членов его кабинета. Это уже не было ребяческой шалостью, как обычно пытались объяснить бунтарство студентов. Заявление было политическим документом, с которым нельзя было не считаться.

12 января студенты битком набились в актовый зал университета. На почетных местах — ректор, профессора Энрике Хосе Варона, Лендиан, Диего Тамайо, Эусебио Эрнандес, Альфредо-Агуайо. Среди приглашенных были заместитель министра просвещения и даже начальник полиции Пласидо Эрнандес. Председателем собрания был избран студент Фелио Маринельо (президент Федерации студентов). Антонио Мелья — секретарем.

После вступительного слова председателя на трибуну вышел выдающийся кубинский педагог — профессор Альфредо Агуайо. который поддержал студентов, воскликнув: «Верьте в грядущее, оно ваше!» Это вызвало неподдельное ликование студентов. Последующие ораторы сходились на одном: автономия и реформы необходимы университету как воздух.

Неуютно чувствовали себя те преподаватели, о которых говорилось как о напыщенных и самодовольных ретроградах,

влюбленных в свое пустословие и презирающих студентов. Ректор университета сохранял внешнюю терпимость до тех пор, пока не взял слова Хулио Антонио. В наступившей тишине его голос звучал резко и напряженно:

— Я не стану молчать, даже если меня будут принуждать к этому или угрожать, я не отступлю и расскажу о язвах, которыми страдает наш университет…

«Язвы! Язвы! Этому мальчишке только дай власть!» И побледневший от ярости ректор вскочил и закричал, что не допустит оскорблений в адрес университета, а затем пригрозил уходом в отставку.

В зале поднялся невообразимый переполох. Трудно было понять, осуждали ли ректора студенты или брали под защиту. Хулио Антонио стоял бледный, со стиснутыми зубами. Ему стоило большого труда сдержать себя. Наконец Маринельо удалось погасить студенческие страсти, и Мелья продолжил свое выступление.

Он сказал, что у него и в мыслях не было кого-нибудь оскорбить, но что он твердо уверен, что университет нуждается в реформах, так как, возможно, они станут основой для последующих социальных изменений всей кубинской жизни.

В защиту автономии университета и реформ выступили Энрике Хосе Варона и Лендиан Участники борьбы кубинского народа против испанского колониализма, оба старых профессора взволновали собрание. В особенности Лендиан. Старик от критики университета перешел к критике социального порядка.

— Студенческие волнения — это следствие коррупции и мошенничества, которые царят вне стен университета. Жребий брошен. Когда спартанские женщины посылали на войну своих сыновей, они вручали им щит и говорили: «Со щитом иль на щите». Знаете ли вы, что хотели этим сказать спартанки? Победить или умереть!

И совершенно неожиданным для всех присутствующих стало выступление профессора-медика, участника войны за освобождение Кубы в 1895–1898 годах, Эусебио Эрнандеса. Бывший генерал повстанческой армии, он с горечью говорил о политической обстановке в стране:

— Ваши отцы, воспитанные во времена колонии, не знают, что такое демократия, поэтому они так противятся вашему движению за самоуправление. И это в то время, когда в мире существует страна, где не только студенты, но и школьники принимают участие в самоуправлении. Эта страна потрясла весь мир радикальными преобразованиями, которые она совершила за пять лет после революции, уничтожившей самый деспотичный

режим на земле — царизм. В этой стране школьное обучение бесплатное и обязательное…

Хулио Антонио слушал старого профессора с нескрываемым удивлением и радостью. Откуда у этого генерала в отставке такие познания в области современных политических событий? Хулио Антонио всегда казалось, что только они, молодые, способны правильно оценивать общественные явления, а оказалось, что и среди «отцов» есть люди, которые готовы решительно поддерживать студентов.

Эрнандес продолжал:

— …Многие, услышав мои слова, могут сказать: «Послушайте, да ведь этот человек большевик!» Да, я был бы счастлив заявить с этой трибуны, что я большевик…

Аплодисменты смешались с ликующими возгласами. Вся многосотенная студенческая масса пришла в движение. Казалось, еще мгновение, и развалятся стены актового зала.

Собрание стало триумфом сторонников реформы. Но праздновать победу было рано. По университету поползли слухи, что совет, чтобы подавить студенческое движение, собирается закрыть университет. Дабы опередить противников, руководство федерации призвало студентов занять здание университета и просить правительство поручить ректору разрешить конфликт. Но оказалось, что ректор, испугавшись столкновения со студентами, еще раньше распорядился закрыть на три дня учебные аудитории. Это переполнило чашу терпения, и студенты бросились в свою Alma mater. Они заняли все входы и забаррикадировали их. Во главе студенческих акций стоял Хулио Антонио. Голос его слышался во всех уголках осажденного здания. Он появлялся в самые трудные минуты в помещениях, которым наиболее угрожали полицейские силы. Шла война, в которой, к счастью, пока не было жертв. На второй день к студентам пришел на разведку доверенный человек от самого президента. Но, кроме решительного ответа, что если правительство вздумает применить силу, то студенты скорее взорвут университет, чем сдадутся, он ничего не услышал.

«Наверху», наконец, поняли, что студенты не шутят, и 16 января правительство предложило администрации университета принять студенческие условия, а на следующий день федерация объявила о прекращении «оккупации».

20 января совет университета назначил трибунал по чистке. Через несколько дней был уволен профессор, из-за которого начались волнения.

24 января делегация профессоров и студентов (среди них был и Хулио Антонио) встретилась с президентом республики

Сайясом, а 30 января палата представителей начала обсуждение законопроекта об автономии университета. Решением трибунала по чистке были уволены еще девять профессоров, которые, по мнению Федерации студентов, не соответствовали требованиям времени. 15 февраля по решению федерации начались занятия. Но мир воцарился ненадолго. Поводом к новому бунту послужил отказ декана юридического факультета Хосе Антолина дель Куэто выполнить распоряжение ректора об увольнении одного из профессоров. Волнение захлестнуло весь университет, и ректор, махнув на все рукой, подал в отставку. Временным ректором назначили Хосе Антолина дель Куэто. Это подлило масла в огонь, и вновь актовый зал превратился в центр студенческой ассамблеи. Решительно все студенты требовали отставки нового ректора. И снова на три дня закрылись двери университета. Студенческий гнев вылился в решение объявить университет независимым и назначить ректором Хулио Антонио Мелью. Однако правительству удалось провести студентов: было принято постановление о создании университетской ассамблеи из преподавателей и студентов, которая должна была осуществить реформу. На этом закончился учебный год.

В октябре 1923 года по предложению Хулио Антонио Мельи должен был собраться первый конгресс студентов Кубы.

Для Мельи университет стал более чем средством для получения образования, выхода «в люди». Он с головой окунулся в бурлящую жизнь на «Холме». Общительность, приветливость, разносторонние знания и ораторское искусство сразу же выделили его среди густой студенческой массы. Это студенческое поколение принесло с собой в Alma mater дух бунтарства и стремления к справедливости. Воспитанные на мелкобуржуазных идеалах, студенты провозглашали расплывчатые, бесформенные лозунги «за независимость», «за свободу», «за…». Они скорее всего походили на революционеров ради революции, ниспровергателей всего и всея.

Абстрактность их идеалов в условиях университетских событий 1922–1923 годов начала обретать некоторую форму, но если программа практической деятельности для них была более или менее ясной, то теоретическая основа движения представляла собой хаотическое смешение всевозможных идей. Они были далеки от рабочих организаций, и постулаты социализма имели для них довольно отвлеченное значение. Формирование мировоззрения кубинских студентов того времени начиналось в колледжах, школах, где они знакомились с учением выдающегося уругвайского писателя, философа и социолога

Энрике Хосе Родо, которое оказывало на них глубокое влияние. Его самое знаменитое эссе «Ариель» стало настольной книгой интеллигенции.

Хулио впервые услыхал об этой книге в «Академии Ньютон» от Сальвадора Диаса Мирона. Старый бунтарь и ненавистник всего несправедливого с восторгом рассказывал о герое произведения Родо Ариеле, противнике злого Калибана.

Но только в университете образ Ариеля обрел для Хулио более зримые черты. Он стал символом человека благородного, мужественного и справедливого. Его борьба с Калибаном, гением зла и жестокости, обрела реальность в борьбе латиноамериканских народов против империализма. Ариель стал Латинской Америкой, а Калибан превратился в североамериканского империалиста, грубого, алчного и агрессивного. В то время «Ариель» отвечал на многие вопросы, волновавшие молодежь, и формирование их сознания во многом обязано человеку, который только после смерти обрел славу на своей родине в Уругвае.

Молодежь не видела ни противоречий в творчестве Родо, ни ошибок в его решении социальных проблем, стоявших перед Латинской Америкой. Молодежь увидела в «Ариеле» главное — его антиимпериализм, разоблачение «культуры» Соединенных Штатов, отравляющей сознание миллионов людей, увидела призыв к действиям во имя будущего Латинской Америки.

И все же не Родо и не учения других буржуазных мыслителей оказали решающее влияние на радикализацию мышления студентов Кубы в 1922–1923 годах. Существовали другие факторы, повлиявшие на революционность кубинской молодежи Без сомнения, важнейшим фактором была Октябрьская революция, которая помогла наиболее революционной части студенчества определить свое место в борьбе за демократические преобразования на Кубе. Среди молодежи появился интерес к социализму, к борьбе большевиков, к марксистской литературе. Новые слова и понятия входили в жизнь студентов: большевик, Советы, империализм, пролетариат.

Расширению и углублению революционного студенческого движения также способствовало все большее проникновение североамериканского капитала в экономику Кубы, которое сопровождалось политическим давлением на страну.

Немалое влияние на гаванское студенчество оказало развитие рабочего движения в самой Кубе.

Забастовки кубинского пролетариата стали для студентов наглядными уроками политической борьбы, и если в 1923 году студенты еще не примыкали к рабочему движению, то после I

Национального конгресса ими были сделаны первые шаги в этом направлении.

Девятый день голодовки

Солнечные лучи, прорвавшись сквозь завесу тяжелых облаков, упали на город, и сразу же стены и крыши домов заиграли яркими красками. Улица просыпалась, и в камеру вместе со светом ворвалась ее многоголосая, шумная речь.

Хулио открыл глаза, и сразу же захотелось встать и пойти навстречу солнцу. Скоро должен был прийти Альдерегиа, накануне он сказал, что добьется во что бы то ни стало его перевода в больницу, но Хулио понимал, что дело это трудное и сам Альдерегиа вряд ли был уверен в его счастливом исходе.

Когда в последний раз приходила Оливин, она неожиданно предалась воспоминаниям. Оказывается, до мартовских событий этого года у нее еще теплилась надежда на то, что в один прекрасный день Хулио «образумится» и подумает об их будущем. Но выяснилось, что каждый из них мечтает о разном. Для себя он не знает будущего без политической борьбы, а он ей нужен только без «его» политики. Оливин казалось, что со временем она добьется своего: пройдет бунтарская студенческая молодость, наступит пора рассудочной зрелости. Так думала она до конца марта этого года, когда произошло событие, взбудоражившее всю Кубу…

Кому принадлежит остров Пинос?

Вряд ли нашелся бы хоть один кубинец, который высказал бы сомнение в том, что Пинос входит в состав Кубинского архипелага. Но как бы это ни было парадоксально, история опровергала здравый смысл. Еще до 20 мая 1902 года, когда начала свое летосчисление республиканская Куба, в постоянный договор между Соединенными Штатами и Республикой Кубой было записано, что «Пинос остается вне ее границ и что его принадлежность определится в будущем по договоренности между обеими сторонами».

Но Вашингтону понадобилось более двадцати лет, чтобы «признаться» в том, что остров принадлежит Кубе, и подписать соглашение об острове Пинос, которое гласило, что Соединенные Штаты отказываются от Пиноса «в ответ на уступки Кубы в виде угольных гаваней и морских портов на Кубе».

Этот шаг Белого дома привел в умиление президента Сайяса и его приспешников, и в знак благодарности они решили провести в столице «народную» манифестацию. Кажется, об этом первыми узнали студенты. Сразу же во Дворе Лавров был созван митинг и было принято воззвание:

«Студенты, если вы считаете себя достойными людьми, вы не

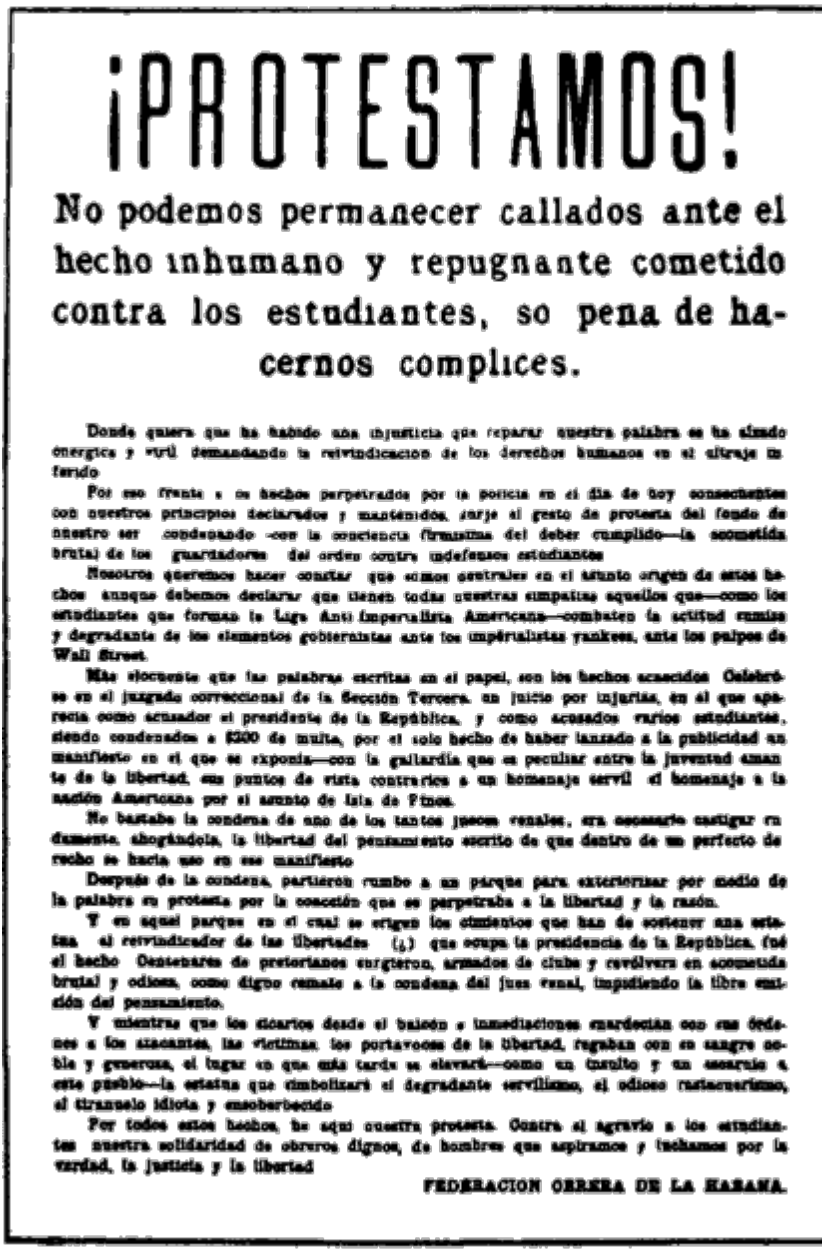
должны участвовать в манифестации, потому что:

1. Передача нам острова Пинос является естественным актом — этот остров всегда был нашим. Только тот, кто никогда не был справедлив, как наше правительство, может удивляться и по-рабски ликовать в ответ на акт лицемерия.

2. Остров Пинос принадлежит Кубе, но Куба не свободна. Капиталисты-янки владеют землями и промышленностью, порабощают народ. Правительство Вашингтона, опираясь на «поправку Платта» и злоупотребляя силой, превратило наш остров в колонию. Вспомните Мэгуна, первого вора-интервента, мистера Гонсалеса, который приказал убивать кубинцев, и Краудера, хозяина Сайяса в свое время, который и сегодня остается его рабом.

3. Правительство Соединенных Штатов отдало нам остров Пинос, потому что он наш, но почему оно не дает свободу Пуэрто-Рико и Филиппинам, которые боролись за свою независимость столько же, сколько и мы? Почему оно не возвращает земли, отнятые у Мексики и Панамы? Почему оно поддерживает войну между Чили и Перу из-за Такны и Арики?

Студенты, бросим клич: „Долой империализм янки! Да здравствует наше достоинство свободных людей!“»



¡PROTESTAMOS!

No podemos permanecer callados ante el hecho inhumano y repugnante cometido contra los estudiantes, so pena de hacernos complices.

Donde quiera que ha habido una injusticia que reparar nuestra palabra se ha alzado enérgica y viril demandando la reivindicación de los derechos humanos en el ultraje sufrido

Por eso frente a los hechos perpetrados por la policía en el día de hoy consecuentes con nuestros principios declarados y mantenidos, surge el gesto de protesta del fondo de nuestro ser condenando con la conciencia firmísima del deber cumplido—la acometida brutal de los guardadores del orden contra indefensos estudiantes

Nosotros queremos hacer constar que somos centrales en el asunto origen de estos hechos aunque debemos declarar que tienen todas nuestras simpatías aquellos que—como los estudiantes que forman la Liga Anti Imperialista Americana—combaten la actitud sumisa y degradante de los elementos gobernantes ante los imperialistas yankees, ante los pulpos de Wall Street.

Más elocuente que las palabras escritas en el papel, son los hechos acaecidos Celebróse en el juzgado correccional de la Sección Tercera, un juicio por injurias, en el que aparecía como acusador el presidente de la República, y como acusados varios estudiantes, siendo condenados a $200 de multa, por el solo hecho de haber lanzado a la publicidad un manifiesto en el que se exponía—con la gallardía que es peculiar entre la juventud emanante de la libertad, sus puntos de vista contrarios a un homenaje servil el homenaje a la nación Americana por el asunto de Isla de Pinos.

No bastaba la condena de uno de los tantos juicios penales, era necesario castigar ejemplarmente, ahogándola, la libertad del pensamiento escrito de que dentro de un perfecto derecho se hacía uso en ese manifiesto

Después de la condena, partieron rumbo a un parque para exteriorizar por medio de la palabra su protesta por la coacción que se perpetraba a la libertad y la razón.

Y en aquel parque en el cual se erigen los cimientos que han de sostener una estatua al reivindicador de las libertades (¿) que ocupa la presidencia de la República, fué el hecho Centenares de pretorianos surgieron, armados de clubs y revólvers en acometida brutal y odiosa, como digno remate a la condena del juez penal, impidiendo la libre emisión del pensamiento.

Y mientras que los sicarios desde el balcón e inmediaciones guardaban con sus órdenes a los atacantes, las víctimas, los portavoces de la libertad, regaban con su sangre noble y generosa, el lugar en que más tarde se elevará—como un insulto y un escarnio a este pueblo—la estatua que simbolizará el degradante servilismo, el odioso rastacuerismo, el tiranuelo idiota y ensoberbecido

Por todos estos hechos, he aquí nuestra protesta. Contra el agravio a los estudiantes nuestra solidaridad de obreros dignos, de hombres que aspiramos y luchamos por la verdad, la justicia y la libertad

FEDERACION OBRERA DE LA HABANA.

Taller Tipográfico Calle Martí No 197

Листовка Рабочей федерации Гаваны в поддержку студентов, отстаивающих принадлежность острова Пинос к Кубинскому архипелагу.

За два дня до подготавливаемой манифестации студенческая делегация вручила свой документ президенту. И сразу же правительство разработало ряд мер, выполнение которых в основном поручалось полиции.

На манифестацию явились государственные служащие, которых обязали дефилировать под угрозой увольнения, учащиеся государственных школ и училищ и, разумеется, солдаты и полицейские. Впереди шли сам президент республики Сайяс и и тот, кому он должен был через два месяца передать власть, — Мачадо. Так началась демонстрация «официального патриотизма, — как писала газета «Эль Эральдо», — в которой не участвовал народ. Это была машина без души».

Всех тех, кто подписал студенческий манифест, президент приказал отдать под суд, но студентов это не испугало, и они также вышли на улицы. У памятника Расстрелянным студентам (в 1871 г., испанскими колонизаторами) возник импровизированный митинг, но полиция разогнала студентов, тогда они отправились на площадь Сервантеса, где к ним присоединились рабочие и другие горожане. И снова возник митинг. Хулио Антонио не успел закончить свое выступление, как снова появилась полиция и он был схвачен и вместе с другими ораторами отправлен в полицейский участок. Там им предъявили обвинение в нанесении оскорбления власти и дипломатическим представителям иностранного государства, но после бурного допроса все были отпущены под залог до судебного разбирательства.

Зал суда был переполнен студентами. Несмотря на требования прокурора осудить обвиняемых на 180 дней каждого, судья ограничился штрафом в 25 песо с обвиняемого. Но Хулио Антонио наотрез отказался платить штраф.

— Я предпочитаю тюрьму. Не хочу, чтобы на мои деньги содержали паразитов! — выкрикнул он и под ликующие возгласы товарищей вышел из суда.

Более тысячи студентов собралось на улице. Мелью подняли на руки и так несли целый квартал, пока не остановились на углу Беласкоин и Монте. Здесь Хулио Антонио, взобравшись на тумбу чистильщика обуви, произнес речь. Этот импровизированный митинг превратился в демонстрацию, в которую влились горожане. Колонна пошла по улицам, до Центрального парка, где высится монумент Хосе Марти, а оттуда к президентскому дворцу, где возводили памятник, который должен был прославить в веках Сайяса. Здесь снова попытались провести митинг, но полиция набросилась на демонстрантов. Произошло побоище, которое было описано газетой «Эль Эральдо» вот так:

«Картина была жестокой, страшной и печальной, какой не видели на Кубе с 1871 года. Преследуемые, словно звери на охоте, избиваемые, с кровоточащими ранами, молодые люди были отправлены одни в полицейские участки, а другие, у кого

были тяжелые ранения, в больницы…»

Но официальная версия приобрела несколько неожиданную окраску, из которой выходило, что «бедные» полицейские чуть не стали жертвой студенческих страстей.

Так по крайней мере 21 марта 1925 года доносил полицейский офицер своему начальству:

«Сеньор!

Имею честь доложить Вам, что сегодня было заведено дело на случай с публичными беспорядками.

В полдень группа студентов направилась в строящийся парк, что напротив Президентского дворца, и там некий Хулио А. Мелья и его товарищи-студенты попытались вопреки приказам и распоряжениям полицейских провести митинг. Они стали выкрикивать оскорбления в адрес достопочтенного Сеньора Президента Республики. А полицейские, которые старались разогнать студентов, стали объектом нападения с их стороны, в результате чего возникли беспорядки и несколько студентов и полицейских были ранены».

Хулио Антонио получил сильный удар в голову, пострадал и его брат Сесилио. Оба были отведены в ближайшую амбулаторию, где им сделали перевязки.

Всеобщее возмущение захлестнуло столицу. Такого давно не видывали в Гаване. Неприкрытое унижение перед Соединенными Штатами, которое продемонстрировали Сайяс и его правительство, больно ранило национальное сознание каждого честного кубинца.

На следующее утро Хулио Антонио проснулся со страшной головной болью. Болели руки, на груди и спине огромные синяки. Но, несмотря на это, он собрался в университет. Никакие уговоры Оливин не помогли. И он, провожаемый ее сердитым взглядом, ушел из дома. В университет собрались репортеры некоторых центральных газет, которым он заявил:

— Народ Кубы, видимо, понял вчера утром смысл нашей социальной системы, которая стремится обращаться с гражданами как с рабами или рабочим скотом. Правительства позволяют народу все, кроме протеста. Вчера нас штрафовали, а позже не позволили свободно выразить наши мысли.

Правительство Сайяса хвастается «нашей свободой», но, когда новое поколение протестует, его избивают в том самом парке, где президент собирается увековечить четыре года своего никудышного правления.

Земля оросилась кровью мятежной и революционной молодежи. И статуя, покоящаяся на невинной и чистой крови, стала освящением фарса на демократию и свободу, в который

вылились действия правительства, продавшегося империализму янки.

Еженедельная газета рабочих «Хустисиа» так откликнулась на эти события.

«Студенты и рабочие знают врага Кубы — империалистов-янки и продавшихся им правящих «патриотов» и местных капиталистов. Зная, кто ваш враг, поднимайтесь на борьбу… Внешние враги выглядят гигантами, но они носят в себе свою погибель, наши национальные враги, как и всякие рабы, слабы. Мы, свободные люди, победим и тех и других».

Слухи об избиении студенческой демонстрации разошлись по всей стране. Почти не было газеты, которая не напечатала бы какой-нибудь материал об этом событии. Для студентов университета это был хороший политический урок.

В те дни Оливин не скрывала своих страхов. Женщина умная, сама не так давно принимавшая участие в студенческом движении, она понимала, что Сайяс по сравнению с новым президентом Мачадо только жалкая марионетка Правда, и Мачадо далеко от него не ушел, но это жестокий и страшный человек. Не раз говорила она об этом Хулио Антонио…

Он лежал с закрытыми глазами. Тюрьма просыпалась: где-то глухо стучали железные двери, слышался топот выводимых на прогулку людей, гулким эхом отзывались в коридорах окрики надзирателей. С моря донесся короткий рев сирены входившего в бухту парохода.

Начинался девятый день борьбы. Его борьбы.

Революция студентов

Лето 1923 года после всех университетских событий, баррикад, изнурительных митингов и демонстраций прошло относительно спокойно. Но жизнь Хулио мало чем изменилась. По-прежнему он увлекался греблей и плаванием. Время от времени играл в баскетбол. Но это была только внешняя сторона его жизни. Спорт занимал меньшую часть свободного времени, большую он отдал учебе по собственному плану. В основном это было чтение. Университетские волнения неожиданно раскрыли ему глаза на многие явления в жизни, и в то же время возникла тысяча «почему», на которые надо было отыскать ответы.

Он начал буквально поглощать книги древних философов и современных политиков. Погрузился в чтение газет и журналов 1917–1922 годов, доставал книги, чтобы изучить все, что было связано с революцией в России.

Однако литература не давала окончательного ответа. Оставалось много нерешенных проблем.

Поиски ответов на мучившие его вопросы натолкнули на мысль взяться за рабочую прессу. В то время на Кубе было несколько газет, издаваемых профсоюзами, среди них две самых крупных профсоюзов — табачников и железнодорожников.

Лето ушло на подготовительную работу к I Национальному конгрессу студентов. Работы было по горло; ведь ни он, ни его друзья не имели опыта. Мелья говорил товарищам, что успех конгресса зависит от четкой политической линии, которую должны избрать студенты, не только борьба за автономию университета, но и борьба за демократические преобразования в общенациональном плане. И разумеется, союз с рабочим классом. Он понимал, что студенческое движение в том виде, в каком оно проходило, может не выйти за рамки простого бунтарства ради бунтарства.

В этот подготовительный период он увлек своими идеями многих товарищей по университету, но главное было впереди — конгресс, на котором эти идеи должны были быть приняты или отвергнуты.

В торжественной обстановке начинался 1 октября 1923 года учебный год в университете. Красивым словам, воздающим «должное» родине, президенту, ректору и другим высокопоставленным сеньорам, казалось, не будет конца. Но вот слово предоставили Гонсалесу Манету, министру образования. Заправский оратор, он с первых же слов обрушил на присутствующих поток обещаний. Пожалуй, даже

университетское начальство удивилось демагогии министра. Но ему не суждено было договорить. Из зала раздался резкий выкрик.

— Сеньор министр, мы устали от обещаний, — чеканил Мелья, — которые не выполняет ваше правительство тиранов и деспотов. Мы не хотим больше вашей мерзкой опеки, пусть учебный год открывает ректор, а не представитель прогнившего правительства. В этом году мы во что бы то ни стало добьемся автономии…

Все присутствовавшие вскочили со своих мест, поднялся невообразимый шум. Студенты аплодировали Мелье. Ректор не смог унять разбушевавшуюся аудиторию, и конец торжеств был скомкан.

На следующий день министр потребовал исключения Мельи из университета, но, когда об этом узнали студенты, волнения охватили весь университет. Проправительственные газеты выступили с предложением закрыть университет. Только рабочая печать поддержала студентов. Одна рабочая газета писала:

«Нас радует, что есть люди, которые нас понимают».

Еще две недели студенты не могли успокоиться. Одновременно шла подготовка к конгрессу. Торжественное открытие его было намечено на 14 октября, в воскресенье.

В тот солнечный день обычная воскресная тишина в университете была нарушена. В конференц-зале собрались делегаты I Национального конгресса студентов Кубы. Это было предварительное заседание, на котором избрали комиссию для проверки делегатских полномочий. После проверки мандатов заседание, на котором председательствовал Хулио Антонио, окончило работу.

В понедельник, в десять часов вечера первое слово взял Хулио Антонио. Открывая конгресс, он коротко пожелал ему успеха. После окончания торжественной части выступил председатель мандатной комиссии. Он поблагодарил устроителей конгресса и в первую очередь Хулио Антонио Мелью и отметил, что это замечательное событие является плодом деятельности Мельи. Именно он подал идею о проведении конгресса, и президент Федерации студентов дал ему широкие полномочия в подготовке этой ассамблеи. Он отметил, что на конгрессе присутствуют 128 делегатов от 53 учебных заведений страны. Они представили 33 доклада по самым различным аспектам студенческой жизни.

Рабочие заседания начались только на следующий день. Первый доклад назывался «Принципы, тактика и цели университетской революции», зачитал его Альфонсо Берналь,

который выступил от имени группы «Реновасьон» («Обновление»), созданной незадолго до конгресса по инициативе Мельи. В эту группу вошли прогрессивно настроенные студенты, которые поняли, что «обновители» по-настоящему берутся за дело.

Доклад этот вызвал упорное сопротивление реакционно настроенных делегатов, к которым относились студенты католических колледжей и в особенности так называемые бывшие студенты. На конгрессе вместе с действительными студентами принимали участие и делегации бывших студентов различных учебных заведений. Одну из таких делегаций католического колледжа «Ла Сал» возглавлял Эмилио Нуньес Портуондо. Многим было знакомо мировоззрение этого горбоносого, с глазами навыкате юноши, ярого защитника всего американского. Студенты-католики обвинили Берналя в том, что он в своем докладе непочтительно отозвался о религиозном образовании. Бурный спор окончился голосованием, в котором Портуондо и его сторонникам было нанесено первое поражение. А по докладу Берналя была принята резолюция: признать необходимым, как того требуют новые времена, воспитывать у студенчества революционное мышление; поручить исполкому будущей Федерации студентов Кубы составить программу, учитывающую все пожелания студентов; создать такую прессу, которая была бы способна руководить студенчеством и завоевать авторитет во всей стране; добиться того, чтобы студенты принимали участие в работе всех университетских организаций; составлять и утверждать учебные планы в самом университете, а не в конгрессе республики.

В конце заседания была избрана комиссия по созданию Федерации студентов Кубы, в которую вошел и Хулио Антонио.

Следующий день — 17 октября стал днем триумфа Мельи. Он выступил с докладом «Декларация прав и обязанностей студента». Когда он закончил его, разразились продолжительные аплодисменты, и декларация была единодушно утверждена. Она давала право студентам принимать самое активное участие в руководстве университетом и даже право на назначение ректора, деканов и т. д. Студенты требовали от правительства республики самого пристального внимания к себе, а также невмешательства в учебный процесс. Суверенитет студента должен был стать основой всей будущей студенческой жизни.

Что касается обязанностей, то студенту вменялось распространение знаний в «обществе и в первую очередь среди пролетариата». Таким образом, по мысли Хулио, интеллигенция и рабочий класс должны были объединиться и сблизиться, «чтобы создать новое общество, свободное от паразитов и тиранов, в

котором все будут жить только продуктами своего труда». Студент был обязан уважать лучших преподавателей и презирать и изгонять плохих. Студент должен стремиться только к истине, стремиться к личному прогрессу, чтобы, таким образом, служить и своему народу и всему человечеству.

Разумеется, декларация могла быть проведена в жизнь только при условии завоевания университетом автономии. Это прекрасно понимали делегаты конгресса, поэтому они предложили всем кубинским учебным заведениям включить положения декларации в свои уставы.

Следующий день начался с доклада студентки Гаванского университета Сары Паскуаль «Любовь, больше любви», который был принят с восторгом всеми делегатами. Паскуаль призывала положить в основу отношений между студентами любовь друг к другу, ибо только любовь поможет студентам осуществить их идеалы.

Прошло три дня после открытия конгресса, и всем стало ясно, что делегаты разбились на два противоборствующих политических лагеря: прогрессивный, возглавляемый Хулио Антонио Мельей, и реакционный, состоящий из студентов католических школ, во главе которых стоял Эмилио Нуньес Портуондо. Пока большинство шло за Мельей, но самые трудные битвы были впереди.

18 октября, как только была зачитана резолюция по школам второй ступени, начались сразу же жаркие споры. Студенты резко критиковали организацию учебного процесса в этих школах, взяточничество, профессиональную деградацию. Группа Нуньеса Портуондо пыталась всеми силами сорвать обсуждение вопроса, но подавляющее большинство поддержало резолюцию, обращающую внимание правительства на падение нравственности среди преподавателей школ второй ступени и на необходимость борьбы против этого.

Следующий день еще более обострил отношения между делегатами — принимались резолюции, в которых содержались политические вопросы, отражавшие интересы не только студенчества, но и трудящихся масс. Мелья выступил с предложениями созвать в будущем конгресс студентов Латинской Америки. При этом он призывал к братскому единению между всеми латиноамериканскими народами, ибо прекрасные результаты такого единения показывает пока что только Советская Россия, которая в этом отношении является исключением среди других содружеств народов. Упоминание России вывело из себя Портуондо, и он потребовал исключить ее из резолюции. Мелья усмехнулся и ответил, что, к сожалению, на

Кубе еще плохо представляют себе Советскую Россию, иначе Портуондо так бы не заявил, но если сеньор Портуондо настолько встревожен этими словами, то он их снимает, дабы он и его друзья не переволновались. Затем резолюция была принята.

Если в первые три-четыре дня возникающие расхождения можно было объяснить молодостью и горячностью делегатов, то теперь, когда была пройдена половина пути, ни для кого не оставалось секретом, что конгресс стал ареной политической борьбы, которую мало кто ожидал, кроме, пожалуй, Мельи и самых близких ему единомышленников.

Дело чуть не дошло до рукопашной, когда начали обсуждать вопрос о всеобщем начальном обучении. Более полумиллиона детей школьного возраста оставались вне школ, но министерство просвещения это мало беспокоило, оно превратилось в избирательно-политическую контору. Конгресс выдвинул резолюцию — организовать «по всей Кубе широкую кампанию по борьбе с неграмотностью, такую, какая была проведена в России Луначарским, а в Мексике — Васконселосом». Сразу же вскочили портуондовцы: при чем здесь Луначарский и Васконселос?! И вновь спор был решен голосованием. Большинство настояло на принятии предложенной резолюции.

Многим приглашенным на конгресс, среди которых были профессора и официальные лица, казалось, что студенты взвалили на себя непосильную ношу, пытаясь разрешить «глобальные» проблемы. Но так могло показаться только людям ограниченным и недалеким. Молодежь начала 20-х годов глубже, чем их отцы, разбиралась в пороках своей родины.

Конгресс выразил протест по поводу гнета, царящего на Антильских островах, в Центральной Америке, на Филиппинах, в Ирландии, Египте, Индии, Марокко, а также выразил пожелание, чтобы народы этих стран обрели независимость и чтобы «кубинское правительство признало право на вооруженную борьбу тех, кто борется за независимость».

Какое дело было этим юношам и девушкам до судеб далекой и незнакомой Индии? Мало ли у них своих собственных проблем, чтобы еще заботиться о марокканцах или ирландцах? Так думали люди ограниченные, забывшие, что пришло время, когда каждый, кто считал себя революционером, не мог отделить свои чаяния от судеб других народов. И вот поэтому конгресс принял такую резолюцию о России:

«Конгресс протестует против несправедливой политики изоляции, которую проводят мировые державы по отношению к Новой России, и просит правительство Кубы признать Социалистическую республику Соединенных Штатов России».

Эта резолюция стала «бомбой», которую бросили в портуондовцев Мелья и его друзья, и она попала в цель: бурные дебаты окончились ее принятием.

Не меньшие споры вызывало предложение об обмене между университетами Америки. Группа студентов, настроенных оппозиционно по отношению к Соединенным Штатам, потребовала не включать в резолюцию университеты этой страны, дабы кубинцы не «заражались англосаксонскими пороками». Кто-то сказал, что нельзя так говорить об американцах, ибо они обладают высоким чувством гражданского долга. Но ему сейчас же возразили, что, конечно, это так, но американец свой гражданский долг выполняет только по отношению к своей стране, а в чужой стране он всегда первым нарушает этот долг. После короткого и горячего спора было решено установить обмен студентами в первую очередь со странами Латинской Америки, а затем и с остальными странами мира.

В дни конгресса был провозглашен декрет Сайяса о запрете публичных сборищ. Когда эта весть дошла до университета, она вызвала возмущение. Студенты назначили комиссию для установления юридической правомочности подобного декрета. И 22 октября комиссия доложила о том, что декрет неконституционен. Делегаты единогласно решили обратиться в конгресс республики с просьбой пересмотреть декрет.

За два дня до окончания конгресса оставалось нерешенным еще много вопросов, поэтому заседали до глубокой ночи. 23 октября Мелья выступил с резолюцией: «Долг студента в свете международного положения Америки». Эта резолюция была подготовлена им самим. И многие студенты, знавшие его хорошо, поняли, что лето для него прошло недаром.

Резолюция показала явную антиимпериалистическую ориентацию конгресса. Вот как выглядела ее постановительная часть:

«Первый национальный конгресс студентов выступает против всех империализмов и прежде всего против вмешательства империализма янки в наши внутренние дела».

Все проголосовали «за», кроме Эмилио Нуньеса Портуондо.

«Первый национальный конгресс студентов решительно протестует против постоянного договора между Кубой и Соединенными Штатами («поправки Платта») и заявляет, что его самое заветное желание покончить с ним. Конгресс также категорически протестует против вмешательства правительства янки и его подручных в наши национальные дела».

Все проголосовали «за», кроме Эмилио Нуньеса Портуондо.

«Конгресс выступает против доктрины Монро и

панамериканизма».

Все проголосовали «за», кроме Эмилио Нуньеса Портуондо.

«Конгресс выступает против существующей на Кубе экономической системы и против международного капитализма».

Все проголосовали «за», кроме Эмилио Нуньеса Портуондо.

Стало ясно, что чаша весов решительно склонилась в пользу Хулио Антонио и его единомышленников, а поведение Портуондо вызывало возмущение делегатов. Поняв это, хитрый Нуньес решил временно перестроиться. И когда Мелья предложил послать сердечный привет Федерации рабочих Гаваны и пожелать крепкого союза между студентами и рабочими с целью изменения экономической, политической и социальной системы, то Портуондо тоже голосовал «за» и попросил, чтобы это отметили в протоколе.

Было принято еще несколько политических резолюций. Одна из них призывала студентов бороться за социально-политический прогресс, за то, чтобы местные власти убрали все плакаты, объявления и рекламы с улиц и площадей, написанные на английском языке.

Делегаты высказались за созыв различных межамериканских конференций, где на равноправной основе разные страны могли бы решать экономические, политические и социальные проблемы. Все единодушно проголосовали против политической опеки одних государств над другими. Все существующие между американскими государствами договоры, ограничивавшие суверенитет наций, должны быть аннулированы, и ни одно американское государство не может вмешиваться в дела другого государства.

Студенты решили возвести в университете аллегорический монумент Гению Латинской Америки и пригласить на его открытие Васконселоса, Хоакина Гонсалеса, Инхеньероса и Луначарского.

И за эти резолюции все проголосовали «за», кроме Эмилио Нуньеса Портуондо. Он остался верен себе до последней минуты конгресса. Если бы знали его товарищи, что в будущем Портуондо превратится во врага кубинского народа!

Одной из самых больших побед прогрессивного студенчества на конгрессе стало решение о создании Народного университета имени Хосе Марти. Предложение это выдвинул Хулио Антонио. Он сказал что Народный университет должен стать центром обучения и воспитания рабочих. Преподавание в нем — бесплатное, там должны были работать самые прогрессивные преподаватели и студенты. Помещение в вечерние часы должен был предоставить Гаванский университет. Предложение Мельи

было единогласно утверждено. Никогда еще кубинская молодежь не была так близка духовно рабочему классу, как в этот октябрьский вечер.

После конгресса Мелья понимал, что трудности с принятием резолюций ничто по сравнению с тем, когда студенты возьмутся за их воплощение. Начинался новый этап борьбы. Он требовал новых форм и методов, новой тактики, а самое главное — уже нельзя было биться в одиночку — нужен был союз с рабочим классом.

За полтора года до создания Коммунистической партии Кубы решения конгресса имели большой политический резонанс. Одна из столичных либеральных газет вскользь заметила в те дни, что такого еще не бывало на Кубе: дети преподнесли своим отцам наглядный урок революционности.

«Alma mater» и «Хувентуд»

Еще летом перед конгрессом у Хулио зародилась мысль создать новый студенческий журнал. Существовавший не мог удовлетворить студенчество 1923 года. Правда, некоторые студенты категорически были против нового журнала, но Хулио сумел убедить всех, что пора перейти от наивных и абстрактных призывов к мятежу, к систематической, настойчивой и программной пропаганде не только университетской революции, но и вообще социальных преобразований в стране.

«Alma mater» был революционизированным вариантом студенческого журнала «Varsity» (от англ. сокр. «университет»), который выходил до него. Первый номер «Alma mater» вышел в ноябре 1922 года. Главным редактором его стал Адольфо Бок, а администратором — Мелья. Тогда ему, студенту-второкурснику, еще не было и двадцати лет.

Обложка студенческого журнала «Alma mater».

Журнал издавался гаванскими студентами, но на титульном листе было написано, что он «Официальный орган кубинских студентов». То, что гаванские студенты взялись представлять все национальное студенчество (кстати, подавляющее число студентов страны училось в столице), говорило об их решимости начать борьбу за свои права на всем острове. В передовице журнала № 1 «Наше кредо» Мелья писал: «Мы те, кто вчера смог выступить против злоупотреблений и иностранного вмешательства, совершаемого по праву сильного».

Мелья с первого же номера стал одним из постоянных авторов журнала, под своими статьями он чаще всего подписывался «Лорд Макпарланд». Журнал принимал активное участие в университетской жизни и студенческом движении и сыграл определенную роль в демократизации мышления студентов, но по своему содержанию он был довольно

«неорганизованным» и поверхностным. Все, кто поднимал голос протеста против любых несправедливостей, могли печататься в нем. Рядом с серьезными материалами соседствовали слабые, ни к чему не обязывающие статейки. Вскоре Мелья понял, что журнал не станет рупором революционного студенчества, если не изменит своего лица. Он был против революционного фразерства, против фрондерства. Иного мнения придерживались другие студенты — руководители журнала. После нескольких стычек с главным редактором Адольфо Боком Мелья вышел из руководства «Alma mater», но сотрудничать не переставал до самого прекращения издания (середина 1923 года).

Из всех статей этого журнала самыми боевыми, злободневными и целенаправленными были материалы Мельи. И именно за эти несколько месяцев, пока существовал журнал, студенты окончательно убедились в том, что именно Хулио сможет стать во главе движения за университетскую реформу.

Обычно его статьи были проникнуты иронией, сарказмом, он был безжалостен к своим политическим противникам. Статью против президента Сайяса он назвал «Великий национальный Будда». С легкой руки Мельи специальный посланник Вашингтона на Кубе Энох Краудер превратился в «идола американских сахарозаводчиков, Ку-клукс-клана и кубинских политиков». В одном из последних номеров он в довольно резкой форме ответил на призыв студентов Спрингфилда создать лигу панамериканских студентов с центром в Вашингтоне:

«Разве вам не хватит того, что вы имеете Гуантанамо, «поправку Платта», большинство сахарных заводов и плантаций тростника, почти все банки и всю торговлю?»

Группа «Реновасьон» почти одновременно со своим созданием поддержала призыв Мельи об издании нового журнала. Решили назвать его «Хувентуд» («Молодежь»). Пришла осень, а журнал еще не родился; не было денег. Но помощь пришла неожиданно. Хулио Антонио, занимаясь подготовкой к созданию Народного университета имени Хосе Марти, познакомился с несколькими рабочими-табачниками, которые рассказали ему, что в районе Старой Гаваны есть одна маленькая типография, где печатается газета табачников «Болетин де торседорес» и что хозяин типографии человек довольно радикальных взглядов. Захватив двух друзей, Хулио Антонио помчался по указанному адресу. Все так и оказалось. Их встретили довольно приветливо, и они, воодушевленные этим попросили печатать их журнал в долг. Хозяин после недолгого раздумья согласился. Радости юношей не было предела. Вскоре первый номер «Хувентуд» появился на «Холме». На титульном

листе стояло: «Основатель и главный редактор — Хулио Антонио Мелья». Журнал стал органом студентов — обновителей Кубы, на его страницах начали публиковаться статьи руководителей рабочего движения, например коммунистов Антонио Пеничета, Карлоса Балиньо. По сравнению с «Alma mater» новый журнал был глубже и содержательнее и чутко реагировал на актуальные события не только на Кубе, но и за ее пределами. Он открыто призывал к союзу с рабочим движением. На его страницах печаталась публицистика Анри Барбюса, Анатоля Франса, были опубликованы «Песнь о Буревестнике» Горького, стихотворение о Р. Люксембург.

Когда Херардо Мачадо начал свою предвыборную кампанию, «Хувентуд» резко выступил против него. Дело было так. Мачадо, пользуясь поддержкой городской буржуазии, крупных латифундистов, а также определенной части интеллигенции, хотел завоевать и студентов. Но он понимал, что путь к ним шел через их лидеров, поэтому его не оставляла мысль привлечь на свою сторону Мелью. За несколько месяцев до выборов, отправляясь в очередную пропагандистскую поездку, он предложил ему поехать вместе с ним. Но его агенты, подосланные в университет, получили сразу же «от ворот поворот». «Я не хочу иметь ничего общего с сатрапами», — отрезал Хулио Антонио. Эти слова вышли из стен университета и попали в печать. В ноябре 1924 года после президентских выборов журнал напечатал фото Мачадо, сопроводив его следующим комментарием:

«Народу дали нового хозяина с его карнавальной демократией. Вновь в нашу республиканскую эпоху разыгран фарс, называемый выборами. На этот раз прелюдия была кровавой. Кубинский народ пролил свою благородную кровь, чтобы защитить честолюбивых политиков, лишенных идеалов. Окончилась комедия, и победитель готовится к раздаче завоеванных постов. Говорить сейчас о социальных проблемах все равно, что болтать впустую».

К концу 1924 года главным редактором журнала стал друг Хулио Антонио Леонардо Фернандес Санчес, но по-прежнему ни один номер не выходил без статей Мельи. К этому времени Хулио стал членом Гаванской коммунистической группы, и политическая борьба для него приняла новые формы и содержание. Общение с рабочими благотворно сказалось на его идейной подготовке. Теперь он не видел иного пути в политической борьбе, как тесный союз с рабочим классом. В одной из статей, «Новые освободители», опубликованной в ноябре 1924 года в «Хувентуд», он писал:

«Дело пролетариата — дело всей нации. В настоящее время

это единственная сила, способная бороться за свободу и победить. Когда он поднимается в гневе, словно новый Спартак, он поднимается на борьбу за интересы всего народа. Он стремится покончить с иностранным капиталом — врагом нашей страны. Он стремится к тому, чтобы народ управлял страной… Социализм для Кубы в настоящее время стал актуальным… Пролетарии — это новые освободители. Наш долг, — обращался Мелья к студентам, — долг интеллигенции — влиться в их ряды».

В 1925 году в марте, накануне вступления Мачадо на пост президента, Мелья опубликовал нашумевшую статью «Мачадо — тропический Муссолини». В то время, пожалуй, только студенчество, а из политических партий — коммунистическая не доверяли Мачадо. Слишком легко собирался он провести тысячи новых реформ. Его поездка в Вашингтон и тесные связи с американским капиталом подтверждали это недоверие. Коммунистическая партия подняла кампанию, разоблачавшую Мачадо как ставленника североамериканских монополий, претендующего на диктаторство.

О пафлете Мельи узнала вся Гавана. Одна промачадовская газета писала тогда, что надо было бы ударить по рукам студентов, которые настолько обнаглели, что нападают на президентов.

Хулио писал в своем памфлете:

«Слова и дела избранного президента подтвердили славу нынешних политиков как мелких тиранов и подонков.

Со дня победы на выборах генерал ничего иного не делает, как подтверждает наше мнение… Он открыто эволюционирует к фашизму, что доказало благословение пугала, сидящего в Ватикане, благословение, ниспосланное ему лично и всему народу Кубы.

Какое счастье на нас снизошло! Святой дух с нами. Но нахождение сего господина в домах кубинцев не безопасно, ведь все знают, как он себя вел в доме плотника Иосифа и его жены Марии!

Ах! Большое спасибо его святейшеству от имени студентов-обновителей за его благословление.

Итак, мы обретем счастье!»

В том же номере он выступил со статьей против расовой дискриминации: «В Санта-Кларе воскресли охотники за неграми».

«Люди с белой кожей стреляют в людей с темной кожей, — писал Мелья, — потому что темнокожие хотят пользоваться правами, которые дает им конституция…»

И далее он обрушивается на властей города Санта-Клары, которые пособничают расистам. И это было более чем смело,

потому что кубинская буржуазия и даже либеральная интеллигенция любила хвалиться во всеуслышание, что, дескать, на Кубе нет расовой дискриминации. Разумеется, как только прозвучал голос Мельи, власти предприняли попытки замять скандал в Санта-Кларе.

Народный университет имени Хосе Марти

Сразу же после окончания студенческого конгресса Мелья взялся за организацию Народного университета. Ректорат Гаванского университета без большого энтузиазма встретил затею студентов. И если он согласился предоставить аудитории студентам и рабочим, то только потому, что не очень верил в возможность просвещения рабочего люда. Правда, студентам помогли и многие прогрессивные представители кубинской интеллигенции, горячо поддержавшие молодежь. Их слово было веским, и ректор не мог с ними не считаться.

День рождения Народного университета стал настоящим праздником для всех прогрессивно настроенных студентов и профессоров. Это произошло 3 ноября 1923 года в актовом зале Гаванского университета.

На первых порах — с ноября 1923 года — организаторы Народного университета столкнулись со множеством проблем. Была отброшена старая методика как отжившая и догматическая. Мелья и его товарищи считали, что этим самым они расчистят дорогу для преподавания в будущем диалектического и исторического материализма — конечной цели учебного процесса в Народном университете. Правда, в то время вряд ли кто-либо из них мог похвалиться глубокими знаниями марксистской философии. Но все были полны энтузиазма и по молодости лет меньше всего думали о том, что может произойти через год-два.

Занятия проводились по вечерам после работы. По форме это были популярные лекции по литературе, трудовому законодательству, социальной медицине, древней истории, политической экономии, праву, естественным наукам. Преподаватели Народного университета, а ими были наиболее прогрессивные профессора Гаванского университета и самые подготовленные студенты из группы «Реновасьон», старались при чтении лекций объяснять многие общественные явления на примерах Кубы. В то время из всех преподавателей только Хулио Антонио был по-настоящему близок к марксизму. И он отдавал все свои знания, весь свой опыт любимому делу. Президентом университета был избран Хосе Сакариас Тальет, генеральным секретарем — Мелья. Из студентов, кроме Мельи, самыми активными преподавателями были Сара Паскуаль, Альфонсо Верналь, Леонардо Фернандес Санчес. Из ранее окончивших Гаванский университет — Рубен Мартинес Вильена, Густаво Альдерегиа, профессор Эусебио Эрнандес, венесуэльские коммунисты, политэмигранты братья Густаво и Эдуардо Мачадо.

Разумеется, никаких опросов, а тем более экзаменов не было. Студенты считали свою задачу выполненной, если их лекции вызывали интерес у слушателей и если число последних росло.

Прошло всего семь месяцев после открытия Народного университета, как ректор Гаванского университета понял, что это не пустая затея студентов и что затея эта представляет определенную опасность для режима как центр, в котором пропагандируются идеи, несовместимые с официальными. Поэтому он запретил проводить занятия в аудиториях на «Холме». Студентов выручили сами рабочие. Они предложили перенести занятия в помещения профсоюзов. Нет худа без добра: изгнание Народного университета хотя и осложнило работу его организаторам, но послужило еще большему сближению рабочих и студентов.

Так однажды перед началом лекции Мелья познакомился с человеком, который стал его другом и наставником на всю жизнь, с рабочим, профсоюзным лидером Альфредо Лопесом.

Позже Альфредо посоветовал ему начать общение с рабочим классом с посещения фабрик. Хулио так и сделал. В конце 1923 года он впервые увидел, как трудятся рабочие. Это произошло на табачной фабрике «Пор Ларраньяга». У ее рабочих были богатые революционные традиции, уходившие корнями в 90-е годы прошлого века, когда в стране зарождалось рабочее движение. Дружба с табачниками ширилась, и особенно крепкой и прочной она стала в городе Сан-Антонио-де-Лос-Баньос, расположенном невдалеке от столицы. У тамошних табачников Народный университет сразу же завоевал любовь, и каждый приезд студентов, а в особенности Мельи, вызывал глубочайший интерес среди его жителей.

В ноябре 1924 года Хулио Антонио писал в журнале «Хувентуд» в статье «Новый учебный год в Народном университете имени Хосе Марти»:

«Народный университет имени Хосе Марти, подобно любому такому же учебному заведению, не является единственным и окончательным средством, которым располагает кубинский народ для своего освобождения. Мы верим, что каждый новый организм, который посвящает себя делу освобождения человека, должен быть очень полезен. Таковы народные университеты. Они разрушают часть современной тирании: монополию на культуру… Знания — это привилегия, которая несет в себе определенные обязательства. Овладевать новыми знаниями и не распространять их — предательство… Образованный пролетариат станет авангардом. А это почетное место в нынешнее грозное время».

Идея Народного университета привлекла внимание молодой кубинской интеллигенции и в других городах страны. Так был создан Народный университет в Камагуэе.

С приходом к власти Мачадо началась подготовка к репрессиям против университета имени Хосе Марти, который Мелья назвал «любимым детищем моих дум». Министр внутренних дел так и заявил: «Народный университет — это опасный очаг коммунистической пропаганды».

Было ясно, что университет закроют. Мелья и его товарищи понимали, что волна репрессий постепенно захватит и Народный университет. Правда, никто из них и не предполагал, что полиция следит за каждым их шагом: на каждом занятии в профсоюзах обычно бывали шпики.

Много позже, после революции 1959 года, историкам стал доступен архив кубинской полиции, и они опубликовали целый ряд документов, среди которых был и этот:

«Сеньору Министру внутренних дел.

Сеньор,

имею честь довести до Вашего сведения донесение (прилагается) агентурного отдела по поводу занятий в Народном университете имени Хосе Марти, а также собрания Антиимпериалистической лиги 23-го сего месяца в помещении Профсоюза табачников по улице Сан-Мигель, № 216–218.

Гавана, 26 ноября 1925 года

По приказу сеньора начальника

С уважением…»

И подпись, размашистая, с завитушкой. Штамп «Национальная полиция», исходящий № 13396. Далее следует само донесение.

«Сеньору лейтенанту, начальнику отдела.

…Во исполнение Вашего устного распоряжения…»

А затем казенным языком сообщается, что вечером 23 ноября в помещении Профсоюза табачников «один из преподавателей объяснял, что такое политическое государство теперешнего общества…»

Как видно из донесения, в дальнейшем преподаватели перешли к вопросу о просвещении, а один из них, по национальности перуанец, обнаглел до того, что заявил, что «нельзя было бы стремиться к созданию новой социальной системы, имея такую же систему образования, как нынешняя. И яркий пример этому Советская Россия».

Затем, дождавшись окончания занятий, шпики увидели, что на трибуну поднялся «сеньор Хулио Антонио Мелья, который

сказал, что сейчас начинается заседание Антиимпериалистической лиги Кубы для того, чтобы образовать Исполнительный комитет с участием студентов и других социальных классов, ибо, исходя из освободительных принципов Антиимпериалистической лиги, в нее могут входить все социальные элементы, за исключением капитализма янки, и что цель, которую преследует лига, — это в первую очередь уничтожить империализм янки, порожденный мощной экономической силой как в нашей стране, так и в других латиноамериканских республиках, и, в частности, на Кубе, потому что, кроме экономической власти, он (империализм янки. — *Ю. П.*) имеет и политическую власть на основании добавки к конституции, известной под названием «поправки Платта».

И так далее, и в таком же стиле, не останавливаясь, не переводя дыхания, на четырех страницах. Беспокойство, если не страх, сквозил в каждой строке донесения подписанного:

«Агент 2» и «Агент 16».

Документов, подобных этому, было не счесть Полиция повсюду раскинула свои щупальца. Тысячи платных доносчиков рыскали ло улицам, площадям, учебным заведениям, пролезали в рабочие организации, на собрания и манифестации и строчили, строчили, строчили…

Смерть Ленина

В то утро небо над городом заволокло тучами, с моря дул резкий, порывистый ветер, который нес с собой мириады капелек морской воды. Январь — зимний месяц даже для Кубы.

Поеживаясь от утренней прохлады, Хулио Антонио шел быстрыми, широкими шагами в университет. Он думал о последнем разговоре с отцом, о бурном конце этого разговора. Старик мечтал видеть сына великим адвокатом, но никак не лидером этих «сумасшедших» студентов. А тут еще выяснилось, что сын ходит в рабочие клубы, выступает там. «Кем ты хочешь быть? — вскипел старик. — Я даю тебе деньги не для того, чтобы ты в один прекрасный день угодил в тюрьму». И Хулио сразу же по его взгляду понял, что отец не хотел этого сказать. Вспылил старик, в сущности, он не был человеком злым и жадным. Просто он понял, что рушится его мечта.

«Кем ты хочешь быть?..» Хулио усмехнулся. Улица пошла в гору. Он замедлил шаг. Он будет бороться. Это он твердо знает. Станет членом коммунистической группы здесь, в Гаване. Это он также твердо знает. Его уже рекомендовали. Будет ли он «великим»? Какое это имеет значение…

Не доходя до угла, от которого начинался университет, он почувствовал, что его кто-то догоняет. Повернулся и увидел двух знакомых студентов, они шли быстрым шагом, и один из них помахал ему рукой. Хулио остановился. Когда они поравнялись с ним, тот протянул ему газету и сказал: «Посмотри». Ветер рвал из рук бумагу, но, наконец, газета была укрощена, и перед глазами побежала черная лента букв: «Вчера ночью… в… после… скончался… Николай Ленин». Смысл слов не сразу дошел до сознания. Скончался… скончался… скончался… Только вот неделю назад, кажется, он рассказывал о Ленине на занятиях Народного университета.

Смерть Ленина трудовая Куба переживала тяжело. И не только рабочие, но и вся прогрессивная интеллигенция. Даже явные враги коммунистов не могли не признать в те траурные дни величие Ленина и его учения.

Гаванская газета «Ла Ноче» писала 24 января 1924 года:

«Ленин стал самым замечательным человеком эпохи, ибо он был осью самого выдающегося социального движения на земном шаре от зарождения христианства до наших дней».

«Смерть великого человека» — озаглавила свою статью «Эральдо дель чоффер». Она писала, что смерть Ленина «станет чувствительной для всего цивилизованного мира», ибо «…Ленин

был, быть может, самым великим человеком века…»

В веренице событий, которые сохранила память Хулио Антонио, особенно запечатлелось одно. В то время о нем говорили все. Поступок алькальда (городского головы) Реглы вызвал уважение даже у тех, кто не разделял взглядов коммунистов.

Регла — пригород столицы на юго-восточном берегу гаванской бухты. В том году во главе самоуправления Реглы стоял алькальд Антонио Бош. Человек прогрессивных и радикальных взглядов, он пользовался уважением среди жителей городка, большинство которых составляли рабочие, трудившиеся на предприятиях Гаваны, а также ремесленники и какая-то часть интеллигенции, чьи богатые предки селились на этой стороне бухты, которая в XVII–XVIII веках была загородной зоной Гаваны.

И вот, как только известие о смерти Ленина достигло и Реглы, Антонио Бош издал 25 января постановление, которое прозвучало на Кубе словно гром среди ясного неба:

«…стало известно, что в России умер гражданин Николай Ленин.

Этот гражданин Ленин завоевал заслуженную любовь среди пролетариата и интеллигенции нашего города, и надо признать значительность его как человека, а так же его выдающуюся общественную деятельность в защиту самых чистых и справедливых идеалов человеческого общества…»

Когда Хулио Антонио читал эти строки, удивлению его не было предела: официальный представитель власти — алькальд и решился на такой шаг. Гаванская администрация, которой подчинялся Бош, по-видимому, так растерялась, что не сумела сразу же отреагировать, а потом было поздно — алькальд Реглы выполнял свое же собственное постановление.

«…Ленин своей общественной деятельностью выделился *как Великий гражданин мира*, поэтому он заслужил признание всех жителей планеты, причина, достаточная для воздания ему должного уважения и восхищения.

Постановляю: Объявить и объявляю нерабочим днем для служащих городского муниципалитета день 26 сего месяца. Убедительно просить и прошу всех граждан города посвятить две минуты молчания такому печальному событию; пригласить и приглашаю всех жителей города в пять часов вечера (час, когда в России будут хоронить Ленина) на вершину холма «Фортин», где будет посажено оливковое дерево в память об этой дате…»

Но когда постановление уже было готово, пришло новое сообщение, которое заставило перенести на один день церемонию.

«…Так как по последним известиям похороны *Великого гражданина мира* произойдут в воскресенье 27-го, постановляю, посадку *оливкового дерева* произвести в воскресенье в пять часов вечера.

Регла, январь, 25, 1924 г.

Доктор Антонио Бош,

алькальд».

Хулио хорошо запомнил то воскресенье и тысячи людей, шагавших по топкой земле к вершине холма. Дождь лил долго, водяная стена отделила Реглу от остального мира, и с утра люди не решались выйти на улицы. По узким, спускающимся в долину улочкам неслись потоки воды. В муниципалитете только было решили, что процессию надо переносить, как дождь прекратился. В разрывах туч засверкало голубое небо, и с солнечными лучами возродились надежды. Но вскоре дождь возобновился, хотя и не такой, как до полудня.

До времени сбора оставалось часа два, но люди уже тянулись к холму. Шли представители профсоюзов из столицы, из соседнего городка Гуанабакоа, из других муниципалитетов провинции и просто жители Реглы. Клич Антонио Боша был подхвачен повсюду. За полчаса до начала церемонии из муниципалитета Реглы вышла процессия во главе с алькальдом. Пологие склоны холма стали скользкими, ноги вязли в грязи, но люди шли наперекор непогоде, неся впереди саженец оливкового дерева. Когда все собрались на вершине, Бош взял в руки лопату. И вот, дрожа под ударами дождевых капель, из мокрой черной земли потянулась вверх оливковая ветвь. И почти каждый подходил и бросал комок тяжелой земли вокруг нее, словно хотел уберечь нежный росток от злой стихии.

Затем все отправились в здание муниципалитета, где состоялось торжественное собрание, на котором десятки людей самых различных политических взглядов говорили о Великом Гражданине Мира.

Delenda est Wall-street[1]

Тюремные стены отгородили от Хулио Антонио весь остальной мир. С ним остались только раздумья и воспоминания да встречи с друзьями. Мозг возвращал в эти дни такие детали жизни, о которых он давно забыл. Иногда он переосмысливал прошедшие события, анализируя собственные поступки. Это была не болезненная рефлексия человека, страдающего от сомнений. Наоборот, несмотря на тяжелое физическое состояние, Хулио Антонио не мучали угрызения совести и сомнения за содеянное в жизни. Путь его был прям, и он был уверен, что в будущем никогда не изменит тому, что стало целью его жизни. На память пришли события начала прошлого года. Тогда он стал членом Коммунистической группы Гаваны. Комгруппа была немногочисленна, в нее входили рабочие, несколько интеллигентов, он был первым студентом в группе. Встретили его приветливо, и никто не скрывал своих дружеских чувств. К тому же рекомендовал его Карлос Балиньо, авторитет которого был непререкаемым. Хулио Антонио с первых же дней стал одним из самых активных членов комгруппы.

В университете положение продолжало оставаться напряженным. Решения, принятые студенческим конгрессом, разумеется, не проводились в жизнь. Ректорат старался утопить в Лете все свои обещания, а министерство просвещения пыталось доказать свою демократичность в основном болтовней своих руководителей или какими-нибудь пустяковыми мерами.

Так, в конце 1923 года, чтобы продемонстрировать заинтересованность правительства в студенческих делах, в университет были назначены два специальных инспектора министерства — бывшие школьные инспектора.

Когда эти новоиспеченные «просветители» появились на «Холме», Мелья собрал товарищей по факультету. Ребята закатали брюки выше колен и с пением детской песенки ворвались в ректорат, приведя в замешательство всех секретарш и служащих. А когда появились разъяренные инспектора, студенты хором стали просить разрешения сходить «на двор».

Их вытолкали вон, и они сразу же разбежались по факультетам и рассказали всем остальным товарищам. Смех на «Холме» не прекращался несколько дней.

Хулио ненавидел продажную администрацию президента Сайяса. Всех этих ректоров, профессоров, докторов, инспекторов, всех, кто в своем подавляющем большинстве когда-то окончил Гаванский университет, прошел через «горнило студенческого

бунтарства», но с годами «остепенился», превратившись в выдержанного и самодовольного буржуа, обремененного солидным положением в обществе. Некоторые из них любили говорить: «Мы тоже были молодыми, тоже бунтовали». Хулио приходил в ярость от этих слов. Выходило, что и он должен был в недалеком будущем превратиться в подобного им пустобреха и фарисея. Ну нет, не дождутся они этого! И он обрушился на своих врагов статьей «Интеллигенты и тартюфы».

«Свобода. Равенство. Братство. Родина, Право, — писал Мелья в мае 1924 года. — Сегодня это только красивые слова, хотя вчера они выражали великие идеи. Сегодня свобода — это разрешение одной касты угнетать другие. Равенство — это смертельные объятия людей, уничтожающих друг друга в братоубийственных войнах. Братство — товарищество несчастных, угнетенных одним и тем же хозяином. Родина — сад, в котором немногие питаются его плодами, хотя и возделывают их. Право — средство защиты покоя сильных после того, как они удовлетворят свои аппетиты».

Он писал, что на смену хвастуну-дворянину, плуту-священнику, хозяину-зверю пришел интеллигент-лицемер. Он вобрал в себя все отрицательное, что было в прошлом. Его ум и подготовка позволяют ему лицемерить с большим искусством.

Он обрушился на интеллигентов, предающих интересы общества с такой же легкостью, как проститутка продается за деньги. Таких интеллигентов, по его словам, надо называть только Тартюфами — они недостойны уважения.

Будущие события подтвердили выступление Мельи. Многие из тех, кто вместе с ним боролся в студенческих рядах, а некоторые из них даже стали коммунистами, с годами отреклись от юношеских идеалов и оказались в лагере политических тартюфов и предателей.

Весной 1924 года Хулио Антонио и Оливин Сальдивар поженились. К этому времени он ушел от отца и вел самостоятельную жизнь, она же, дочь довольно зажиточных родителей, должна была приложить немало усилий, чтобы убедить родителей в необходимости своего замужества. Когда она добилась своего, они сняли более чем скромную квартиру и, собрав свои немногочисленные пожитки, переехали в нее.

Познакомились Хулио и Оливин на втором курсе, она тоже училась на юридическом. Произошло это на баскетбольной площадке, где Хулио как игрок выделялся среди своих товарищей. Оливин пришла с подругами посмотреть на игру университетской команды. Затем она не раз приходила на

различные спортивные состязания, чтобы увидеть его. Хулио также играл в футбол и увлекался плаванием, но больше всего преуспел в гребле. Он был загребным сначала академической «четверки», а затем «восьмерки». В спорте он не забывал о политике. Его «восьмерка» представляла собою не только союз спортсменов, но и союз единомышленников. Не раз их политические враги называли его экипаж «восьмерка большевиков», стараясь вложить в эти слова как можно больше презрения. А однажды идейные разногласия «большевиков» и их противников чуть не привели к рукопашной схватке.

В дальнейшем знакомство с Оливин перешло в дружбу, и она уже приходила не только на спортплощадку, но и на все политические акты, на которых бывал и он. Так она втянулась в общественную жизнь студенчества и стала довольно активным ее участником.

Первые несколько месяцев после женитьбы жизнь их проходила более или менее благополучно. Но постепенно семейные заботы отдаляли ее от общественной жизни, она становилась домоседкой. В ней брало верх желание создать «свою» семью по образцу и подобию обычной обеспеченной кубинской интеллигентской семьи. Долгие отлучки Хулио Антонио раздражали ее, не раз она жаловалась ему, что он предпочитает «свои» митинги и собрания. Правда, временами Оливин уговаривала себя, что она не права, и пыталась подавить раздражение, но на смену приходили беспокойство и даже страх за Хулио. Он всегда был впереди, всегда на виду — на любом митинге или демонстрации. Так, в сентябре того же года ей пришлось немало поволноваться за его судьбу, когда в Гаване произошли события, вызванные прибытием «Италии».

Итальянский военный транспорт, переделанный в плавучую выставку «Италия», бороздил в тот год воды Западного полуострова. По-видимому, дуче пытался убедить мир в процветании его фашистского государства. Однако экспозицию эту в латиноамериканских странах не очень жаловали. До Кубы она добралась после неудач в Монтевидео, Буэнос-Айресе и Веракрусе, где трудящиеся устраивали демонстрации протеста.

Реакционная кубинская пресса еще до прибытия «Италии» начала рекламную шумиху. Вояж фашистской выставки преподносился как выдающееся событие, и Гавана призывалась к демонстрации гостеприимства на высшем уровне. Но устроители торжеств забыли, что уже на заре своей юности фашизм вызывал омерзение у всякого честного кубинца, поэтому сторонники гостеприимства оказались в меньшинстве, и даже власти колебались, боясь, что это повредит их «демократическому» духу.

Тем более на носу были президентские выборы, и, разумеется, кандидаты не хотели рисковать голосами избирателей.

Трудовой люд столицы и студенты решили организовать свой «прием» экипажу фашистского судна. Кампанию возглавил Хулио Антонио. Первыми откликнулись на призыв члены профсоюза служащих гостиниц и ресторанов. Они решили не обслуживать ни один банкет, который будет устраиваться в честь «Италии».

Сразу же Антиклерикальная лига, которую возглавлял Мелья, выпустила «Манифест к народу Кубы», который призывал: «… люди Кубы, закаленные в горниле кровавых эпопей, должны показать себя достойными своей истории, не только печальной и горестной, но также боевой и героической».

Манифест вызвал беспокойство в стане реакции и «Диарио де ла Марина», самая старая кубинская газета (и пожалуй, самая реакционная во все времена своего существования) набросилась 3 сентября на авторов манифеста с руганью, одновременно недвусмысленно призывая правительство не сидеть сложа руки и расправиться с рабочими и студентами, ибо иначе это принесет Кубе крупные международные осложнения.

Но в 1924 году трудно было напугать студентов, уже прошедших школу политической борьбы за свои права. Конфедерация студентов Кубы, Народный университет имени Хосе Марти подняли студентов, Коммунистическая группа Гаваны и профсоюз табачников в первую голову — рабочих столицы. И когда «Италия» ошвартовывалась у пристани, ее встретили около тысячи демонстрантов. Полиция ничего не смогла поделать: слишком сильны были в народе антифашистские чувства.

На следующий день студенты опубликовали призыв к организации митинга протеста: «Всем студентам, рабочим и вооруженным силам республики».

Тысячи листовок объяснили народу значение прибытия фашистских послов. Было рассказано о всех их бесчеловечных преступлениях. Было сказано во весь голос об опасности, которую несет с собой это пропагандистское судно, прибывшее в Гавану.

«…Давно уже на Кубе нет свободы. Если мы не будем протестовать сегодня, то унизимся еще больше, чем прежде».

Митинг состоялся в университете. Если солдаты и офицеры, к которым обращались студенты, не пришли на него, то среди студенческой массы было немало рабочих. И бурными приветствиями встречали они каждого, кто брал слово. И больше всего аплодисментов и одобрительных выкриков было, когда выступали профессор Эусебио Эрнандес и студент Хулио Антонио Мелья.

Власти ничего не смогли сделать с волнениями и вынуждены

были уступить. Не подавлять же оружием демонстрации из-за какой-то «Италии», за два месяца до президентских выборов. Устроителям выставки было предложено поскорее оставить Гавану, что и было выполнено на следующий же день.

В глазах Оливин это событие приобрело особое значение для судьбы Хулио Антонио, и она очень переживала, беспокоясь, что его арестуют. Но все обошлось благополучно.

С приходом к власти Мачадо, как и следовало ожидать, подчинение Кубы монополиям Соединенных Штатов еще более усилилось. Личные капиталы президента были вложены во многие предприятия, которые обеспечивались также и американскими банкирами и промышленниками. Например, ни для кого не было секретом, что в Кубинской электрической компании самым крупным пайщиком был Мачадо, а сама компания была скрытым дочерним предприятием «Дженерал Электрик». Он участвовал в контрактах по крупным общественным работам, был владельцем крупнейшей фабрики красок «Эль-Морро» и других предприятий. Разумеется, новые долларовые вливания в кубинскую экономику обеспечили бы ему новый рост барышей.

Поэтому борьба против Мачадо выливалась также и в борьбу против вмешательства Соединенных Штатов в дела Кубы. До вступления нового президента на пост оставалось пять месяцев, но уже сейчас, в конце 1924 года, чувствовалось, что новое наступление Вашингтона и Уолл-стрита на кубинскую экономику начнется раньше появления в президентском дворце Мачадо.

По совету старших товарищей из Гаванской коммунистической группы Хулио начинает готовить в студенческой среде антиамериканские выступления и пишет брошюру «Куба — страна, которая никогда не была свободной».

Надо было показать, что империалисты-янки всегда были врагами Кубы. Когда она была колонией Испании, в американском конгрессе не раз раздавались голоса, что «Куба по праву должна стать свободной и независимой». Но, освободившись от испанского ига, Куба попала под протекторат Соединенных Штатов. Оказывается, американские конгрессмены ратовали за такую именно «свободу» для Кубы.

С гневом и сарказмом писал Хулио Антонио о мнимой свободе Кубы, чье правительство «никогда не заключит никакого договора или пакта с каким-либо иностранным государством», как гласил пункт I навязанной силой кубинцам «поправки Платта».

Собрав воедино разные факты и документы, анализируя их во время работы над брошюрой, Мелья не раз приходил к

неутешительным выводам. И если бы он уже не был знаком с основными работами Маркса и Ленина по проблемам революции, вряд ли он смог бы написать эту свою первую серьезную работу, отличавшуюся в корне от статей для студенческого журнала.

«Бороться за социальную революцию в Америке — это не бредовая идея безумцев или фанатиков, это значит бороться за шаг вперед на историческом пути, — писал он. — Многие думают, что русский пример не выйдет за рубежи Советской России, но интеллектуальные слепцы, придерживающиеся такой точки зрения, достойны сожаления».

Некоторые его товарищи по университету не одобряли его «увлечения» русской революцией. «У русских своя дорога, нам с ними не по пути», — любили повторять они. «А каким путем пойдем мы?» На этот вопрос не было вразумительного ответа.

Для Хулио Антонио ответ был ясен — классовая борьба, то есть «русский путь».

«Во всей Латинской Америке не найдется ни одного честного человека, кто бы не был врагом капиталистического империализма.

Настал час борьбы. Борьбы жестокой. Кто не возьмется за оружие и не пойдет в бой под предлогом незначительных разногласий, того смело можно назвать предателем или трусом. Споры перенесем на завтра, а сегодня дело чести — бороться. Delenda est Wall-street. Вот новый и спасительный призыв. Кто не поддержит его, станет прислужником (хотя бы из-за своего бездействия) общего врага».

Весна 1925 года была трудной для университета. Положение в нем не менялось — администрации Сайяса было не до него. Через месяц правительство уходило в отставку, поэтому чиновников более волновали свои собственные судьбы, чем студенческие. От Мачадо студенты не ждали ничего доброго, он уже показал свои зубы.

Федерация решила провести во второй половине марта демонстрацию протеста против Сайяса, предавшего интересы Кубы в угоду Вашингтону. В подготовительную работу были вовлечены студенты всех факультетов. На занятиях Народного университета имени Хосе Марти студенты и рабочие говорили о готовящейся демонстрации. Рабочие были полны решимости поддержать студентов.

Демонстрация потерпела неудачу. Она была разогнана полицией. Но, несмотря на это, солидарность студенчества с рабочим классом окрепла еще больше.

23 марта в рабочей газете «Хустисиа» появилась статья Хулио

Антонио «Урок фактов». Он писал:

«Правительство Сайяса в течение 4 лет рядилось в шутовские камзолы лозунгов: «долой вмешательство!» и «восстановление свобод». Эти слова, повторяемые продажной прессой этого республиканского лизоблюда, заставили несчастный доверчивый народ поверить в демократичность режима.

Если бы мы были политиками, то могли бы повторить всю грязь, которую лили на доктора Сайяса и даже на его семью его враги. Великий Будда не протестовал бы. Он стоит выше добра и зла, ибо он никогда не знал значения этих слов. Он похож на ницшеанского сверхчеловека, но сотворенного из живой и кривляющейся погани.

Однако с гордостью и достоинством сатрапа он не позволил бы хлестать своего хозяина. Поэтому он никогда не мог говорить правду хозяину-янки. Но студенты университета всегда и повсюду провозглашали эту правду. И весь народ поддерживает поднявшихся студентов. Солидарность трудящихся умственного и физического труда была ясно подтверждена последними событиями.

Студенты и рабочие знают врага Кубы, это империализм янки и продажные лжепатриоты правители и национальные капиталисты. А раз враг известен, надо разворачивать борьбу».

Эта статья вызвала злобную атаку со стороны реакции. Особенно усердствовали университетское начальство и гаванская полиция, которые старались изо всех сил «обезопасить» университет от растущего влияния Мельи.

Одиннадцатый день голодовки

В узком окне виднелась вершина старого фламбойяна. Уже облетели все листья, и ветви, будто гигантские человеческие руки, бесшумно шевелились в ночи.

Опять не спалось. Неожиданно фламбойян заполыхал пурпурными цветами. Они дрожали, расплывались, превращаясь в тонкие огненно-желтые паутинки… «Неужели цветет? В декабре?» Затем паутина начала скручиваться, стягиваться в узлы, и снова заколыхались в проеме открытого окна багряные капли…

Внизу резко ударила дверь, и с улицы донеслись голоса.

…Вчера его перевезли из тюрьмы в больницу. Все это хлопоты неутомимого Альдерегиа, разумеется, и комитета «За Мелью». Когда носилки выносили из тюрьмы, пролазы-журналисты очутились тут как тут, фотографировали, пытались задавать вопросы. В толпе, окружившей его, было много друзей. Они ласково улыбались, и каждый старался приблизиться к нему, чтобы пожать руку. Но полицейские не отходили от носилок: «Слишком много всяких тут крутится, как бы чего не вышло» — злобно сказал один из них.

Уже пошла вторая декада голодовки. Иногда тело отказывалось подчиняться мускулам. Поднять руку и утереть пот со лба было труднейшей работой. Только голова оставалась ясной…

Но вот этот фламбойян. Чудится ему, что ли, что дерево горит багряными цветами…

А, черт, как он мог забыть! Фламбойян в одном из дворов университета. Каким красавцем он становился летом! Алые цветы гроздьями разбегались по всей его гигантской кроне, и пятнадцатиметровое дерево казалось еще выше. Увидит ли он вновь этот фламбойян? Страшно хотелось хоть на мгновение окунуться в бурную и неспокойную студенческую жизнь, где, казалось, не было для него секретов и где почти все было родным… Да, университет, наверное, придется на какое-то время забыть… Ему отомстили. За все собрания и митинги, за университетскую революцию, за Народный университет и компартию. Он исключен на один год, и ректор утвердил решение дисциплинарного совета. Произошло это всего два месяца назад. Разумеется, ректор не мог не следовать курсу правительства: репрессии против прогрессивных деятелей, против рабочих организаций. С лакейской угодливостью университетское начальство изживало «красную крамолу».

Получив письменное уведомление об исключении, Хулио не

мог не ответить на наглый выпад врага.

«В университетский совет Гаванского университета… Сеньоры…»

Он писал быстро, не отрываясь, словно боясь, что кто-то помешает ему.

«…имел честь получить письмо, в котором меня известили о моем исключении из университета Гаваны. Любопытно, что после трех лет университетских боев за реформу устава применяются его самые реакционные и несправедливые, самые далекие от нового духа университета статьи…»

Усмехнулся про себя: что этим типам «новый дух», для них каждый новый президент — «новый дух»!

«…Мое исключение — это месть. А у мстителей не просят справедливости. Их побеждают. Это не просто месть профессоров университета, вы лучше меня знаете тех, кто заинтересован в моем удалении из университета…»

Разумеется, эти пустомели от науки, заполонившие университет, рады, что его выгнали. Разве только несколько, человек из них искренне ему сочувствуют, а остальные — мачадовские подголоски.

«…Думаю, что я не один раз совершал наказуемые поступки. Мне помнится, что, когда ученый совет университета решил присвоить звание Ректора Honoris causa представителю американского господства на Кубе, я свистел и кричал тем, кто демонстрировал свое унижение и лакейское рвение перед новыми конкистадорами Америки. Меня не предали суду, и проконсул Краудер не получил почетного звания.

Если память мне не изменяет, однажды в январе я выступил в актовом зале перед профессорами университета и кубинскими интеллигентами и, несмотря на протесты ректора, назвал этот университет «бесполезным и окаменевшим организмом», а его профессуру, за очень небольшими исключениями, «музеем ископаемых» и его здания — «грязными сараями». Меня не предали суду. Ведь правда — доктор де ла Торре умеет уважать истину.

Однажды в течение двух дней мы удерживали университет с оружием в руках, и более трех месяцев мы бастовали. Эти тяжелые преступления также не были осуждены на дисциплинарном совете. А не так давно мы вновь восстали против самого представителя Соединенных Штатов.

Ожидать от вас справедливости — пустое дело! Для вас, людей прошлого века, справедливость — это слово на бумаге. Для нас, людей этого беспокойного века, справедливость почти всегда противостоит нормам, предписанным вами. Мы не понимаем друг

друга. Мы говорим на разных языках. Между вами и нами выросла Вавилонская башня. Некоторые из вас, приспособившись к новым временам, произносят слова, достойные внимания Но их так мало!

Чаще всего идеи профессоров покрыты плесенью, словно вещи, извлеченные из подвалов.

Не думайте, сеньоры профессора, что мы какие-то чудовища, стремящиеся уничтожить человечество. Мы считаем, что многое должно отмереть и многое должно быть разрушено…»

Да, причин для его наказания было много. Но повод они нашли — лучше и не отыщешь: скандал с профессором трудового права Мендесом Пеньятой. Эта посредственность, об ограниченности и тупости которой ходили анекдоты, начала с того, что пыталась его завалить на экзаменах, но, когда это не удалось, она сделала все возможное и невозможное, чтобы расправиться на экзаменах с Оливин. Это ей удалось. Затем произошло то, что послужило поводом для его изгнания. Оливин, столкнувшись с Пеньятой во дворе университета, заговорила с ним и попросила его объяснить причину ее неудовлетворительной оценки, на что профессор ответил грубостью. Ожидавший жену тут же во дворе Хулио, услышав, что говорил этот «магистр» наук, не выдержал, подошел к ним и попросил его быть вежливее со студенткой Оливин Сальдивар, его женой. Мендес распалился, начал кричать и на Хулио, вокруг них собрались студенты. Затем последовал вызов на дисциплинарный совет, и его исключили.

«…Разве большинство членов совета не было моими врагами? Я не хочу доказывать это, ибо, если вы только бросите взгляд на прошлое, поймете справедливость моих слов. К тому же все ясно, ведь «наисправедливейшие» статьи устава ничего не говорят по поводу обвинений профессоров-врагов. Да здравствует университетский устав, утверждающий прямо противоположное морали и процессуальным законам республики!

Я не знаю, как бы поступили сами сеньоры ректор и члены совета, если бы подобное случилось с ними. Наверняка действовали бы точно так же, как и я. Неужели они перенесли бы оскорбления, наносимые их женам?

Я повторяю, что вы не способны вершить справедливость не потому, что вы сами несправедливы, а потому, что ваши взгляды на справедливость отличаются от моих.

Если когда-нибудь будет писаться история университета, то выяснится, что «позорно изгнанный еретик» сделал для университета больше, чем все его судьи и обвинители за время их пребывания студентами. Тщеславие? Гордость? Нет, мои судьи,

поверьте, что нет. Просто я твердо уверен, что и в оставшееся для меня время я сделаю больше для моей родины и человечества, больше, чем я успел сделать, будучи студентом, и больше того, что сделали до сегодняшних дней мои судьи…»

Хулио посмотрел написанное, добавил еще две строки и размашисто поставил: «Никанор Макпарланд».

Итак, сначала исключение из университета, затем тюрьма, а что дальше?.. Друзья рассказывают, что репрессии стали чудовищными и что ему надо сразу же после освобождения уехать с Кубы, если он не хочет быть убитым. В особенности на этом настаивал Рубен Мартинес Вильена.

С Рубеном он сблизился после студенческого конгресса, когда тот предложил свои услуги в качестве преподавателя Народного университета. Хулио с радостью согласился, он был знаком с ним недостаточно хорошо, но, как все знавшие Рубена, был о нем высокого мнения. Рубен был на пять лет старше Хулио и в 1923 году уже вел адвокатскую практику. Имя его было известно в связи со знаменитым «Протестом 13» и с его участием в Ассоциации ветеранов и патриотов.

Это было все в том же 1923-м, когда тысячи кубинских юношей проходили свое политическое крещение в борьбе за автономию университета. Рубен Мартинес Вильена возглавил группу из молодых интеллигентов, опубликовавших 18 мая свой знаменитый протест против коррупции, царившей в правительстве Сайяса. Этот «Протест 13» стал как бы сигналом для объединения вокруг Рубена самой прогрессивной и радикально настроенной интеллигенции. Так образовалась Группа минористов (от латинского minor — меньший), в которую вошли молодые литераторы, адвокаты, историки — все, кого волновали проблемы Кубы. Это были интеллигенты нового, республиканского поколения, и они смотрели на события иными глазами, чем их отцы. Группа минористов вдохновлялась неутомимым Рубеном, он был ее душою.

Хулио Антонно понимал ограниченный характер идейного багажа минористов. Ведь недаром они так себя прозвали; предполагалось, что меньшинство сможет возглавить народное движение. Но, несмотря на это, он относился с глубоким уважением к Рубену, который к концу 1925 года выделялся среди своих друзей-минористов социалистическими тенденциями. Это была пора, когда Рубен медленно, но без колебаний переходил к социализму.

В дни голодовки Мельи Рубен был одним из самых активных членов комитета «За Мелью» и одним из немногих, кто верил в

победу Хулио Антонио. Когда Рубен приходил к нему, все вокруг становилось светлым и радостным Его подвижная худая фигура, большие сине-зеленые глаза на тонко очерченном лице сразу же захватывали собеседника. Человек, впервые увидевший его, угадывал в нем поэта, таким лиризмом и в то же время силой веяло от всей его внешности. Да, он был поэтом, причем с удивительно тонким чувством восприятия действительности. Но поэзия не стала для него самоцелью (хотя ему и прочили блестящее будущее), наоборот, он постепенно рвал с нею, ее место занимала революционная деятельность. Через два года он окончательно порвет с поэтической музой, чтобы стать руководителем компартии.

С Хулио Антонио у него было много общего, и, самое главное, это неистребимая вера в лучшее будущее. Рубен прекрасно понимал Мелью, ведь он сам страдал от тяжелого недуга — туберкулеза, который медленно подтачивал его организм, поэтому он никогда не приставал к нему с расспросами о здоровье. Он верил в силу духа своего друга и старался помочь ему выстоять в этой тяжелой борьбе.

Карлос Балиньо

Познакомились они в той самой типографии, где студенты печатали свой журнал «Хувентуд», а Балиньо работал корректором. Юноши сразу же заметили его, и он стал для них непререкаемым авторитетом не только в области испанского правописания и стилистики, но и помогал им разбираться в вопросах политической борьбы, истории, политэкономии. Понемногу сам Балиньо втягивался в круг интересов студентов. В особенности он сблизился с Хулио Антонио, их знакомство превратилось в дружбу. Балиньо понял, что из всех знакомых студентов Хулио больше всех и по-настоящему интересовался проблемами революционной борьбы.

Тогда, осенью 1923 года, Хулио открыл для себя новый мир — мир рабочих.

Карлос Балиньо родился в 1848 году в Гаване. Детство его было трудным, он рано познал тяжелый труд табачника. В юности ему пришлось испытать недоверие и преследование властей как сыну человека, неблагонадежного в политическом отношении: отец его был замешан в антииспанском движении и выслан с Кубы.

Нелегкая жизнь и тяжелая политическая атмосфера заставляли многих кубинцев покидать родные места и переправляться во Флориду. Туда же и отправился молодой Балиньо. В поисках работы он перепробовал много профессий, пока не устроился на табачную фабрику Эдуардо Идальго Гато, известного своими антииспанскими настроениями. На этой фабрике молодой Балиньо по-настоящему включается в политическую работу. Он становится организатором первого рабочего профсоюза табачников «Рыцари труда» в городке табачников Тампе. Там же он начинает работать в газете «Ла Трибуна дель Пуэбло» («Трибуна народа») Не по годам серьезный, скупой на слова, отдававший все свободное время работе среди рабочих, Карлос пришелся им по душе. Для большинства из них, неграмотных или получивших самое минимальное образование, «ученость» Карлоса была вещью недосягаемой.

Его отличали способности и упорство в достижении цели. Живя в Соединенных Штатах, он в совершенстве изучил английский и впоследствии перевел на родной язык немало социалистических произведений, в том числе труды Карла Маркса и Ленина.

В ноябре 1891 года Балиньо впервые встречается с Хосе Марти, с тех пор его жизнь неразрывно связана с деятельностью

апостола кубинской революции. 5 января 1892 года Балиньо подписывает устав Революционной кубинской партии. 17 марта этого же года он участвует в собрании по созданию этой партии. Благодаря его энергии и стараниям во Флориде в местах, где работали кубинцы-табачники, создавались рабочие клубы. В этих клубах собирались люди совершенно различных политических тенденций первые кубинские социалисты, анархисты и просто радикально настроенные рабочие.

Эти клубы становятся центрами пропаганды и патриотических начинаний кубинских эмигрантов. Но как Марти, так и Балиньо понимали, что клубы сами по себе не освободят Кубу, поэтому они видели задачу клубов в концентрации революционных сил кубинской эмиграции. И в этом деле большая заслуга принадлежит Балиньо. Терпеливый и сдержанный, но в то же время страстный оратор и публицист, он пользовался большим уважением Хосе Марти. Будучи членом Революционной партии, Балиньо не оставил своих социалистических взглядов, он понимал, что первейшая задача заключалась в объединении, а затем и в освобождении Кубы от колониального господства.

После окончания освободительной войны 1895–1898 годов Балиньо возвращается на родину, где по-новому разворачивается его организаторский и публицистический талант. Он становится участником зарождающегося кубинского рабочего движения, в 1904 году помогает создать Рабочую партию, первую партию рабочих на Кубе.

Когда Балиньо было уже под шестьдесят, на Кубе назревало объединение всех социалистов страны в единую Рабочую социалистическую партию. Идея эта принадлежала Балиньо. Однако недоставало, как это часто бывает, самого главного — толчка, импульса, который помог бы сделать первый и самый трудный шаг. И этот импульс пришел. Издалека, через всю Атлантику телеграф принес известие о революции в России.

Газеты даже самого правого толка писали о схватках русского пролетариата на заснеженных улицах далеких городов. И надо признать, что большая часть кубинского общественного мнения поддерживала выступления русских рабочих. Кубинские рабочие, объединенные в профсоюзы и Рабочую партию, передовые интеллигенты и студенты с воодушевлением обсуждали телеграммы из России. Для Карлоса Балиньо наступили дни, заполненные до отказа работой и хлопотами. Используя ситуацию, он пропагандирует марксистскую литературу. Благодаря его настойчивости интерес к Марксу и Энгельсу в тот год резко возрастает.

Восстание на броненосце «Потемкин» было воспринято на

Кубе восторженно. Под влиянием одесских событий Балиньо пишет воззвание к трудящимся, призывая их сплотить боевое единство. В феврале того же года он пишет в газете «Ла вос обрера» статью «Забастовки в России».

«Миллионы социалистов во всех частях земного шара сейчас стремятся душой в большие города России, где развертывается мощное революционное движение рабочих.

Судьбы обездоленных всего мира столь тесно связаны между собой, — писал Балиньо, — закон человеческой солидарности столь силен и непреодолим, еще сильнее и непреодолимее он действует среди эксплуатируемых и угнетенных, что сознательные рабочие не перестанут с горячей симпатией наблюдать за развитием событий, угрожающих короне и голове российского самодержца».

К этому времени Балиньо по своим идейным взглядам, разумеется, ушел дальше своих товарищей по партии. Его взгляды на революционную борьбу были четки и ясны. Он пишет в этой же статье:

«И в России есть опасность, что революция не пойдет достаточно далеко. Если революция не сметет самодержавие, аристократию и буржуазию, они дико расправятся с революцией, и еще больше потечет пролетарской крови, намного больше, чем было пролито».

На Кубе, где в 1905 году еще не существовало сплоченного в национальном масштабе рабочего класса, где вопросы тактики общенациональной революционной борьбы еще не были разработаны, статья Балиньо прозвучала смело и решительно.

«Нельзя одновременно любить овец и волков, — призывал он. — Нельзя одновременно любить голубей и коршунов. Нельзя одновременно любить угнетенных и угнетателей.

Пусть социальные изменения произойдут без всякого кровопролития, если это возможно, но если нужно, пусть прольются потоки крови. В России все происходит так, как нужно России. И там, где правительство пользуется методами российского правительства, народ также воспользуется методами российского народа».

Через два месяца в этой же газете публикуется статья Балиньо «Вперед», в которой он, солидаризуясь с большевиками, критикует «специальный социализм» кубинских социалистов, сторонников половинчатых действий:

«…всякие меры, помимо обобществления средств производства, оставляют рабочего на милость более или менее жестокой эксплуатации со стороны буржуазии».

Опираясь на факты — революционные события в России, —

Валиньо настоял на скорейшем объединении Рабочей партии и Интернациональной социалистической группы. Так на основе этого объединения возникла Рабочая социалистическая партия. В 1917 году кубинская общественность горячо приветствовала Февральскую революцию в России. Карлос Балиньо по этому поводу писал в статье «На пути к жизни и свободе»:

«Из семян, брошенных в борозду, были взращены удивительные плоды: самый крупный социальный и политический переворот со времен французской революции».

Другой заслугой Карлоса Балиньо перед кубинским революционным движением является создание первой на Кубе коммунистической организации.

В 1922 году он был президентом Социалистической группы Гаваны. В эту группу входили социалисты различных толков, среди которых было несколько человек, примкнувших к Балиньо, боровшемуся за создание коммунистической партии. Однако в социалистической группе назревал раскол, потому что часть ее членов не разделяла взглядов Балиньо.

И вот настал день, когда на собрании группы выступил Балиньо с декларацией, глубоко анализировавшей международное и кубинское рабочее движение и оценившей значение для пролетариата и прогрессивных сил Кубы «Русской социалистической революции и III Интернационала, созданного Лениным».

Дискуссия по докладу длилась три дня. На четвертый день произошел раскол. Вместе с Валиньо остались еще четыре человека, остальные ушли из группы. Пятеро оставшихся членов социалистической группы во главе с Балиньо утвердили организационные принципы будущей коммунистической группы, которую они намеревались создать. Вот основные положения этих принципов: полная тождественность взглядов с принципами русской революции, осуждение II Интернационала и поддержка III, создание единого пролетарского фронта, вовлечение кубинских рабочих организаций в Красный Интернационал профсоюзов, поддержка 21 пункта тактической линии III Интернационала, выработанного Лениным.

Прошло несколько месяцев, и 17 марта 1923 года эти пять социалистов вместе с несколькими передовыми рабочими и интеллигентами столицы создали Коммунистическую группу Гаваны — первую организацию коммунистов на Кубе.

Партия

После гаванской группы были созданы комгруппы в Сан-Антонио-де-лос-Баньос, в Мансанильо, в Гуанабакоа. Гаванская группа избрала своим генеральным секретарем Франсиско Переса Эскудеро. Карлосу Балиньо была не под силу большая организационная работа: давали себя знать годы. Но он продолжал энергично работать по подготовке документов к учредительному съезду.

Когда были созданы комгруппы, стал вопрос о подготовке к созыву учредительного съезда партии. В конце 23-го — начале 24-го была налажена связь с Мексиканской коммунистической партией, которая уже действовала четыре года. Мексиканские товарищи в начале 25-го пригласили к себе на съезд представителя кубинских коммунистов, но отсутствие денег заставило кубинцев отказаться от поездки.

Открытие учредительного съезда Кубинской компартии было назначено на 16 августа 1925 года. К этому времени приехал в Гавану представитель Мексиканской компартии Энрико Флорес Магон. Хулио Антонио встречался с ним несколько раз, дотошно расспрашивая о деятельности его партии. Магон охотно делился опытом не только с Мельей, но и со всеми членами гаванской группы, он также принимал активное участие в разработке повестки дня и в подготовке проектов резолюций. Магон оказал молодым кубинским коммунистам неоценимую помощь, познакомив их с организацией международного рабочего движения. В частности, много было разговоров о III Интернационале, и кубинцы сразу же решили обсудить на съезде резолюцию с просьбой просить ЦК Мексиканской компартии ходатайствовать перед Коминтерном о принятии в его ряды и кубинской организации.

В незаметном двухэтажном доме в небольшой квартире на втором этаже по улице Кальсада, 81, в столичном районе Ведадо 16 августа открылся учредительный съезд коммунистов.

Окна, выходившие на улицу, были зашторены, и раскаленный августовским солнцем воздух проникал в эту комнату только через приоткрытую дверь и окно, выходившее во двор. Но, кажется, никто не замечал явную недостачу кислорода. Все были поглощены работой. Всего собралось 13 делегатов и несколько приглашенных. Причем Мелья и Алехандро Баррейро были делегатами и от Гаваны и от города Мансанильо, комгруппа которого не смогла финансировать своих делегатов и поручила этим двум гаванским коммунистам представлять ее на съезде.

Открыл съезд Карлос Балиньо. После проверки мандатов, утверждения повестки дня было решено перевести все материалы конгресса на французский, английский, русский и еврейский языки. Среди участников съезда было несколько польских евреев-эмигрантов, давно приехавших на Кубу и знавших русский. Хулио был едва ли не самый молодой из участников съезда, но то, что он представлял две организации, говорило о его авторитете среди товарищей. Внешне он был спокоен и даже сдержан, только блеск глаз выдавал волнение. В деятельности будущей партии он, как и все делегаты, многого не мог предугадать. Впереди был путь, где каждому из них предстояло показать свои лучшие качества, путь, усыпанный терниями.

Прежде чем начать работу, съезд почтил минутой молчания память Ленина. Эта минута молчания напомнила Хулио Антонио клятву верности идеалам великого человека. В тесной комнатке делегаты съезда стояли, чуть ли не прижавшись друг к другу, и это прикосновение к стоящему рядом товарищу словно еще больше скрепляло и объединяло их. Хулио почувствовал в своих товарищах какую-то неодолимую силу, уверенность и готовность к борьбе; и это состояние передалось ему.

Деловая часть съезда началась с отчетов о работе всех коммунистических групп. Затем перешли к вопросу о III Интернационале, и слово взял мексиканец Флорес Магон. Он подробно рассказал о Коминтерне, о его решениях, о 21 пункте, принятом на его II конгрессе.

Съезд принял такую резолюцию: «Первый национальный съезд коммунистических групп Кубы торжественно заявляет, что признает III Коммунистический Интернационал как высшую инстанцию для Кубинской коммунистической партии; что будет быстро выполнять все решения Коминтерна и его органов, ходатайствует о принятии Кубинской компартии в Интернационал на правах его секции».

На съезде выяснилось, что часть делегатов вообще не разбиралась ни в структуре будущей партии, ни в ее уставе. А Хулио даже попросил, чтобы ему объяснили, для чего должна создаваться на предприятиях первичная организация — ячейка. Да, трудно им пришлось бы, если бы не было с ними Флореса Магона. До глубокого вечера сидели они, обсуждая и утверждая организационную структуру партии.

Второй день работы съезда проходил на квартире у Хулио Антонио. Начали с обсуждения вопросов идеологического воспитания. Избрали комитет по идеологическому воспитанию в составе Хосе Мигеля Переса, Берналя и Хулио Антонио. Решили вместо газеты «Луча де класес» («Борьба классов») издавать

еженедельник «Хустисиа» («Справедливость»).

До съезда думали провести его в три-четыре дня, но требования конспирации заставили «закруглиться» в два дня. Обсуждение всех вопросов шло по-деловому, без проволочек, хотя пришлось задержаться на вопросе о тактике партии.

Спор зашел о тактике партии в отношении избирательной кампании. Вначале Хулио был категорически против участия партии в выборах, и доводы его были достаточно вески.

Парламентские выборы для каждого честного кубинца были символом обмана и политической коррупции. Партии, принимавшие участие в выборах, прибегали к самым грязным маневрам, лишь бы выиграть у соперников. В народе об этом знали, и, разумеется, участие компартии в избирательной кампании не возвысило бы ее в глазах трудящихся Кубы. Так думал Хулио.

Правда, после выступления Магона и других товарищей, которые убедительно доказали, что в период становления партии ей необходимо завоевывать авторитет среди широких масс, а избирательная кампания даст ей возможность для выхода на политическую арену и для пропаганды социализма, съезд единогласно одобрил участие партии в выборах.

В конце заседания, когда уже было далеко за полдень, обсудили работу среди молодежи и женщин, а также организацию борьбы среди крестьянства и сельскохозяйственных рабочих.

В седьмом часу вечера приступили к выборам Центрального Комитета (9 членов и 4 кандидата). Генеральным секретарем был избран Хосе Мигель Перес. Членом ЦК был избран и Хулио Антонио. Ему поручили идеологическую работу. Но случилось так, что ему пришлось фактически возглавить работу кубинских коммунистов вплоть до самого ареста — 27 ноября 1925 года. И вот почему.

Через две недели после съезда, 31 августа, Хосе Мигель Перес был схвачен полицией и 3 сентября выслан в Испанию. Дело в том, что он был родом с Канарских островов (принадлежащих Испании), но нужда заставила его переехать на Кубу[2]. Генсеком стал его заместитель Хосе Пенья Вилабоа. Это был старый, заслуженный деятель рабочего движения, но у него было очень плохо со здоровьем, да и а годах он мало уступал Карлосу Балиньо. Так что к Мелье с его авторитетом среди студенчества, интеллигенции и рабочих все относились как к руководителю Кубинской компартии. Его арест подчеркнул только его авторитет в стране. В истории республиканской Кубы таких массовых выступлений в защиту арестованного политического деятеля еще не бывало.

Пятнадцатый день голодовки

«Имею честь сообщить Вам, что больной из моей палаты сеньор Хулио Антонио Мелья отказывается внимать моим советам. Он не принимает пищу и выбрасывает все, что ему приносят. Этим самым нарушается статья 23 (пункты 2 и 3) распорядка больницы. Исходя из падающей на меня ответственности и тяжелого состояния больного, срочно сообщаю Вам, чтобы Вы приняли соответствующие меры и информировали бы сеньора президента Благотворительного общества.

С глубоким уважением

Доктор Педро Барильяс».

Это письмо было опубликовано в газетах 20 декабря 1925 года и вызвало новую бурю гнева не только среди рабочих и студентов, но и среди радикально настроенных буржуа.

Все ополчились против президента, который в нарушение существовавшего закона не хотел освободить Мелью под денежный залог.

Когда около полудня в больницу пришел Альдерегиа, Хулио Антонио лежал с закрытыми глазами. Вошедший следом доктор Барильяс прошептал:

— Спит…

Альдерегиа отрицательно покачал головой, он медленно подошел к кровати и взял со столика полоску серой бумаги. Глядя на нее, он одновременно косил глазом на Хулио:

— Пульс… пульс… — пробормотал он и подумал, что еще несколько дней и такого пульса не станет, — «…аритмичный, слабый… температура 37, давление пониженное, тоны сердца приглушенные… Повышенная рефлексивность… Признаки нервозности… 30 фунтов».

Опустил руку с бумажкой и сразу же поднял. На последней строке: «Потеря веса около 30 фунтов».

Доктор Барильяс вышел из комнаты. Альдерегиа продолжал внимательно смотреть на своего друга.

Вдруг легкая, еле заметная улыбка тронула губы Мельи, и медленно поднялись веки.

— Я не сплю..

— Знаю, знаю, — Альдерегиа улыбался как можно непринужденнее.

— Передай всем, кто… кто хочет меня уговорить…

У Альдерегиа мелькнула мысль: «Неужели догадывается?» Мелья смотрел в упор:

— …или хочет облегчить мне жизнь…

«Догадался», — понял Альдерегиа.

— Мне ничего не надо… мне хорошо… — Кожа на скулах, поросшая иссиня-черной бородой, слегка дрогнула. — Я проживу без витаминов и даже без мороженого с кремом…

— Что ты, что ты, зачем тебе твое мороженое, хоть ты его так любишь…

— Мне ничего не нужно, — хриплым, еле слышным голосом перебил Мелья, — даже витаминов, даже витаминов. Понял, Густаво?

Альдерегиа стоял, словно провинившийся ученик. Накануне он решил поддержать организм друга и приказал под видом взятия сока с помощью резинового зонда влить в желудок раствор витаминов. Но Мелья разгадал его хитрость, и теперь он не разрешит даже притронуться к себе.

Как бы отвечая на его мысли, Хулио Антонио вновь заговорил:

— Я предупредил Оливин и этого доктора Барильяса, что никого больше к себе не допущу… ни медиков, ни всяких там лидеров, сам знаешь кого…

Четыре дня назад доктор Оросман Виамонтес согласился быть адвокатом Мельи. И первое, что он сделал, это направил в суд заявление о пересмотре обвинения, основанного на ложных фактах. Ответ не заставил себя долго ждать, и дня через два судебные власти вручили его: Мелью на поруки не отпустят. Все было написано в вежливой форме.

Ответ суда был опубликован в нескольких газетах, что вызвало еще больше негодования. На следующий день у здания Гаванского подготовительного института собралась огромная толпа демонстрантов. Здесь были студенты университета, старшеклассники, рабочие, представители Женского клуба Кубы, члены комитета «За Мелью». Они собрались направиться к президентскому дворцу. Но полиция опередила их. И еще не начавшаяся демонстрация была разогнана.

Но зато в Центральном парке рабочим удалось провести митинг с требованием немедленно освободить Мелью.

Все понимали, что дело Мельи давно находится не в компетенции суда и что все зависит от президента-диктатора. Поэтому на родине Мачадо, в Санта-Кларе, манифестанты обратились к его матери, чтобы она замолвила словечко за Мелью.

В городке Сагуа-ла-Гранде в митинге протеста участвовала почти вся молодежь, и пришел даже сам городской голова.

А в Сан-Антонио-де-лос-Баньос, центре табачников, где была создана одна из самых первых коммунистических групп и были

сильны традиции пролетарской солидарности, рабочие организовали забастовку протеста.

В газетах публиковались письма, требующие освобождения Мельи, которые шли из самых неожиданных адресов. Писали офицер Леопольдо Кеса и священник Диас Волерго, который предлагал свои услуги в оказании помощи «моему замечательному Мелье».

Доктор Густаво Альдерегиа опубликовал обращение к народу Кубы:

«Народ Кубы! Поднимись!

Народ моей родины! Ориенте, провинция моя! Отбрось свои политические лозунги, которые привели тебя к рабству. Поднимись и протестуй, стисни зубы и воскликни: «Я обвиняю!» Пришел твой час, достойный гнева и подвигов».

Воззвание доктора разошлось чуть ли не по всей стране, а в городе Колоне ето перепечатали и стали распространять по всей округе.

Друзья и товарищи по партии, зная характер Мельи, предпринимали отчаянные усилия, чтобы спасти его. И в один из дней они решили: надо встретиться с самим Мачадо.

Рубен Мартннес Вильена работал тогда в адвокатской конторе Фернандо Ортиса. В эти декабрьские дни никак не хотелось сидеть в конторе, голова была занята делом Мельи, которое стало для Рубена делом его совести и чести. Поэтому он решил через своего приятеля капитана Муньиса Вергару, который хорошо знал Мачадо, встретиться с президентом. Рассудительный капитан решил вначале нанести визит своему старинному приятелю министру юстиции Хесусу Мариа Барраке. Он надеялся уговорить министра, чтобы тот, в свою очередь, уговорил президента.

Так и сделали. Отправились к Барраке. Тот слегка занемог, но встретил их радушно. Завязался разговор, и не успел капитан Вергара объяснять суть дела, как послышался рокот моторов и у дома остановились несколько машин. В сопровождении многочисленной охраны и свиты в дом вошел Мачадо. Приезд его был неожиданным: президент пожелал вручить подарок дочери министра, у которой в тот вечер должна была состояться свадьба.

Увидев капитана Вергару, он подошел к нему и обнял его. После короткого разговора Мачадо собрался уезжать, но капитан Вергара, воспользовавшись его хорошим расположением духа, представил ему Рубена Мартинеса Вильену и объяснил суть его просьбы:

— Генерал, Мелья хороший парень. Не пьет, не играет… Он

увлекающийся юноша, но парень он хороший… Почему бы не отпустить его под залог, как любого другого подсудимого? К тому же если он умрет от голода, то обвинят вас и правительство в его смерти… И все только из-за того, что его не отпустили под залог…

Ко всеобщему удивлению, Мачадо не вспылил и довольно спокойно возразил:

— Капитан, вы же порядочный человек, но из-за вашей доверчивости вас всякий обведет вокруг пальца. Ведь Мелья коммунист! Коммунист!.. Он публично, в листовках назвал меня убийцей! А я, по-вашему, должен все это терпеть!

Бледный, с устремленными на Мачадо глазами к нему приблизился Рубен. И вдруг звонкий, полный презрения голос его прорезал наступившую тишину:

— А что вы знаете о коммунистах? Нечего говорить о том, чего не знаешь!

Все окружение Мачадо замерло в немом испуге. Адъютанты и агенты тайной полиции в штатском смотрели только на Мачадо. А тот, словно зверь, почуявший легкость добычи, заговорил вкрадчивым голосом:

— Юноша, вы правы. Я не разбираюсь ни в коммунистах, ни в анархистах, ни в социалистах, для меня они все на одно лицо… — И вдруг Мачадо дико закричал: — Все они плохие патриоты!.. Все эти студенты, рабочие, и всякие там лжепатриоты, и этот ваш Мелья не проведут меня как дурачка. Я прикончу его! Прикончу, и все!

И генерал разразился грязными ругательствами. Он трясся от негодования, из-за больших очков злобой сверкали глаза, и руки с силой резали воздух.

Рубен нервно курил, выпуская дым из ноздрей, — это было признаком сильнейшего раздражения.

Барраке обнял Мачадо за плечи, вокруг них сгрудилась президентская свита, и они буквально потащили Мачадо к автомашине: не дай бог, случится истерика, тогда генерал мог уничтожить всех и вся.

Расстроенный и злой ушел Вильена от Барраке. Когда он, хлопнув дверью, вошел в контору, его коллеги с беспокойством посмотрели на его расстроенное лицо. Он смог только выдавить.

— Это настоящий дикарь, животное! Осел с когтями! Осел с когтями, вот кто он!..

Не думал тогда Рубен, что это прозвище прочно пристанет к Мачадо и что в народе отныне его будут звать только этой презрительной кличкой.

«Глубоко тронутые просьбой студентов, а также жителей Санта-Клары, умоляем тебя освободить Хулио Антонио Мелью. Просим тебя как родители, которые любят детей своих. Прикажи освободить несчастного юношу. Мы благословим тебя, и господь воздаст тебе с лихвой».

Так писали престарелые родители «осла с когтями». Они еще не знали, что их сына наделили такой презрительной кличкой. Старый лис, папаша Мачадо, про которого рассказывали, что в молодости он не брезговал угоном скота с чужих пастбищ и вообще был не чист на руку, по-видимому, почуял, что история эта слишком далеко зашла и надо бы сыночку кончать с ней.

Но его чадо и впрямь было ослом, что подтвердила газета «Эль Диа», опубликовав 20 декабря его ответ:

«Если бы меня просили только мои родители, я бы не смог отказать им, но они просят меня под давлением других людей. Поэтому я не уважу их просьбу и решительно отказываюсь вмешаться в это дело».

Все, кто хорошо знал Мачадо, не очень удивились его словам, а все, кто еще верил в его доброту, продолжали атаковать президентский дворец посланиями.

Шли телеграммы из Калабасара и Хатибонико. Приходили письма из Мансанильо и Виктории-де-лас-Тунас.

Поддерживали Мелью табачники из Матансаса, рабочие сахарных заводов из Камагуэя. Батраки Сан-Кристобаля пытались доказать диктатору незаконность ареста коммунистического вожака.

Шла упорная борьба не только за жизнь Мельи. Победа означала бы победу рабочего класса и его партии. Политическая обстановка в стране складывалась не в пользу Мачадо. С каждым днем кампания «За Мелью» расширялась. Правда, не все верили в победу этого «вчерашнего студента». Например, его бывшие коллеги — студенты из Матансаса — публично, через газету попросили, «чтобы останки Хулио Антонио Мельи были захоронены в Гаване на кладбище имени Колумба в пантеоне студентов, расстрелянных 27 ноября 1871 года».

Нашлись также и такие «друзья», которые умоляли сохранять порядок и спокойствие, так как «Мелья отходит в вечность».

Буржуазная газета «Эль Диа», которую нельзя было обвинить в приверженности к коммунистам, опубликовала 16 и 17 декабря две статьи, написанные в ироническом и довольно резком тоне.

В первой — «Умирающие от голода», она писала, что если Мелья умрет, то общество не будет иметь права заявить, что он «умер от голода», ибо ни одна личность до него не достигла такой человеческой цельности и мужественности. В другой

статье, «Мелья и Арройито» [Арройито — это бандит, о котором в те дни взахлеб писали газеты], «Эль Диа» сетовала, что никто не вспоминает о героизме человека, «представителя современной молодежи, отказавшегося от материальных благ и почестей и вписавшего кровью свое имя в историю Кубы». Газета жаловалась, что «Арройито живет себе поживает в своей камере в Национальной тюрьме, что он такой же толстый, как и раньше, и пышет здоровьем, в то время как Мелья умирает от голода по своей собственной воле».

Семнадцатый день голодовки

Их было четверо. Они только что вышли из больницы. Все молчали, стараясь не смотреть друг на друга. Прохожие могли подумать, что эти юноши натворили что-то и червь раскаяния точил их души…

Уже больше часа, как ушли эти юноши, а Оливин все так же стояла, прижавшись к стене, и смотрела на него. Казалось непостижимым, что он еще жил. Никто уже не сомневался, что дни его сочтены, даже, может, часы… Но наверняка он сам не верил в свою смерть. С каким презрением он выставил этих студентов, бывших его однокурсников!

Накануне вечером после бурных споров, когда дело чуть не дошло до рукопашной, Федерация университетских студентов приняла решение: Мелья должен прекратить голодовку.

Четырех студентов делегировали в больницу, чтобы они уговорили Хулио Антонио выполнить решение федерации, но чем окончилась их миссия, уже известно. Днем раньше такая же участь постигла делегацию Ассоциации служащих Гаваны, которая решила «спасти» его: силой увезти из больницы.

Сейчас он лежит в своей обычной позе: на спине. И молчит. О чем он думает? Многое она отдала бы за то, чтобы узнать его мысли. Найдется ли в них хоть немного места и для нее? Она знала, что для Хулио Антонио интересы друзей и его дела всегда были выше своих собственных, даже выше интересов семьи. Семья! Была ли у них семья? Какая кубинская семья не имеет детей? А у них до сих пор нет. Первые роды были неудачными. Будут ли у нее еще дети? Говорят, что ребенок привяжет отца к дому. Если бы так… Вечно эти собрания, митинги, демонстрации, полицейские налеты и, наконец, тюрьма. Борьба за социальную справедливость? Но сколько можно бороться? Год, два, три… всю жизнь… Это страшно… Всю жизнь… Для него нет ничего страшного — всю жизнь так всю жизнь. А что же делать ей, тоже «всю жизнь»?

Легкий стук вывел ее из раздумий: в палату вошел дежурный санитар. Неужели уже надо уходить? Может быть, разрешат остаться на ночь? Но служащий уже делает ей знаки. Упрашивать — бесплодное занятие. Только не дай бог у Хулио повторится сердечный приступ, что случился под вечер. Это был первый приступ за все дни голодовки. Пульс стал пропадать со страшной быстротой, кожа под скулами втянулась, казалось, что в теле у Хулио не осталось ни кровинки. Если бы не доктор Альдерегиа, у которого сердце чуяло неладное и он прибежал в больницу на два

часа раньше намеченного времени, кто его знает, чем бы все кончилось. Густаво успел и ее успокоить, чуть ли не силой вылив в рот горькую микстуру. Но доктор сам тоже поволновался. По глазам было видно, да и руки его выдавали: слишком быстро они двигались, слишком. Они спешили опередить смерть. И только, когда лицо и грудь Хулио Антонио покрылись легкой испариной и задрожали и раскрылись губы, Густаво первый, а затем и она поняли, что страшное осталось позади.

А сейчас нужно уходить. Если бы она была уверена в могуществе всевышнего, то всю ночь простояла бы в церкви, лишь бы до ее возвращения ничего не случилось. Но она знала, что на свете есть только единственная сила, способная поддерживать жизнь в теле этого человека. Это его дух. Все остальное сейчас было бессильно.

Восемнадцатый день голодовки

Утро было обычным. Вошел санитар, ленивым движением сунул в рот больного термометр, сделал вид, что прибирает палату, затем вытащил термометр, записал на сером квадратике бумаги и, оглянувшись через плечо на лежащего, вышел. Так начался день.

Вскоре пришла Оливин. Она не произнесла ни слова. Только ласково, еле касаясь кожи, отерла пот с лица.

— Не волнуйся за меня…

— Я ничего… Ты вправе поступать так, как велит тебе твоя совесть, — губы ее дрогнули.

— Ну вот, — медленно протянул он. — Успокойся, пожалуйста, — и слегка сдвинул свою руку, словно пытаясь положить ей на колено.

Оливин судорожно схватила ее. Как немощна сейчас эта сильная рука…

— Я не буду… постараюсь, я знаю, тебе намного тяжелее, чем мне и всем нам. Ты выдержишь. Я буду все время около тебя..

Хулио Антонио ласково улыбнулся, и его пальцы шевельнулись, отвечая на рукопожатие.

Оливин захотелось говорить. Надо говорить, что-нибудь рассказывать, чтобы отвлечь его от тяжелых мыслей. Заставить его думать о другом. Но как это сделать? О чем?.. О политике? Нет, нет! И неожиданно для самой себя она произнесла:

— Ты знаешь, Росалия Бок тоже подписалась под петицией, посланной Мачадо, — сказала она и подумала: «Зачем это я?»

Когда-то в университете поговаривали о близости Росалии и Хулио Антонио, хотя близкие друзья Хулио Антонио знали, что это были просто сплетни. Так и получилось: в один прекрасный день все узнали, что он не разговаривает с Росалией. Истинной причины ссоры никто толком не знал. А дело было не в противоречиях амурного характера, как думали многие, а политического. Брат Росалии, тоже бывший друг Хулио Антонио, стал его политическим противником. Молодой Бок не разделял взглядов Хулио. В политических спорах сестра открыто поддерживала брата. Прямой и откровенный Хулио Антонио не мог дружить с человеком противоположных взглядов. Оливин вдруг стало горько и обидно за себя. Ведь она тоже не во всем согласна с ним, хотя и любит его и она его жена. Ей не по душе коммунисты, и он это знает. Она тоже за социальную справедливость, но она против убийств, кровавых революций. Всё должны решить образованные люди с помощью реформ. Но он

верит в противоположное… Не ждет ли ее участь Росалии?

— Вот оно что… — медленно, словно продумывая каждое слово, пробормотал Мелья. — И она решила протестовать. Смотри-ка, так и в забастовщицу превратится, — улыбнулся он иронически.

— Знаешь, девочки они еще, эти студенточки с зубоврачебного факультета…

— Ничего, ничего, когда-нибудь и они нам помогут.

— За эту неделю в газетах было много протестов против твоего заключения и даже напечатали фамилии всех других арестованных руководителей рабочих.

— Ко мне уже заходили товарищи, много интересного рассказали. Сейчас готовят демонстрации по всей стране… Не я же один в тюрьме… Вот освободят…

Оливин смотрела на него нежно и даже жалостливо. Перехватив ее взгляд, он замолчал, а затем спросил:

— Ты, кажется, не веришь, что мы выиграем?

— Что ты, что ты! Прости меня, это я просто так… Что мы будем делать после того, когда ты вернешься домой?

— Что и раньше…

Ей захотелось крикнуть: «Не надо больше, Хулио! Я не хочу больше тюрем!», но она сказала:

— Ты знаешь, пришла телеграмма из Буэнос-Айреса. От имени жителей муниципалитет просит Мачадо о твоем освобождении. Даже в мексиканском сенате приняли решение ходатайствовать за тебя. — Она говорила быстро, словно боялась, что он ее перебьет. — А железнодорожникам удалось провести митинг и опубликовать в газете «Эль Диа» протест от имени 12 тысяч членов профсоюза железнодорожников. В этой же газете напечатали письма и телеграммы из Морона. — Оливин внимательно следила за Хулио, и ей показалось, что он засыпает. Она понизила голос: — Твой друг Альфредо Лопес начал большую работу в Национальной рабочей конфедерации. Он сказал, что письменный протест конфедерации — это только начало и что они проведут забастовки и митинги… — Хулио спал. Словно боясь, что он проснется, если она замолкнет, Оливин продолжала говорить тихим голосом. — Ассоциация студентов-медиков опубликовала письмо к президенту… Учащиеся из Гуанахая создали комитет и тоже послали телеграмму протеста…

Входная дверь внизу хлопнула с такой силой, что Хулио вздрогнул и приподнял голову. Оливин придвинулась к изголовью. Ее встревожил этот стук. Было слышно, как по лестнице бежал человек, нет, кажется, двое или даже трое… Вот

топот бегущих уже слышен в коридоре. Ближе, ближе…

Оливин еще ближе подвинулась к Хулио, словно пытаясь заслонить его от неизвестной опасности. Рванулась дверь, и в комнату влетели Рубен Мартинес Вильена и Альдерегиа.

— Победа, Хулио, дорогой! Победа! — закричал Рубен, размахивая какой-то бумажкой.

— Ты свободен, Хулио! Ты свободен! — шумел Альдерегиа.

Вновь распахнулась дверь, и вошел кто-то с сияющим от счастья лицом, за ним еще кто-то. Каждый входящий считал своим долгом говорить громким голосом, перебивая друг друга и обращаясь к Мелье.

Оливин в первое мгновение растерялась: минуту назад она, кажется, не сомневалась в гибели Хулио, а сейчас в эту серую больничную палату вошла жизнь… Она как ошалелая смотрела вокруг, а затем бросилась к Хулио и обняла его, прижавшись лицом к черной колючей бороде. Спазмы сдавили горло, и она не могла произнести ни слова. Повернула лицо и посмотрела в его глубоко запавшие глаза, столько твердости и решительности было в их взгляде, что ей стало стыдно за свою недавнюю слабость и неверие.

Рубен, ласково улыбаясь, смотрел на друга. Он вспоминал эти проклятые 18 дней, когда каждый восход солнца таил в себе неизвестность. Но, кажется, все самое страшное осталось позади, надо думать уже о будущем…

Словно угадав его мысли, Хулио сказал как мог громче:

— Я не успокоюсь, пока не добьюсь освобождения остальных товарищей… Надо приступать к решительным действиям…

— Да, за других товарищей мы еще поборемся, — поддержал его Рубен. — Но тебе не опасно оставаться здесь? В Гаване?.. На Кубе?..

— Рубен, — заговорил взволнованно Хулио, — я поступлю так, как скажет партия… Ты должен… Все вы должны понять — я не один, я член партии… Если ЦК сочтет необходимым, я уеду.

— Друзья, — вмешался Альдерегиа, который, увлекшись общей радостью, на время забыл о своем подопечном. — Хулио еще в опасности: он свободен, но организм истощен…

Открылась дверь, и в палату вошли журналисты.

— Сеньор Мелья, что вы можете сказать по поводу вашей голодовки? — начал один из них чуть ли не с порога.

— Моя голодовка — это протест против несправедливостей, которые окружают нас всех, против социального неравенства. К моему протесту присоединились сотни тысяч людей, не только на Кубе, но и за рубежом. Сейчас, как никогда, я верю в идеалы, которые я отстаиваю. И я еще с большей энергией буду бороться

за освобождение угнетенных не только на Кубе, но и во всем мире.

Последняя фраза была произнесена четким и твердым голосом.

Встревоженный Альдерегиа решительно вмешался.

— Сеньоры, все! Распоряжаюсь здесь я. Пока Мелья в постели, он в моей власти, — веселый доктор не удержался и улыбнулся. Он не мог приказывать: — Серьезно, друзья, ему так необходим отдых…

— Но разрешите, сеньор доктор… — попытался возразить один из журналистов.

Но тут не выдержал Рубен. Не скрывая своего раздражения, он прервал газетчика:

— Нас меньше всего волнуют интересы вашей газеты. Доктор прав, мы все уходим. Сеньоры, прошу за мной.

Все, кроме журналистов, подошли к Хулио, чтобы попрощаться с ним, и потянулись к выходу.

Палата опустела. Остались только Оливин и Альдерегиа. Они смотрели друг на друга и улыбались.

— Ну вот, пора собираться домой и нам, — сказал Хулио Антонио.

Было шесть часов вечера 23 декабря 1925 года.

Отъезд

Обстановка в стране с каждым днем накалялась. Кончался седьмой месяц правления нового президента, а обещанные народу блага оставались обещаниями. Правда, Мачадо не забыл посулов, сделанных в Вашингтоне, и щедрой данью раздаривал остров американским компаниям. Правительство объявило политику «возрождения» Кубы. Разумеется, все инакомыслящие не могли оставаться в безопасности. В стране усилился полицейский террор.

Раздавая налево и направо подачки (и получая их от североамериканских банков), Мачадо создал вокруг себя атмосферу продажности, коррупции. Тщеславие президента не знало предела. Пресса, послушная ему, называла его не иначе как «возродитель», «славный», «божественный», «спаситель кубинской нации». Лесть, оплачиваемая золотом, словно ядовитые испарения, проникала во все поры кубинской жизни, отравляя ее.

В Гавану усиленными темпами ввозилась «северная культура». Мачадо и его покровителей из Вашингтона больше устраивал рабочий с рюмкой рома в руках, чем со знаменем на демонстрации. К тому же казино и увеселительные ночные заведения обеспечивали постоянный приток 40–60 тысяч туристов в год, которые должны были оставлять в стране свои доллары. «Возрождение», пышно обставленное такими аксессуарами, как дома терпимости, казино и ночные клубы, ничего хорошего не могло принести национальной экономике.

Первый удар по ней был нанесен уже в 1925 году, и нанесла его Европа. В 1925 году Куба дала более 5 миллионов тонн сахара. Такой большой урожай был получен впервые за последние 75 лет. Но сбывать этот сахар становилось все труднее и труднее, так как за Атлантическим океаном было перепроизводство сахара. Правительство решило с помощью декретов сократить производство. Если от этого выигрывали в какой-то степени латифундисты, в особенности североамериканские, так как была также снижена закупочная цена на сахар, то крестьяне-батраки или арендаторы-колоны от всех подобных махинаций разорялись.

Правление предыдущего президента привело страну как раз к той черте, перейдя которую экономика ее должна была неудержимо покатиться по наклонной. Казнокрадство, взяточничество, синекуры, коррупция административного аппарата достигли при Сайясе ужасающих размеров. Новое правительство устами президента Мачадо заверило, что казнокрады будут изгнаны и все будет по-новому. Кое-какие

мелкие воришки действительно были наказаны, ну, а более крупных не тронули. Разумеется, положение трудящихся масс нисколько не улучшилось. По острову прокатилась волна недовольства, в первую очередь она захлестнула крестьян — мелких арендаторов и батраков.

18 дней голодовки Мельи подлили масла в огонь: поднялись городские жители. И не только студенты, но и рабочие, служащие, интеллигенты. Коммунистическая партия и только что созданная Федерация трудящихся Кубы организовали широкое движение протеста, которое было поддержано не только на самой Кубе, но и за рубежом Борьба за освобождение Мельи сплотила различные слои населения Кубы и помогла коммунистам и Федерации трудящихся в их борьбе против ненавистного режима.

Силы возвращались медленно. Он потерял 35 фунтов веса и все запасы глюкагона. «Он съел самого себя», как сказал один из врачей.

Неусыпный Альдерегиа строго следил за тем, чтобы рацион питания рос в незначительных пропорциях. И, разумеется, при этом заставлял глотать лекарства и витамины.

Прошло рождество. За ним и день Волхов — праздник детворы. Каждый день в доме бывали знакомые и друзья. Приходил несколько раз Альфредо Лопес. Он был необычайно бледен и сильно похудел. Нервно постукивал носком ботинка о ножку стола и говорил мало и отрывочными фразами.

Разумеется, каждый день бывал Рубен. Иногда он уходил на кухню или в соседнюю комнату и о чем-то разговаривал приглушенным голосом с Оливин или Альдерегиа.

Дней через пять, когда Хулио начал выходить на улицу, ему передали содержание этих разговоров. Из верных источников друзья узнали, что ему грозила опасность снова угодить в тюрьму или даже быть убитым.

Полиция Мачадо продолжала следить за ним. Ей нужен был повод для того, чтобы снова засадить его за решетку, хотя освобождение под залог все равно влекло за собой последующее судебное разбирательство, которое наверняка окончилось бы тюрьмой.

Уговорить Мелью покинуть Кубу стоило большого труда. Первое время он не хотел и слышать об этом. Но в конце концов он сдался убежденный силой аргументов.

Отъезд был назначен между 15 и 20 января. Друзья спешили, надо было скрыться как можно скорее и незаметнее. Договорились, что он уедет один на каком-нибудь грузовом пароходе, предпочтительно иностранном, из любого порта, но только не из Гаваны. Оливин должна была приехать к нему позже.

Но куда ехать? Одни уговаривали — в Мексику, другие советовали в одну из стран Центральной Америки, третьи говорили: «Не ломай себе голову, даже Марти жил в Штатах, езжай в Нью-Йорк», а сам Хулио иногда думал, а что, если взять да отправиться в Россию… Эта мысль казалась ему несбыточной. Вдруг он, Хулио Антонио, шагает по Москве, по Красной площади… Мавзолей Ленина… Первым делом он придет на эту площадь… Москва в мечтах казалась ему знакомой, близкой… Но все пока оставалось мечтой.

За организацию отъезда взялся Альдерегиа. Связался с верными людьми, договорился, что 18 января Мелья выедет из Гаваны в Сьенфуэгос.

Все было готово к отъезду, о нем знали только несколько самых близких друзей. И вот наступило 18 января. Утро было пасмурным и сулило долгий и нудный дождь.

Хулио проснулся бодрым и в хорошем настроении. В чемодан были уложены самые необходимые вещи. Только сели за стол, чтобы позавтракать, как задребезжал звонок. Оливин побледнела. Она встала и медленно пошла к двери. Недаром ей снились кошмары. Кто это мог быть? Альдерегиа, так рано? Она тихо приблизилась к двери и остановилась. Звонок задребезжал ожесточеннее.

— Кто там? — стараясь сдержать волнение, спросила она.

— Полиция! Сеньора, поскорее открывайте.

Хулио Антонио поднялся, сжав руками спинку стула, словно готовясь отразить нападение. Оливин повернулась, посмотрела на него и дрожащей рукой взялась за рукоятку замка. Отворилась дверь. Перед ней стоял полицейский.

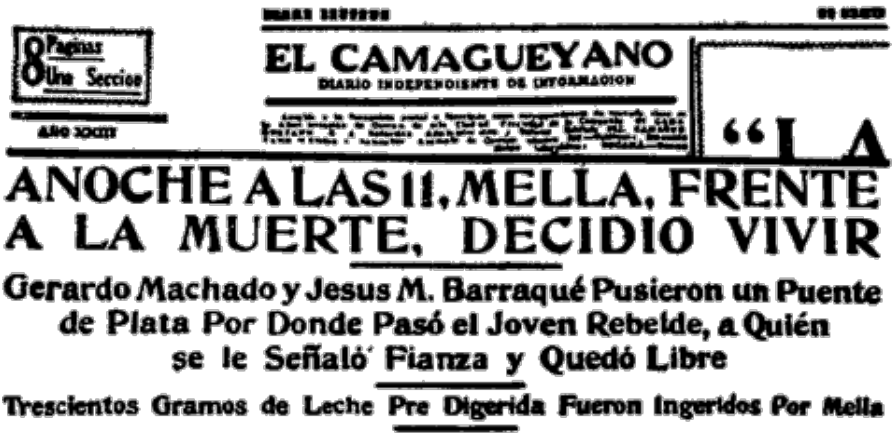
— Здесь живет сеньор Никанор Макпарланд? Он же Хулио Антонио Мелья…

— Это я. — Хулио разжал руки, и стул, покачнувшись, ударился об стол. — Это я, что вам угодно?

— Вам извещение из суда. Вот распишитесь в получении.

Когда дверь захлопнулась за полицейским, Мелья уже прочитал извещение: он привлекался к судебной ответственности за нарушение запрета ректора бывать в здании университета. В качестве истца выступал сам ректор — доктор Фернандес Абреу.

Друзья правы: любой предлог мог послужить для его ареста.



8 Paginas 8 Una Seccion

EL CAMAGUEYANO

DIARIO INDEPENDIENTE DE INFORMACION

"LA

ANOCHE A LAS 11, MELLA, FRENTE A LA MUERTE, DECIDIO VIVIR

Gerardo Machado y Jesus M. Barraqué Pusieron un Puente de Plata Por Donde Pasó el Joven Rebelde, a Quién se le Señaló Fianza y Quedó Libre

Trescientos Gramos de Leche Pre Digerida Fueron Ingeridos Por Mella

Первая полоса газеты «Эль Камагуэйяно» с сообщением об освобождении Мельи под денежный залог. Декабрь 1925 г.

Ведь это было так давно… Тюрьма резко разграничила его жизнь, все, что было до ареста, казалось далеким прошлым. На самом деле это случилось осенью, месяца три назад. Да, в нарушение приказа ректора он приходил в университет. Ну и что же? Он совершил преступление? Надо немедленно ответить этому сеньору Абреу.

Сразу же после завтрака Мелья сел за письмо.

«Сеньор ректор университета!

Я получил из рук полицейского, который способен не только задержать преступника, но и уничтожить невинного, извещение, вызывающее меня в суд. Вы, достопочтенный ректор университета, как это гласят официальные документы, выступаете в качестве истца. Какой пример для преподавателей университета! Ректор, который не обладает ни духовной силой, ни авторитетом, ни достаточным красноречием, чтобы справиться с каким-то студентом. Он вынужден (ах, как тяжела тога ректора!) обратиться за помощью к судебным властям…»

Хулио поднял голову — мелкий рассыпчатый дождь дробно стучал по черепице соседнего дома… Удастся ли уехать незамеченным?

«…Никогда еще ни один ректор не подавал в суд на студента, чтобы отомстить ему за ничтожный проступок.

В чем же вы обвиняете меня?

В том, что я вошел в здание университета без вашего разрешения. Ну что ж, я это сделал, не спросив у вас разрешения. Но мне приказали прийти туда две тысячи студентов, которые хотели выслушать правду о всех вас.

В тот день вам не удалось запретить мое выступление. Студенты не дали вам говорить до тех пор, пока они сами этого

не захотели. И тогда вы дали «честное слово», выступая перед ними, что меня не будут больше в чем-либо обвинять.

Но, несмотря на «честное слово», вы подали на меня в суд».

А что, если остаться и принять вызов? За спиной стояла Оливин. Он знал, что она догадывается о его мыслях. Остаться? Принять вызов… Нет, теперь и голодовка не поможет, они быстро расправятся с ним. Последнее время этот «тропический Муссолини» быстро и просто умерщвляет своих противников. А бороться можно и в изгнании.

«…Вам мало моего исключения, вы хотите снова засадить меня в тюрьму… Вы не ректор Национального университета, а полицейский инспектор, который хочет силой насадить в культурном центре железную дисциплину.

Назло вам желаю расцвета университетской революции».

Оливин молчала. Он встал и подошел к ней:

— Перешли, пожалуйста, это письмо. Надо собираться, скоро придет Густаво.

Сумерки наступили раньше обычного, так как небо с утра затянулось тучами. Хулио был уже одет, когда пришел Альдерегиа. Без долгих проволочек они попрощались с Оливин и спустились в ожидавшую их машину.

Южный поезд готов был уже отойти от перрона, когда доктор и Хулио с документами на имя Хуана Лопеса разместились на своих местах.

В дороге почти не разговаривали. Альдерегиа быстро заснул, а Хулио забылся тревожным сном, просыпаясь при каждом стуке вагонной двери.

Еще не рассвело, когда остановились у станции Родас. Здесь они сошли и встретились в условленном месте с братом Густаво Фелисиано Альдерегиа: он ждал с автомашиной. Остаток пути до Сьенфуэгоса надо было проделать по шоссе, чтобы не появляться на городском вокзале, где наверняка можно было столкнуться с полицейскими шпиками.

Крепкое объятие, рукопожатие, и Хулио садится в машину. Не ведали тогда друзья, что видят друг друга в последний раз.

Фелисиано молчал, напряженно всматриваясь в темноту, а Хулио, засунув руки в карманы плаща, откинулся на спинку сиденья. Так и доехали до Сьенфуэгоса. Окраинами, по загородному шоссе, обогнули город и минут через двадцать остановились перед невысокими чугунными воротами, за которыми виднелся дом с верандой и окнами, забранными узорной решеткой. Их уже ждали. Хозяин дома представился:

— Исидор Гонсалес, морской агент. Все в порядке. Завтра с

утра сядете на транспорт «Камайягуа», он идет в Гондурас.

Уже три часа, как, укутавшись в плащ, Хулио стоял на палубе, прислонившись к туго натянутому стальному тросу. Грязный пароходишко, специализировавшийся на перевозке фруктов, вызывал у него омерзение. Он напоминал тюрьму на Прадо I. Капитан сказал, что через день они пришвартуются в гондурасском порту Пуэрто-Кортес. Уходить в каюту не хотелось, хотя ветер посвежел и плащ не спасал от колючих порывов. Уже позади остался остров Пинос. Справа тянулись берега родной Кубы — провинция Пинар-дель-Рио. Еще несколько часов, и растают в ночной мгле ее очертания. Когда он возвратится на родину? А вдруг никогда?..

В этот предзакатный час море расстилалось безжизненной синей пустыней. На какое-то мгновение Хулио показалось, что вокруг только вода и больше ничего. Нет ни этого захламленного пароходика, ни серого берега на горизонте. И вдруг метрах в двухстах, разрезая воду, показался черный блестящий полумесяц. Акула! И сразу же в памяти возник августовский вечер и море в заливе порта Карденас.

Четыре часа под красным флагом

Люди ходили по берегу и смотрели на море. На рейде стоял пароход с невиданным флагом — красным. Он пришел сюда два дня назад, потому что Мачадо приказал не пускать его в гаванскую бухту. Теперь он на виду у всего Карденаса. Грузчики, что возили в шаландах мешки с сахаром на это судно, рассказывали небылицы. Что капитан не кричит на матросов, да и никто не кричит ни на кого, что чистота и порядок на борту невиданные и, наконец, что моряки обращались к неграм-грузчикам как к равным, радушно и приветливо. Хочешь не хочешь, а верить приходилось, ведь это был пароход из Советской России. Когда под вечер усталые грузчики возвращались домой, от знакомых и незнакомых отбоя не было: все хотели знать, что это за русские и похожи ли они на кубинцев.

Это случилось в 1925-м. Сухогруз «Вацлав Воровский» отправился в дальнее плавание. Это был первый визит советского парохода в западное полушарие. За кормой остались Аргентина, Уругвай, Бразилия, в начале августа «Вацлав Воровский» шел к Гаване, где должен был забрать 50 тысяч мешков сахара для «Лайл энд Компани Лимитед» в Бостоне.

В первые дни августа в Гаване распространилось с быстротой молнии известие о прибытии в порт парохода из далекой России. Профсоюзы, коммунисты и Федерация студентов собрали на набережной Гаваны несколько тысяч человек для встречи дорогих гостей. Но капитан парохода Кулагин получил по радио приказ о перемене порта назначения и, не дойдя нескольких десятков километров до Гаваны, повернул назад на восток, в порт Карденас.

Студенты и рабочие провели в тот же день многочисленную демонстрацию протеста, которая была разогнана полицией.

Был первый день учредительного съезда коммунистов, и Алехандро Баррейро предложил послать на советский пароход приветственное письмо или передать его устно. Стали думать, кому из делегатов поручить это задание, и выбор пал на Хулио Антонио.

Он решил добираться вплавь. Некоторые товарищи пытались отговорить его: ведь на рейде, где стоял «Вацлав Боровский», водились акулы. Да, это был сильный аргумент, способный устрашить любого, но только не Хулио Антонио. Он знал, что надо было рисковать, и сознательно пошел на риск. Где-то он слышал, что акулы остерегаются всего белого, поэтому он перекинул через шею и плечи длинную белую ленту, которую

завязал у поясницы.

Акул он не повстречал, но плыть было тяжело. Он даже не ожидал, что придется так трудно. Ветер был встречный, и незаметные с берега волны доставили ему немало неприятных минут. Вначале он никак не мог приспособиться к накату волн, а это отобрало много сил.

Наконец пришло «второе дыхание», и плыть стало легче. Вот уже низкий темный борт «Воровского» приблизился настолько, что Хулио отчетливо видел моряков. За кормой покачивалась на тросах люлька: двое матросов красили корпус судна. Что это, неужели его заметили? Так и есть, машут руками. Сил как будто прибавилось, руки заработали быстрее. Хотелось верить, что его ждут там. Осталось еще метров триста, но ветер, который все время бил в лицо, кажется, крепчал не на шутку. Голова то и дело зарывалась в легкие, быстро бегущие волны. Он перевалился на левый бок и стал загребать одной правой рукой.

На нижней площадке трапа у левого борта появились два моряка. Мелье казалось, что они приветливо улыбались… Разумеется, эти проклятые волны мешают, и он не видит лиц этих людей, но руками они машут… Еще немного… Эти русские ребята действительно улыбаются!..

Крепко ухватившись за протянутые мускулистые руки, Хулио подтянулся и очутился на трапе. Белая лента обмоталась вокруг ног. Он тяжело дышал, в ушах гудело. Но он улыбался, моряки похлопали по спине и показали наверх. Ноги, словно чугунные чушки, тяжело ступали по ступенькам. На палубе их ждали вся команда и капитан. Приветливо и с нескрываемым восхищением смотрели эти люди на Хулио. Он подходил к каждому из них и, подавая руку, говорил: «Компаньеро». Русские парни, улыбаясь, отвечали на незнакомом языке, но, глядя на эти лица друзей, Мелье казалось, что он понимает чужую речь. Затем его пригласили в капитанскую каюту.

Пока он обтирался полотенцем, которое ему предложил один из моряков, он думал о том, на каком языке будет говорить, наверняка русские не знают испанского, тогда — на английском. Но не успел он и рта открыть, как за его спиной раздалась испанская речь. Хулио быстро обернулся, перед ним стоял высокий черноволосый моряк.

— Сидоренко я, — говорил моряк, протягивая руку.

— Компаньеро! — Мелья крепко обнял матроса. — Вы говорите по-испански?

— Немного…

— Наш Опанас, — вмешался один из присутствующих на английском языке, — до Октябрьской революции бежал от

призыва в царскую армию, жил в Уругвае, Чили, а в двадцатом вернулся на родину. А сейчас вот плавает у нас кочегаром.

Хулио радостно и горячо заговорил. Он рассказывал о съезде кубинских коммунистов, о том, что коммунисты, рабочие, студенты, да и весь народ шлет братский привет советским морякам. Он рассказывал о том, что продажное правительство Мачадо, не успев прийти к власти, начало наступление на трудящихся. Он рассказал о «дружеском» визите в Гавану итальянского парохода и о том, как коммунисты и конфедерация рабочих столицы подняли студентов и рабочих на демонстрацию протеста.

А в случае с «Вацлавом Воровским» Мачадо отомстил коммунистам. По его приказу было заявлено: «Раз мы не пустили в Гавану фашистский корабль, то коммунистическому здесь подавно нечего делать».

Тогда один из русских со смехом заметил, что итальянцев, мол, прогнали совсем, а вот с ними явно испугались повторить подобное. Ведь судно было зафрахтовано «Лайл энд Компани Лимитед», попробуй ущемить интересы бостонских капиталистов, они бы такое выдали Мачадо, что он вовек бы не забыл.

Все дружно рассмеялись. С этой минуты беседа приняла непринужденный характер. Мелья пробыл среди советских моряков почти четыре часа. О чем только они не разговаривали! Разумеется, больше спрашивал он, словно губка впитывая в себя все, что ему рассказывали о Советском Союзе.

Перед расставанием Мелья вручил советским морякам знамя кубинских коммунистов, которое он с таким трудом доставил на пароход, а капитан и замполит подарили ему советский флаг. Он аккуратно сложил дорогой подарок и повязал вокруг талии. Моряки предложили отвезти его на берег на шлюпке, но он наотрез отказался. Последние рукопожатья, напутственные слова, и снова он один среди волн.

Обратно плыть было труднее, хотя ветер дул в спину, но сознание того, что задание съезда выполнено, придавало ему силы и мужества. Он вылез на пустынном каменистом берегу, когда солнце уже зашло за горизонт. Друзья из Карденаса ждали его.

Советские моряки долго еще не уходили с палубы, они следили за мужественным пловцом в бинокли до тех пор, пока полностью не стемнело.

Через день Хулио Антонио выступил перед рабочими и студентами в помещении профсоюза табачников с лекцией «Четыре часа под красным флагом», которая затем была опубликована отдельной брошюрой. Полиция была обеспокоена

не на шутку, и за ним была усилена слежка.

За кормой мыс Сан-Антонио

Он не заметил, как ночь накрыла море черной шапкой. Воспоминания заставили его на время оторваться от действительности. Когда он вновь посмотрел на горизонт, земли не было. Мелькнуло в голове: «Прошли Кубу Как он не заметил, черт побери?» Так хотелось увидеть родные берега. Он напряженно всматривался в даль, надеясь на чудо. И оно свершилось. Где-то справа впереди появился огонек и погас. В первое мгновение он подумал, что это встречное судно. Затем огонек снова сверкнул и погас. Маяк! Конечно, маяк! Да ведь это мыс Сан-Антонио, самая западная оконечность Кубы. Маяк с каждой минутой приближался, вернее, он приближался и одновременно уходил вправо, удалялся. С каждым оборотом винта он становился все меньше и меньше, и вот для того, чтобы видеть его мерцающий свет, надо было перейти на корму. Наконец наступил момент, когда мгла поглотила и его.

Заканчивалась вторая ночь путешествия. Как и в прошлую, не спалось. Пароходик валило с борта на борт. На рассвете, хватаясь руками за что попало, Хулио поднялся на палубу. Наверху качка меньше чувствовалась. Сквозь серебристую пелену утра прямо по ходу судна чернела нитка: земля. Где-то там Пуэрто-Кортес, гондурасский городок, где он собирался сойти. Остаток пути он так и простоял на палубе.

Вот и порт, вотчина всемогущей «Юнайтед фрут компани». Как его здесь встретят? Капитан крикнул вялым голосом команду, и двое матросов словно нехотя пошли на нос и начали готовиться к встрече с берегом. Пароходик, забирая левым бортом, протискивался к причалу. Мягкий удар, еще удар, и «Камайягуа» замер.

Не торопясь Хулио спустился по трапу и прошел в указанное ему помещение. Низкая, душная комната. Он бросил на стол чемодан. Один из таможенников с ленивым безразличием щелкнул замком. Другой взял документы. Черная волосатая рука медленно потянулась из глубины чемодана, казалось, что она вытягивает что-то неимоверно длинное. Что это она тащит? Газеты! Вот незадача, он совершенно забыл о них…

Наконец рука показалась. Газеты, журналы… Партийные газеты…

— Сеньор Хуан Лопес, куда вы едете?

Хуан Лопес?.. Да ведь это он!

— В Тегусигальпу.

— Цель вашей поездки?

Таможенник, рассматривавший газеты, поднял голову.

— Личные дела…

— Посмотри, — и газеты проследовали в руки таможенника, задававшего вопросы. — Посмотри эту и еще вот эту…

Тихо шелестела бумага, две пары глаз внимательно исследовали газеты. Неожиданно резко отворилась дверь, и тучный силуэт обрисовался в ее проеме. Дверь хлопнула, и вошедший подошел к столу.

— Сеньор лейтенант, вот пожалуйста, — и руки протянули газеты и документы.

Две жирные складки кожи повисли над белым воротником, толстые пальцы сгребли бумаги.

— Это вы?

Прямо на Хулио смотрела его фотография. Черная, расплывчатая, но его… Выхода не было.

— Да, это я. — Голос был тверд и решителен.

— Это тоже вы?.. А это?..

— Как видите…

— Значит, вы никакой не Хуан Лопес, а Никанор Макпарланд или Хулио Антонио Мелья?

— Вы же прочитали в газете…

— Вас спрашивают!

— Да, это так.

— Вы коммунист?

— Да.

— Зачем приехали в Гондурас?

— Я повторяю, по личным делам.

— А почему у вас документы на Хуана Лопеса?

— Мне не давали заграничный паспорт.

— Рассказывайте сказки. В столицу мы вас не пустим. Нечего вам там делать. Я запрошу начальство, а пока мы вас задержим.

Спорить было бесполезно. Его заперли в каморке, служившей «тюрьмой» при таможне.

На второй день к нему заглянул лейтенант.

— Надеюсь отправить вас побыстрее. А то тут какая-то лига против империалистов подняла шумиху. Каждый день в своей газете «громит» империалистов. Как очумелая. Наши здешние профсоюзники начитались, тоже кричат… А тут еще вы свалились нам на голову. Хорошо, что еще не знают, кого я здесь держу. Дам я вам какой-нибудь документ и пошлю подальше.

Сказал, повернулся — и в дверь. Хулио за ним.

— Куда «подальше»? — Ему не очень пришлась по душе откровенность лейтенанта.

— Узнаете. — И тяжелая дверь захлопнулась. Через день Хулио вызвали к офицеру.

— Вот вам бумаги, сегодня в Пуэрто-Барриос уходит шхуна. Забирайте чемодан — и прямо на нее. Сержант, проводите его.

Путешествие до гватемальского порта Пуэрто-Барриос было ужасным. Море и ветер делали с утлым суденышком все, что хотели. В Пуэрто-Барриосе пассажиры — кроме Хулио, было еще несколько человек — сошли на пристань чуть ли не на четвереньках.

Как только власти узнали, кто появился в их краях, сразу же приняли меры. Гватемальские газеты подняли против Мельи шумную кампанию. Между тем он, воспользовавшись свободой, связался с местными профсоюзами. От них он узнал, что его выслали из Гондураса по настоянию администрации «Юнайтед фрут компани» и что из Гватемалы его также собираются выслать.

Он решил даром время не терять. За три дня, что он пробыл в Гватемале, с помощью профсоюзных деятелей он успел создать отделение Антиимпериалистической лиги и договориться с товарищами о координации работы. Но в течение этих дней он находился в полном неведении о дальнейшей своей судьбе.

На четвертый день его вместе с другими «неугодными» иностранцами отвезли в Марискал — деревушку, прилепившуюся к берегу пограничной реки Сучиате. За рекой была Мексика.

Разумеется, мексиканские пограничники не думали пускать «красных» на свою сторону. Споры между гватемальскими и мексиканскими властями были долгими и нудными и основательно надоели обеим сторонам. Тогда гватемальские полицейские решили вернуть Хулио на Кубу. И они выполнили бы это, если бы из столицы Мексики не пришло разрешение на въезд. Этого добились мексиканские друзья-коммунисты.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Мексика

В солнечный февральский день 1926 года Хулио Антонио сошел на перрон вокзала в Мехико. Знакомые-кубинцы помогли ему снять недорогую комнату. На следующий же день Хулио пошел на улицу Месонес, 54, по адресу, который оставил ему Рикардо Флорес Магон. Там помещался Центральный Комитет Мексиканской компартии.

Его встретили приветливо и радостно, обнимали, хлопали по спине, шутили.

— Ну, такой силач мог бы еще дней двадцать попоститься!

— Хулио, дружище, ты нас подвел, ведь мы готовили грандиозную демонстрацию в твою защиту. Вот досталось бы кубинскому послу, умер бы со страху!

Хулио стоял, смущенно улыбаясь. Он не обижался на шутки новых товарищей. Радостное ощущение от сознания того, что он снова попал в знакомую бурлящую обстановку политической борьбы, что он снова среди своих единомышленников, поглотило все его чувства.

Знакомство состоялось быстро, и вскоре он был принят в ряды Коммунистической партии Мексики.

Хулио Антонио думал создать из эмигрантов-кубинцев боевую организацию, которая смогла бы объединить всех противников режима Мачадо и повести против него решительную борьбу. Но для этого нужны были время и основательная подготовительная работа.

Мелья появился в Мексике в период, когда политические страсти, извечно потрясавшие страну, несколько улеглись. Президент Кальяс, начавший свое правление 1 декабря 1924 года, сумел на первое время обеспечить занятость наделения за счет расширения строительных и дорожных работ. Улучшилось финансовое положение в стране. Аграрная реформа, за которую в буржуазно-демократической революции 1910–1917 годов сложили головы лучшие сыны Мексики, начала проводиться более энергично. Кальяс объявил себя «наследником Сапаты» (последние годы его правления показали, что это заявление было чистейшей воды демагогией), и первые месяцы 1926 года прошли под знаком правительственного наступления на католическую церковь, владевшую обширными земельными угодьями, где еще господствовали феодальные отношения.

Мексиканская коммунистическая партия, созданная в 1919 году, к 1926 году не успела еще превратиться в массовую организацию общенационального масштаба. Преобладание

мелких крестьян, издольщиков, батраков, которые в поисках работы уходили на сезонные заработки на север, в Соединенные Штаты, феодальное землепользование, реакционная политика католической церкви, слабый рабочий класс — все это сильно затрудняло работу коммунистов. Однако в начале 1926 года коммунисты уже представляли собой силу, с которой власти не могли не считаться. В 1921 году в стране была образована Всеобщая конфедерация трудящихся, лидеры которой открыто симпатизировали марксизму. Партия ставила перед собой задачу: сплочение крестьян в крестьянских общинах — эхидо, а также рабочих, в особенности добывающей промышленности — шахтеров, нефтяников.

Когда вести о голодовке Мельи дошли до Мексики, компартия сразу же начала широкую кампанию за его освобождение, которая проходила под лозунгами борьбы трудящихся за свои права, а также против вмешательства империализма янки в дела латиноамериканских стран.

Не прошло и месяца после приезда в Мексику, как Хулио подал заявление о приеме на третий курс юридического факультета столичного университета. Он не думал вновь становиться студентом и посещать лекции, а просто хотел прикрепиться для сдачи экзаменов в конце каждого курса.

Тюрьма и голодовка стали как бы границей между всей его прошлой жизнью и жизнью, которую он начал в Мексике: прошла юность, наступала пора возмужания и зрелости. Годы, проведенные на родине, были прелюдией к новому этапу в его жизни. Он входил в этот этап умудренным и закаленным.

Иногда вспоминал себя, каким он был в 1923 году. Многие из его тогдашних поступков сейчас казались ему наивными, с некоторой долей юношеского романтизма. Он вступал в новую жизнь еще больше уверенным в правоте дела, которому себя посвятил.

На пороге путешествия в будущее

Осень 1926 года пришла как-то незаметно. Погруженный в повседневные партийные заботы, Хулио не замечал, как шли дни. Время от времени приходили письма с родины, и тогда боль разлуки давала себя знать сильнее. Мысль о возвращении на Кубу не оставляла его, но когда и как это можно осуществить, он не знал. С жадностью он расспрашивал каждого, кто приезжал из Гаваны, и с горечью убеждался, что положение внутри страны становится все тяжелее и тяжелее. Деспотизм Мачадо принимал самые откровенные и отвратительные формы. За инакомыслящими охотились, как за зверями. Уничтожение рабочих деятелей стало обыденным делом для полиции.

Люди дрожали при одном упоминании о плавучей тюрьме «Максимо Гомес», ибо никто оттуда не возвращался. И самое страшное, пожалуй, было в том, что эта тюрьма носила имя величайшего борца за свободу Кубы.

Тюрьма плавала на виду у всей Гаваны, иногда заходила в бухту. Обычно заключенных уничтожали, сбрасывая их в море на съедение акулам. Об этом никто не знал, пока однажды рыбаки не поймали акулу, в чреве которой нашли кисть руки с обрывком манжета и на нем запонки. Манжет и запонка стали передаваться из рук в руки, пока их не опознала жена Клаудио Брусона, рабочего лидера, пропавшего без вести несколько недель назад. Запонка Брусона стала страшной уликой против Мачадо, но полиция быстро подавила возмущение, произведя аресты не только среди рабочих, но и среди интеллигенции. Однако история с Брусоном послужила предостережением полиции, и она, остерегаясь новых разоблачений, стала действовать более осмотрительно.

А в конце июня этого 1926 года пришло письмо с тяжелой вестью: умер Карлос Балиньо. Последние месяцы он тяжело болел. Прикованный к постели, он все равно был опасен властям. Они уже знали о его роли в создании коммунистической партии и его роли в деле воспитания революционеров.

Больной и немощный, он подвергся полицейскому преследованию, и от тюрьмы его спасли только физические недуги.

Но ненадолго. И когда его жизнь оборвалась, первыми узнали об этом полицейские шпики, которые, словно голодные волки вокруг своей жертвы, кружили вокруг его дома.

А через месяц, в конце июля, новая весть ошеломила кубинских революционеров, живших в Мексике: убит Альфредо

Лопес.

Для Хулио Антонио это было непоправимое горе. Альфредо Лопес был не только его другом, но и учителем. Правда, что касается правильного понимания классовой борьбы, ученик превзошел учителя: Хулио стал коммунистом, а Лопес долго и мучительно рвал с анархо-синдикализмом, так и не перейдя полностью в лагерь коммунистов. Но своей неподкупной честностью и преданностью интересам рабочего класса он завоевал непререкаемый авторитет среди кубинского городского пролетариата.

Хулио Антонио вспомнил, как в 1925 году Лопес впервые начал посещать кружки, где изучал марксистское учение. Он был мозгом и душой рабочей федерации Гаваны. В августе 1925 года на III Рабочем конгрессе Кубы Лопес стал одним из основателей Национальной рабочей конфедерации Кубы, впоследствии успешно выступавшей против реформистской и раскольнической Кубинской федерации труда, которую поддерживало мачадистское правительство.

Мелья вспоминал Альфредо Лопеса с нежностью младшего брата. Несколько сдержанный и суховатый по характеру, Альфредо преображался на митингах и собраниях в пламенного трибуна. Он был линотипистом, зарабатывал хорошо и мог бы, как многие из рабочих «аристократов», жить тихой жизнью мелкого буржуа. Но все свое свободное время он отдавал борьбе. Его родным домом был Рабочий центр на улице Сулуэта. Железное здоровье и недюжинная воля помогали ему иногда работать от зари и до зари.

Трудно было Хулио Антонио освободиться от нахлынувших воспоминаний, и тогда пришла мысль выразить в словах боль и гнев, наполнившие сердце.

Он сел за стол, чтобы написать статью, но мыслям было тесно в трех газетных колонках, и он писал, пока замысел не воплотился в брошюре, которую он назвал «Зов жертв».

В сентябре того года Международная лига в защиту борцов против террора на Кубе издала в Мексике брошюру Мельи.

Это был своего рода реквием погибшим, проклятие тиранам и призыв к борьбе. Хулио писал о павших от рук палачей Диасе Бланко, Вароне, Куксарде, о рабочем американского происхождения Гранте.

«Боец, — обращался он к убитому другу, — для тебя я не нахожу слов. Я чувствую себя сиротой. Ты погиб, но ты останешься учителем пролетариата… Не слезы я проливаю в память о тебе, нет. Клянусь идти по твоему пути, продолжать твое дело. Разве нам, революционерам, дано выбирать себе смерть?

Мы погибаем как солдаты: там, где вражеская пуля настигает нас. Я приветствую тебя, боец! Придет день, когда красные батальоны призовут: „На штурм! На штурм! На штурм!“»

В феврале этого же года в Мексику приехала Оливин. Скрывая от Хулио свои надежды на его недолгое пребывание в изгнании, она старалась не вспоминать прежних разногласий и даже принимала участие в некоторых мероприятиях, которые проводили коммунисты.

В июне она пошла с Хулио на митинг протеста против ареста в Соединенных Штатах рабочих Сакко и Ванцетти. Тысячи горожан собрались у здания американского посольства. Пока руководители митинга искали удобное возвышение, с которого можно было бы произносить речи, неожиданно на балконе посольства показалась высокая, плечистая фигура человека в белой рубашке. Человек выкинул вперед правую руку, сжатую в кулак, и над притихшей толпой понеслись слова гнева, ненависти и разящего сарказма. Люди подались вперед, ближе к балкону: кто этот смельчак? Вдруг за его спиной показалась фигура служащего посольства, явно растерявшегося перед решительностью оратора.

Хулио говорил (это был он), а растерявшийся чиновник дергал его то за правую руку, то за левую. Й когда Хулио кончил, под балконом раздался гром аплодисментов. Но вот появилась и полиция. Вместе с Хулио были арестованы Оливин и еще трое участников митинга. В главном полицейском управлении им инкриминировали нарушение порядка, проявившееся в неуважении к представителям иностранного государства, а также прочие прегрешения. Затем их бросили в камеру, где содержались уголовники. Пять дней их держали под арестом и допрашивали. На второй день у Хулио случился приступ лихорадки — их держали в сыром подвале, — состояние его было крайне тяжелым. Но, несмотря на это, им заявили, что высылают их на Кубу. Было ясно, что в этом замешаны посольства США и Кубы.

Друзья предприняли ряд энергичных мер для их освобождения. По стране прокатилась волна массовых протестов, но все было напрасно: давление американского посла было слишком сильным. Но выручил случай, вернее, аргентинский посол, который был знаком с Оливин и Хулио Антонио. Используя свои связи, он добился их освобождения.

Иногда Оливин казалось, что Хулио решил наверстать упущенное ранее. Он был неистов в работе, не жалел себя, спешил, спешил, спешил. Работа в Национальной крестьянской лиге увлекла его. Он часто выезжал в сельские местности, где

помогал крестьянам в их борьбе за проведение аграрной реформы.

Он выступал перед батраками, бедными крестьянами-арендаторами, как правило почти всегда неграмотными, забитыми и запуганными местными помещиками — касиками и политиками.

Ему приходилось работать и среди рабочих. Партия поручила ему трудный участок — шахтеров. Правда, в политическом отношении шахтеры были на голову выше крестьян и даже других представителей рабочего класса, но организованы они были слабо. Его выступления увлекали слушателей своим энтузиазмом и безграничной верой в коммунистические идеалы.

Через несколько лет в январе 1929 года журналист Тристан Мароф будет писать в мексиканской газете «Эль Универсаль Графико»:

«Надо было видеть Хулио Антонио Мелью, чтобы понять его. Сверкающее и незатухающее пламя. Человек, в котором клокочут блестящие мысли, предназначенные не для себя, а для всех. Он владел ясным, точным, броским и умным словом. Ради дисциплины он отказался от всяких лирических словоизлияний, которые были бы в ущерб смыслу и снижали бы силу его воздействия. Он был всегда убежден в том, что говорил, и совесть его была в ответе за все сказанное».

Он не прерывал переписки с друзьями. Это был не просто обмен новостями, а порою размышления, порою анализ политической обстановки и революционного движения. Так, в письме от 18 сентября 1926 года Хулио писал Густаво Альдерегиа:

«Борьба всех сил и тенденций против империализма в настоящий момент является самой важной борьбой».

В своей работе среди эмигрантов в Мексике он старался объединить их всех в единую организацию, которая должна была стать ядром движения за освобождение Кубы. Правда, он не раз признавался себе, что не знает, каким будет этот путь к освобождению. Разумеется, без участия коммунистов и других прогрессивных элементов на самой Кубе нечего было и думать об освобождении. Но пока Хулио Антонио не делился ни с кем своими мыслями. К чему болтать, если сам во многом не уверен.

Осенью же он получил письмо от Альдерегиа, которое очень его обрадовало. Доктор стал основным связующим звеном между Мексикой и Кубой. И негласно возложенную на него миссию он исполнял честно и энергично. Так вот, в этом письме доктор писал о возможном сотрудничестве Мельи в кубинской газете

«Эль Диа».

«Захочет ли редакция газеты «Эль Диа» сотрудничать со мной, — писал он доктору. — Я же в этом заинтересован. Во-первых, чтобы иметь возможность для публичных выступлений, а во-вторых, смотришь, и заработаю несколько песо, которые мне крайне необходимы. Но в первую очередь меня интересуют публикации, а потом уже деньги. Думаю, что, покупая мою «рабочую силу», они получат не очень много «прибавочной стоимости». Но если они не будут платить, я все равно буду присылать мои корреспонденции. Если они принимают мое предложение, я могу высылать антиимпериалистически направленные материалы, интересующие общественность, разумеется, написанные с должным «благоразумием», чтобы не отпугнуть консерваторов. В конце концов я согласен, чтобы мой гонорар выразился в подписке за счет редакции на газету. Таким образом я буду получать вести с Кубы.

Успехи Народного университета вызывают у меня невиданный энтузиазм. Я с радостью вижу, что дела там сейчас идут лучше, чем раньше. Значит, правда, что будущее всегда лучше прошедшего. И ближайшее будущее будет еще лучше. Если мы будем настойчивы в своей деятельности, я верю в будущее Кубы. Года через четыре мы станем единственной силой, способной противостоять тирании».

На ноябрь этого года намечалось провести в Брюсселе Международный конгресс антиимпериалистических сил. Он думал отправиться в Европу в октябре и по этому поводу писал на Кубу Саре Паскуаль:

«Нет причин для пессимизма. Ты правильно заметила в твоем втором письме, что нынешняя обстановка осложнилась. Но в ней самой зарождается будущее. Когда придет конец этому тропическому фашизму, ты увидишь, какое поколение мы вырастили. Здесь испытываются люди и расчищается — дорога. Мы видим тех, кто стоит по другую сторону: они так и ждут случая подороже продаться.

Думаю в октябре отправиться в Европу на Международный антиимпериалистический конгресс, в Брюссель. Он должен принести большую пользу всему международному революционному движению. Думаю, что будет непростительным, если с Кубы никто туда не поедет. Надо приложить все усилия, чтобы послать делегатов. Народный университет, Антиимпериалистическая лига, рабочие организации, студенты — все могут послать своих представителей. Опыт, который приобретется на конгрессе, стоит целой жизни. Если обстоятельства мне позволят, я поеду в Россию, и в настоящий

момент это самое главное для меня».

Однако Брюссельский конгресс был перенесен на февраль 1927 года, и Хулио занялся подготовкой к первому объединительному съезду крестьянских организаций Мексики.

Мелья, перуанец Сальвадор де ла Пласа и венесуэлец Густаво Мачадо были делегированы на этот съезд от Антиимпериалистической лиги Америки. На съезде собрались делегаты от крестьянских общин 17 штатов страны.

Крестьянство в Мексике оставалось потенциальной силой в революционном движении, и компартия проводила в его среде большую пропагандистскую работу. Выступая перед делегатами съезда, Хулио говорил о необходимости прочного союза рабочих и крестьян в борьбе против империализма.

В истории мексиканского крестьянства этот съезд занимает особое место. В его решениях было записано требование (как программа-максимум) обобществления земли и всех средств производства. Съезд образовал Национальную крестьянскую лигу, лозунгом которой стали слова «Земля и свобода».

Съезд избрал делегатом на Брюссельский конгресс Хулио Антонио Мелью и одобрил текст приветственной телеграммы, которую затем направили правительству Советского Союза.

Через несколько дней Хулио Антонио был уполномочен представлять в Брюсселе оргкомитет Антиимпериалистической лиги Америки и ее отделения в Мексике, Панаме и Сальвадоре.

Прошло рождество, и в начале января 1927 года трясущийся и скрипящий во всех суставах поезд повез Хулио Антонио к северной границе Мексики. Там он пересел в экспресс и через два дня был в Нью-Йорке. Оставался еще пароход до Гавра. В ожидании отплытия в Европу Хулио Антонио не сидел сложа руки, он связался с местной Антиимпериалистической лигой и компартией и даже принял участие в большом городском митинге, посвященном третьей годовщине со дня смерти В. И. Ленина.

Брюссель

Брюссель встретил его холодной, ветреной погодой. Засунув поглубже руки в карманы легкого плаща, Хулио Антонио бродил по городу. Ему нравилось ходить по незнакомым улицам, площадям, наблюдать за чужой жизнью. Но на прогулки оставалось очень немного времени: через день начинался конгресс, почти все делегаты уже съехались, и обмен мнениями начался.

Проезжая через Париж, он встретился с Леонардо Фернандесом Санчесом и Рубеном Мартинесом Вильеной, которые ехали на конгресс как делегаты от Кубы. Радости друзей не было границ. Прошел только год, как они расстались, но им казалось, что пролетела целая вечность. Они радовались как дети, не скрывая ни от кого счастья от встречи друг с другом. Рубен, худой, бледный, с впалой грудью, пожираемый болезнью, излучал неистощимую энергию. Он оставил адвокатскую практику и бесповоротно решил больше не писать стихов. Когда его увлечение революционной работой переросло в жизненную потребность, он понял, что не может «делиться» надвое: или поэзия, или революция. Он выбрал революцию. Те, кто не понимал его, отговаривали от этого шага. Но Рубен был непреклонен.

Он рассказал Мелье о последних событиях на Кубе, о реорганизации университета имени Хосе Марти и Антиимпериалистической лиги.

И тогда Хулио поделился с друзьями своими наметками по поводу организации вооруженной борьбы и вторжения на Кубу группы вооруженных революционеров. Правда, ничего конкретного он предложить не мог. Договорились обсудить его предложения позже.

Конгресс открылся 10 февраля 1927 года во дворце Эгмонта. Хулио Антонио был избран в состав президиума. На конгрессе было около 180 человек, приехавших из 37 стран. Наряду с коммунистами (их было меньшинство) приехали представители различных партий и политических течений. Делегаты должны были обсудить вопросы колониальной политики империализма и общие цели национально-освободительных и антиимпериалистических движений. Конечная цель конгресса — создать Антиимпериалистическую лигу.

Открыл конгресс Анри Барбюс. В своей речи он подчеркнул особую роль Советского Союза в борьбе народов за национальное освобождение. Он сказал много теплых слов об Октябрьской

революции, открывшей новую эру в истории человечества.

Группа латиноамериканских делегатов была неоднородна по своему политическому составу. В Брюссель прибыли и апристы во главе с самим Айя де ла Торре. Юношеские увлечения псевдореволюционной фразеологией отца АПРА развеялись у Мельи еще три года назад, когда он связал свою судьбу с коммунистами, и сейчас ему было стыдно, что этот Айя де ла Торре, «философ и вождь латиноамериканской революции», когда-то был и его идолом Перуанец встретил его радостной улыбкой и объятьями. Разумеется, ему было известно, что Мелья стал коммунистическим лидером, а следовательно, и его идейным противником, но не в привычке было у этого политического лиса преждевременно раскрывать свои карты. Однако Мелья и не думал давать бой своему бывшему «богу», в Брюсселе он не принимал его в счет. Первым делом надо было браться за разработку широкой программы борьбы с империализмом. Но в ходе конгресса он понял, что «недооценил» Айя де ла Торре, который вместе со своими единомышленниками занял оппортунистическую, враждебную всем антиимпериалистическим силам позицию. Латиноамериканским делегатам пришлось немало потрудиться, чтобы нейтрализовать апристов, не дать им возможности выступать от имени всей Латинской Америки.

На конгрессе детально обсуждался вопрос о положении в Китае и Индии. Резолюции, принятые по этим вопросам, стали программой борьбы за национальное освобождение обеих стран. Большое впечатление на всех делегатов произвело выступление Сен Катаямы. Для молодых революционеров, таких, как Мелья, конгресс стал великолепной школой. Впервые Хулио Антонио общался с таким широким кругом профессиональных политических лидеров. Встречи с Анри Барбюсом, Роменом Ролланом, Гарри Подлитом, Джавахарлалом Неру и другими деятелями оставили в нем неизгладимый след.

Доклад Хулио Антонио «Куба — фактория янки» вызвал большой интерес делегатов. Оперируя фактами, анализом экономического и политического положения Кубы, Хулио показал, как его родина превратилась в сырьевой придаток Соединенных Штатов, как Вашингтон, опираясь на политическую и экономическую зависимость Кубы от Соединенных Штатов, превратил остров чуть ли не в свою колонию. Доклад был единодушно одобрен и использован для подготовки нескольких резолюций конгресса.

Большое место в Брюсселе было отведено борьбе латиноамериканских народов против империализма янки и, в

частности, борьбе никарагуанского народа под руководством генерала Сандино. В Америке уже существовала Всеамериканская антиимпериалистическая лига, и конгресс высоко оценил ее деятельность. По латиноамериканскому вопросу делегаты приняли две резолюции. В одной из них были сконцентрированы задачи всех прогрессивных сил континента в борьбе за достижение экономической и политической независимости, в борьбе против диктаторских режимов, против империалистических агрессий.

В конце работы конгресс принял «Манифест ко всем угнетенным народам и классам» и была создана международная организация «Лига против империализма, против колониального угнетения и за национальную независимость», иначе — Антиимпериалистическая лига. Хулио Антонио был избран членом ее Генерального совета.

Конгресс вызвал большое беспокойство в стане врагов. В бельгийскую столицу были посланы агенты разведок многих стран, чьи правительства были обеспокоены активизацией антиимпериалистических движений.

Джавахарлал Неру, бывший участником конгресса, рассказывает в своей «Автобиографии»:

«К одному моему приятелю — американцу, находившемуся в Париже, — явился француз, состоявший на службе во французской тайной полиции. Это был вполне дружеский визит, цель которого состояла в том, чтобы кое-что выяснить. Покончив с расспросами, он осведомился у американца, узнал ли тот его, ибо они уже встречались в прошлом. Американец пристально разглядывал его, но вынужден был сказать, что не узнает его. Тогда агент тайной полиции сообщил ему, что виделся с ним на Брюссельском конгрессе, на котором присутствовал в качестве негритянского делегата, зачернив себе лицо и руки!»

Друзья прощались в Париже. Все радовались за Хулио, который готовился к путешествию в Москву. Последние встречи, беседы, согласования, наконец, наступает день расставания. Поезд увез Хулио в Берлин, где 25 февраля в посольстве СССР ему выдали визу. Еще через несколько дней он уже был в Москве.

Мечты становятся явью

Он стоит на площади, и холодный мартовский ветер обжигает лицо. Еще не так давно это казалось несбыточной мечтой, но все происходит наяву: он на Площади Его Мечты. В серых камнях площади тускло отражается свет далеких фонарей, и на темном ненастном небе чернеют, будто бронзовые барельефы, силуэты церквей и островерхих крепостных башен необыкновенных, непривычных линий. Хулио стоит в тени высокого здания со стрельчатыми башенками, у самого начала Площади, словно на пороге нового мира. Правда, он не первый раз видит эту Площадь. Память его хранит ее облик с того самого дня (почти десять лет назад), когда он впервые увидел ее на фотографии в газете. И с тех пор она стала Его Мечтой.

В Москву он приехал утром, и сразу же его охватило нетерпение: немедленно выйти из гостиницы и побродить по городу. Разумеется, первым делом — на Красную площадь. Но попал он на нее только вечером. Он шел по улицам, всматривался в лица прохожих и старался понять звуки незнакомой речи. И странное дело, эта незнакомая речь не казалась ему такой непонятной, как это было в 1925-м на пароходе «Вацлав Боровский». А может, это только показалось ему…

На следующий день он согласовал программу своего пребывания в Москве, и понеслись дни в круговороте встреч, заседаний, посещений музеев, фабрик, театров. Для сна оставалось слишком мало времени, но Хулио Антонио не сетовал. Новые ощущения захватили его целиком. Они были несравнимы с тем, что пережил он, когда впервые попал в Нью-Йорк или Париж. И «виноваты» в этом были советские люди. Это были люди новой формации, мыслящие так непохоже на людей Старого Мира. Их убежденность и уверенность в себе заражала и будоражила чувства. Дружелюбие и радушие ждали его всюду, где бы он ни бывал. Шел юбилейный год: десять лет было за плечами молодой Советской республики. Общая праздничная настроенность чувствовалась в жизненном ритме всей страны. И Хулио быстро втянулся в этот ритм. Он не мыслил себя вне общей работы, он не мог быть «заморским гостем», поэтому с радостью выполнял просьбы московских товарищей. Так, однажды его попросили выступить в Международном аграрном институте. Он тотчас же согласился и 15 марта побывал в гостях у советских ученых. Институт только что отпраздновал годовщину создания, и его сотрудники еще набирались опыта в изучении аграрных проблем земного шара. Интерес к встрече был велик, и советские

товарищи попросили Хулио Антонио прочитать лекцию об аграрных проблемах Мексики.

В тот вечер он рассказал о мексиканской революции 1910–1917 годов, о том, что она дала крестьянству, об аграрной реформе, которая по вине правительства теряет свое революционное содержание и фактически не проводится в жизнь.

Он приводил много интересных фактов из жизни крестьян и о том, как капитал Соединенных Штатов все глубже и глубже проникает в экономику Мексики. Особенно детально он остановился на деятельности Национальной крестьянской лиги, которая ведет активную борьбу за распределение пустующих и помещичьих земель, за изгнание из страны североамериканских монополий. Она уже объединила почти полмиллиона крестьян.

После выступления Мельи завязалась оживленная беседа, на которой Хулио Антонио не только отвечал на вопросы, но и сам немало спрашивал.

Для Хулио московские встречи стали неисчерпаемым источником пополнения знаний. Одна из самых интересных встреч произошла у него с Еленой Дмитриевной Стасовой. Соратница В. И. Ленина, свидетельница революционных событий, о которых Хулио мог только слышать или читать, она рассказала ему многое из опыта борьбы большевиков до 1917 года, из собственной жизни. Беседа со Стасовой оставила у него неизгладимое впечатление, и он ушел от нее с таким ощущением, словно соприкоснулся с героической эпохой борьбы русского пролетариата.

Побывал он у Е. Д. Стасовой накануне открытия II Международной конференции МОПРа, которая собралась 24 марта в Москве. Хулио Антонио был делегатом этой конференции от Мексики. Хотя в прениях он не выступал, но однажды вечером у него состоялась беседа с членами президиума конференции, на которой он рассказал о работе мексиканского МОПРа.

Он говорил о терроре помещиков и духовенства, царящем в сельских районах страны. О том, как в городе Гвадалахаре фашиствующие молодчики набросились на рабочих и устроили кровавую резню. О том, что от реакции не отстает и правительство, которое посылает карателей на разгром демонстраций и забастовок.

МОПР в Мексике возник в 1925 году. Поначалу это были слабые в финансовом отношении и довольно не авторитетные группы энтузиастов. Теперь же положение изменилось. Ряды МОПРа расширились и укрепились, рабочие убедились в том, что эта организация может по-настоящему оказывать помощь политзаключенным и их семьям.

В 1926 году МОПР Мексики провел более 15 кампаний, которые были скоординированы с деятельностью Антиимпериалистической лиги. Хулио рассказывал, что идеи антиимпериалистической борьбы приобретают среди мексиканского пролетариата все большее распространение, а это, в свою очередь, популяризирует опыт МОПРа. Мексиканский МОПР наладил связь с Кубой и Колумбией и оказывает помощь товарищам в Гватемале, Никарагуа и Коста-Рике в организации национальных мопровских секций.

Его рассказ, фактически первая подробная весть в Европе о деятельности мексиканского МОПРа, был выслушан с большим вниманием.

Затем товарищи из советского МОПРа предложили ему съездить в какой-нибудь индустриальный район страны. Мелья с энтузиазмом согласился, и тогда же решили, что он поедет в Донбасс. Через несколько дней, теплым апрельским утром он отправился в Донецкий бассейн.

Мелья не придал особого значения своим выступлениям в Международном аграрном институте и в МОПРе, так как считал это долгом коммуниста. Но московские товарищи думали иначе: по их мнению, его информация представляла большую ценность, поэтому было решено опубликовать ее. К сожалению, Хулио так никогда и не узнал, что после его отъезда оба выступления в этом же году были напечатаны в Москве: первое — в журнале «Аграрные проблемы» (№ 1) и второе — в «Бюллетене ЦК МОПР СССР» (№ 9).

Донбасс встретил его терриконами и заводскими трубами, взметнувшимися в весеннее донецкое небо. Его уже ждали в Артемовске. И когда он сошел на перрон, навстречу ему шла многочисленная делегация. Крепкие рабочие рукопожатия, улыбки, цветы и флаги привели Хулио в страшное смущение. И сразу же он окунулся в знакомую и близкую ему стихию. Он знал горняков Мексики, и ему не стоило большого труда подружиться с донбасскими рабочими.

В один из первых дней пребывания в Артемовске он приехал на собрание рабочих завода Донсода. Это было обычное производственное собрание, на котором говорили об улучшении условий труда, искоренении недостатков, о выполнении плана. Но это будничное событие в жизни донбасских рабочих стало для него новым открытием в жизни советских людей. О подобных собраниях он слышал от мексиканских товарищей, побывавших в Советском Союзе. Но то, что он увидел, превзошло все его ожидания. На какое-то мгновение он попытался представить себе

картину собрания кубинских или мексиканских рабочих, посвященного вопросу повышения производительности труда… И ему стало смешно и горько — так невероятна была сама эта мысль.

Когда очередь дошла до него и он подошел к трибуне, все встали и тяжелые рабочие руки долго и горячо приветствовали его. От волнения к горлу подступил комок, и он до боли в суставах сжал руками края трибуны. Но вот стихли последние аплодисменты, и он произнес первую фразу, и пока ее переводил переводчик, он окончательно пришел в себя и произнес горячую речь, в которой говорил о борьбе пролетариата Кубы в Мексики, о том, как он мечтал приехать в Советский Союз и пойти на Красную площадь, о том, что он думал, слушая выступления рабочих. И когда закончилось собрание, под сводами заводского клуба впервые зазвучали вместе с русскими и испанские слова: «Вставай, проклятьем заклейменный..»

В следующие дни Хулио Антонио побывал у пионеров, спускался в шахты, встречался с рабочими других заводов. А учителя города устроили в его честь большой вечер. Но первая встреча с рабочими завода Донсода была для него особенно дорога.

Наступил день отъезда, и он с грустью покидал гостеприимный рабочий город. В Москве он пробыл недолго, несмотря на то, что ему предложили еще поездить по Советскому Союзу. Он был вынужден отказаться от столь заманчивого путешествия, так как подходил к концу четвертый месяц со времени его отъезда из Мексики, а там полным ходом шла подготовка к предстоящему съезду партии, и каждый коммунист был на учете. Конечно, если бы он знал, что не суждено ему вновь побывать в Москве, наверняка принял бы предложение советских товарищей.

Он вспоминал, каких трудностей стоила организация его поездки в СССР. Главное заключалось в том, что не было прямого пути и надо было ехать через недружественные Германию и Польшу. В Мексике ему сказали, что товарищи из Французской компартии ему должны помочь. Про Германию никто ничего толком не знал. Правда, никто не знал также, как уладят это дело французские товарищи. На всякий случай в ЦК ему дали мандат: маленький лоскуток белого шелка, на котором было напечатано по-французски:

«Мы просим всех товарищей, чтобы они предоставили товарищу Мелье возможность продолжить его поездку в Москву».

В Париже в компартии ему пообещали, что сделают все возможное, и слово свое сдержали. А Хулио пришил мандат к

внутренней стороне подкладки пиджака. И забыл о нем. И вот только перед самым отъездом из Москвы вспомнил и передал его одному из советских товарищей.

В последний вечер перед отъездом Хулио прошелся по Красной площади, постоял у Мавзолея В. И. Ленина, мысленно расставаясь с дорогим ему местом. Прощаясь с советскими друзьями, сказал, что еще не раз побывает в Москве.

Через двое суток он был в Варшаве. Еще несколько дней, и его встречал купающийся в солнце и цветах Париж. В столице Франции он задержался ровно настолько, сколько потребовалось для встречи с кубинцами, жившими там. А затем он пустился в обратную дорогу: Атлантический океан — Нью-Йорк — Мехико.

Год 1927-й

В Нью-Йорке Хулио встречался с кубинцами-эмигрантами. Среди них не все были, разумеется, настроены решительно и не все хотели бороться против Мачадо. Судьба сыграла с ними злую шутку, заставив покинуть родину, несмотря на то, что их разногласия с режимом были ничтожны. Ведь если бы в ноябре 24-го они не проголосовали за консерваторов, вряд ли им пришлось бы бежать с Кубы. Многие из них надеялись, что со временем все устроится и они вернутся: Мачадо ведь понимает, что консерваторы — это не коммунисты…

Для Хулио было важно наладить связь с эмиграцией, а также выяснить настроения его нью-йоркских соотечественников. Он остался не очень доволен встречами с ними, так как понял, что в Мексике кубинские эмигранты лучше организованы, к тому же их политический уровень был выше уровня эмигрантов в США. Хулио понимал, что так получилось потому, что в Мексике собрались в основном настоящие революционеры, среди которых было много коммунистов, но он не отчаивался и надеялся на перемены в Нью-Йорке.

Националистически настроенные мелкобуржуазные элементы, бежавшие с Кубы и сгруппировавшиеся во Флориде и Нью-Йорке, мечтали о военной экспедиции против Мачадо. Когда там появился Хулио Антонио, они ему все уши прожужжали разговорами о высадке. Они надеялись, что, если он будет участвовать в этой экспедиции, его имя привлечет под их знамена не только студентов, но и рабочих. Хулио Антонио разгадал их планы, однако ничего не сказал им о том, что он также думал о высадке. Решил взвесить все «за» и «против». А пока внимательно выслушивал все, что ему говорили. Так и не сказав ни «да», ни «нет», он уехал.

Чем ближе приближался поезд к мексиканской границе, тем больше усиливалось желание увидеть поскорее друзей, товарищей. Когда он уезжал, его отношения с женой оставляли желать лучшего. Оливин никак не хотела примириться с жизнью, которую он избрал. Забеременев во второй раз, она вновь надеялась, что с рождением ребенка (она верила, что вторые роды будут удачными) все утрясется в их отношениях. Однако отъезд Хулио в Европу не только поколебал ее уверенность, но вновь заставил пересмотреть взгляды на будущее. Ну что же, он пытался убедить ее не один раз в том, что он не видит для себя иного пути, кроме участия в коммунистическом движении, кроме борьбы, но она оставалась глуха и слепа к его доводам. Она его не

понимала. Был ли выход из сложившейся ситуации? Как ни неприятно было сознаваться самому себе, он видел единственный выход в разводе. А ребенок, который должен был скоро родиться?.. А вдруг Оливин изменится?..

В Мехико его встретили с радостью: дел было по горло, а людей не хватало. Расспросам и рассказам о поездке, казалось, не будет конца. Разумеется, он сразу же включился в работу.

С Оливин не произошло никаких изменений, и однажды вечером она сказала, не глядя на Хулио, что не лучше ли ей уехать на Кубу, чтобы там рожать… Он ответил, что, конечно, она может поехать, что у родителей ей будет лучше, что она там не будет нуждаться в самой необходимой мелочи, что ей не придется экономить на всем…

Поездка в Европу влила новые силы в Хулио Антонио. Несмотря на трудности, которые стояли перед коммунистическим движением, хотелось работать, как никогда. Советская Россия стала для него намного ближе и дороже. Он считал своим не только партийным, но и просто человеческим долгом рассказывать правду о Советском Союзе. Поэтому, когда летом 1927 года империалистические державы, и в первую очередь Великобритания, усилили провокационные действия против молодой Республики Советов, а реакционные элементы в Мексике, вдохновляемые политикой своих старших партнеров, усилили репрессии против коммунистов, Хулио Антонио выступил на страницах органа компартии «Эль Мачете» с резкой отповедью врагам. Статья называлась «Провокации империалистов против Советов».

«Вначале была вооруженная интервенция империалистических армий, — писал Хулио Антонио. — Империалисты стремятся покончить с первой республикой рабочих и крестьян, спровоцировав мировую войну».

Он с гневом писал о бесчисленных провокациях против СССР. Чемберлену так хочется втянуть Советы в войну, потому что война — «это единственный выход для умирающей британской империи».

Если до Брюссельского конгресса Хулио как бы умозрительно воспринимал многие международные события, происходившие в далеких от Кубы и Мексики странах, то сейчас мировой революционный процесс стал ему понятен, как никогда. Он по-настоящему почувствовал себя участником великой борьбы.

Освободительное движение народов мира так ширится, что Чемберлену видится во всем «рука Москвы, даже в пыли, которая покрывает его монокль», — писал Хулио. Но страх империализма перед грядущей революцией не напрасен. За десять лет

существования Республики Советов ее «промышленное производство, — продолжал он, — по сравнению с довоенным уровнем выросло на 106 %. Ее промышленность развивается быстрее, чем сельское хозяйство. А что это означает? Что страна перестает быть производителем только сырья».

Страна производит огромную часть всех средств производства. Не в этом ли заключается экономическое освобождение победившего народа? Эти средства производства — «будущая угроза в коммерческой и промышленной областях для мировой капиталистической экономики».

Но если империалистам объединенными усилиями удастся создать лагерь более сильный, чем пролетарское государство, тогда: «Будущая империалистическая война охватит еще больше государств мира. И очевидно, империалистические державы больше всего беспокоит антиимпериалистический дух пролетариев всего земного шара, включая английский пролетариат, а также нарастающая революция в колониях. И вот тогда пролетариат возьмет в руки оружие, но не для того, чтобы защищать своих хозяев, а для того, чтобы завоевать свободу».

Заканчивая статью, Мелья призывал пролетариат Мексики и всей остальной Америки сплотиться в борьбе против империализма на стороне социализма, на стороне Страны Советов.

«Эль Мачете» в июне — июле этого же года опубликовала серию его статей «Эпизоды из жизни Советского Союза», в которой он рассказал о разных сторонах советской действительности.

В декабре эта же газета публикует три его статьи под общим заголовком «Революционный триумф красной дипломатии», которые стали как бы продолжением статьи «Провокации империалистов против Советов».

В этой последней статье он пишет о Советском государстве как примере для Латинской Америки.

«Третий Интернационал и СССР имеют для Латинской Америки двойное значение. Во-первых, они являются авангардом и крепостью социалистического движения. Во-вторых, они являются движущей силой всего национально-освободительною движения. Ленинская теория империализма применима во всем мире, а не только в отдельных его частях, как это пытаются доказать некоторые простаки-ревизионеры».

В Брюсселе Мелья по-настоящему разобрался во многих вопросах тактики и стратегии империалистических держав. Он понял, что ни Англия, ни Франция, ни даже побежденная Германия не теряли надежды «расправиться» с Советским

Союзом. Причем арсенал их «дипломатических» средств был весьма разнообразен: угрозы, шантаж и в изобилии — лицемерие. И окруженная врагами, Страна Советов должна была с достоинством отвечать на действия империалистической дипломатии. Поэтому в этих статьях он старался как можно глубже показать рабочему классу Мексики внешнеполитический курс Советского Союза, который отвечал интересам пролетариата не только России, но и всего мира.

«И когда в Америке, — заканчивал он последнюю статью, — как и в остальном мире, будут существовать настоящие дипломатические отношения между свободными и суверенными государствами, не империалистическими, а социалистическими, то усилия и тактика советских дипломатов будут оценены по достоинству».

«Что такое АПРА?»

Летом 27-го родилась Наташа. Но дочь не заполнила брешь. Отчуждение росло, и пришел день, когда Оливин решила уехать. Она пошла в посольство Кубы, визу ей выдали без проволочек. Наташе не было трех месяцев, когда ее увозили на родину родителей.

Лето выдалось жарким во всех отношениях. Классовые бои потрясали Мехико. Шел седьмой год борьбы на всех континентах за жизнь американских рабочих Сакко и Ванцетти, обвиненных в преступлении, которого они не совершали.

В Мексике эта борьба развернулась под руководством Объединенного фронта спасения Сакко и Ванцетти. Все прогрессивные организации страны принимали участие в этом движении. Мелья не раз выступал от имени Антиимпериалистической лиги на митингах и собраниях, посвященных Сакко и Ванцетти. Он считал победой движения за жизнь американских рабочих отсрочку в течение семи лет исполнения приговора.

Борьба Антиимпериалистической лиги за жизнь Сакко и Ванцетти принесла ей определенный успех и авторитет. И хотя, как известно, американские рабочие были казнены в августе того же года, борьба за их жизни помогла сплочению пролетариата.

В этом же году Хулио Антонио был избран генеральным секретарем американского отделения Антиимпериалистической лиги.

Число беженцев с Кубы росло, ширилась кубинская колония. Пришло время создать единую эмигрантскую организацию, идею которой вынашивал Мелья, и он с жаром взялся за дело. Ему помогали не только кубинцы, но и товарищи из Мексиканской компартии. Так осенью 1927 года родилась АНЕРК — Ассоциация новых революционных кубинских эмигрантов. Трудно было с деньгами, но, кажется, энтузиазм на первых порах заменил недостающие средства. Написали письма в Париж и Нью-Йорк с предложением создать там филиалы ассоциации. Предложения были приняты, и у АНЕРКа появились два отделения. Началось издание газеты ассоциации «Куба Либре» («Свободная Куба»).

В этом же году 16 июля битвой у городка Окоталя (Никарагуа) началась освободительная борьба никарагуанского народа, вошедшая в историю как движение генерала Сандино. Горячий патриот и человек прогрессивных взглядов, генерал возглавил борьбу против национальной реакции и американских

интервентов В январе 1928 года Мелья создал в Мексике комитет «Руки прочь от Никарагуа!». Комитет занимался не только пропагандистской деятельностью, но и, например, собирал деньги, которые передавал представителям армии Сандино.

При всей своей занятости в ЦК компартии, в Антиимпериалистической лиге и в других организациях Хулио Антонио активно сотрудничал в рабочей печати. Он был одним из постоянных авторов в органе ЦК компартии «Эль Мачете», где он вел постоянный раздел «Мир за неделю», подписываясь «Куаутемок Сапата». Иногда он подписывался «Хуан Хосе Пролетарий» или «КИМ».

«Эль Мачете» была создана тремя художниками: Хавьером Герреро, Давидом Альфаро Сикейросом и Диего Риверой — как рупор Революционного профсоюза художников Мексики. Ее первый номер вышел 13 марта 1924 года. Через несколько месяцев художники предложили коммунистам использовать страницы своей газеты, и «Эль Мачете» стала органом компартии, а ее основатели продолжали в ней работать. Так в редакции состоялось знакомство художников с Хулио Антонио, которое в дальнейшем переросло в крепкую дружбу.

Хулио также принимал активное участие в выпуске газет «Эль Либертадор» («Освободитель») — органе Антиимпериалистической лиги (не говоря уже о «Трен блиндало» и «Куба Либре») и «Эль Бонете» — органе Антиклерикальной лиги. Друзья удивлялись его энергии и работоспособности. В редкие свободные часы он отправлялся на прогулку в парк Чапультепек, и чаще всего с ним бывали кубинцы Антонио Пуэрта и Алехандро Баррейро. Друзья иногда катались на лодке, причем Хулио всегда просил у лодочника весла, чтобы немного поразмяться.

По решению компартии он стал чаще бывать в горняцких районах. В особенности часто приходилось ездить в Халиско, где генсеком Федерации горняков был Давид Альфаро Сикейрос. Среди горняков Хулио пользовался большим авторитетом, недаром ему пришлось принимать участие в забастовках на шахтах «Эль Ампаро», «Пьедра бола», «Ла Масата» и на других.

С Кубы приходили печальные вести. Преследования коммунистов усилились еще больше. Был закрыт Народный университет имени Хосе Марти. Была арестована большая группа кубинских интеллигентов.

29 марта Херардо Мачадо поставил на обсуждение в палате представителей проект закона о продлении своих полномочий, что, в свою очередь, заставило бы внести поправки и в

конституцию страны. На следующий день студенты столичного университета отправились к дому профессора университета, выдающегося патриота Хосе Энрике Вароны, чтобы посоветоваться с ним относительно действий в сложившейся обстановке. Но оказалось, что дом Вароны окружен полицией, которая набросилась на студентов. Студенты отступили к зданию университета и попытались укрыться в нем, но полицейские по приказу начальника национальной полиции Пабло Мендиэты проникли в здание Alma mater, дабы расправиться с крамольниками. Дом Вароны также подвергся нападению карателей.

На следующий день студенты опубликовали манифест, в котором писали: «Мы последуем зову нашей совести, призывающей нас восстать против закона, принятого палатой, который ведет к реформе конституции и продлению полномочий…»

Энрике Хосе Варона заявил журналистам, что «республиканская Куба — близнец колониальной Кубы» и что он безоговорочно поддерживает студентов, которые продемонстрировали свои «глубокие национальные чувства».

По всей стране поднялась волна недовольства. Люди выходили на улицы и, несмотря на полицейские репрессии, выражали протест против Мачадо. В начале апреля ЦК Компартии Кубы опубликовал воззвание:

«Не может Коммунистическая партия Кубы, партия рабочих и крестьян, молча взирать на циничное попрание общественных свобод. Трудящиеся города и деревни в настоящий момент должны защищать свои права, если не хотят быть ввергнуты навсегда в еще более страшное рабство и угнетение…

Товарищи пролетарии, если будут осуществлены переизбрание и продление сроков полномочий Мачадо, рабочие и крестьяне окажутся связаны по рукам и ногам империализмом янки».

Возмущенный закрытием Народного университета имени Хосе Марти, Мелья написал письмо на Кубу в недавно созданную организацию Студенческий директорат: «Студенты всегда, во все времена были и остаются революционерами и преобразователями. Мы не должны забывать, что национальные тираны только лишь инструменты в руках империалистов, поэтому, чтобы изменить социальный строй, надо вести борьбу всеми средствами… Только коммунистическая партия может возглавить социалистическую революцию, которая освободит национальную экономику от капитализма янки».

Весь год Куба бурлила. Попрание конституции Мачадо

разоблачило его в глазах всего народа. Особо ненавистным стало его имя среди студенчества. Закрытие университета, расширение рабочего движения, закрытие Народного университета имени Хосе Марти — все это гальванизировало студенческое движение. В ответ на кубинские события Хулио написал статью «Студенты и социальная борьба», которую опубликовали в Гаване.

Он писал, что по примеру студентов дореволюционных русских университетов студенты Латинской Америки участвуют в социальной борьбе.

Работая над этой статьей, Хулио вспоминал студенческие годы, поиски ответов на вопросы, которые сейчас показались бы наивными. Но тогда они делали первые шаги к тому, что сейчас является социальной борьбой.

Он писал, что борьба студенчества — это часть «великой борьбы классов, которой охвачено человечество», и был уверен, что студенчество становится той силой, на которую революционеры-марксисты могут опереться в любом случае. Социальная борьба в латиноамериканских университетах стала предвестником будущих политических изменений. Он считал, что настанет время и «…как вчера французская революция, русская революция найдет свой отклик в Америке».

Хулио не забывал встреч в Брюсселе с Айя де ла Торре и его позиции на конгрессе, которая так возмутила Хулио. Бывший кумир студенческой молодежи, призывавший к ниспровержению империализма, в Брюсселе был очень осторожен, хотя и пытался навязать всем делегатам-латиноамериканцам свои идеи. И тогда в Брюсселе Хулио ясно понял, что недалек тот час, когда от «социализма» перуанского адвоката не останется и следа И действительно, перерождение его в обычного буржуазного политика-реформиста шло довольно быстрыми темпами.

Сейчас, в 1927 году, ничего в нем не осталось от того молодежного лидера, которого четыре года назад восторженно встречали гаванские студенты

А движение, созданное им, — Альянса Популар Революсионариа Американа (Американский народно-революционный альянс), — пропагандировавшее учение своего вождя, было довольно аморфной организацией, пытавшейся превратиться в партию[3].

Было время, когда Айя де ла Торре говорил о себе только как о политике, который якобы первый применил марксизм в латиноамериканских условиях. Но в Брюсселе он запел другим голосом. Он начал проповедовать особый путь для Латинской Америки, отличный от пути европейского, ибо, по его мнению, в

Латиноамериканских странах марксизм в европейском (точнее — русском) виде неприменим.

Лишенный четкой политической программы, апризм ограничивался абстрактными концепциями о борьбе с империализмом объединенных сил «трудящихся умственного и физического труда». Мелкобуржуазный дух апризма проникал и в пролетарскую среду. Сторонники его объявили себя не только «антиимпериалистами», но и «социалистами», однако ради борьбы против коммунистов они не гнушались объединяться с буржуазными партиями.

Еще до Брюсселя Хулио задумал выступить в печати против Айя де ла Торре.

Лето и осень после Брюсселя он работал не покладая рук. В апреле 1928 года в Мехико вышла его брошюра «Что такое АРПА?».

Ему нравилось называть вместо АПРА АРПА[4] и членов ее организации — арпистами, а не апристами.

До появления брошюры газета «Эль Мачете» в течение нескольких месяцев печатала в разделе «Между серпом и молотом» материалы против апристов. Хулио Антонио не раз писал для этого раздела.

Коммунисты разоблачали предательскую и раскольническую деятельность Айя де ла Торре и всех, кто его поддерживал. Между прочим, сам Айя де ла Торре в то время находился в Мексике.

Газета разоблачила вождя АПРА, который в одном из своих выступлений защищал политику британского премьера Чемберлена («идущего к либерализму») и его правительства как по внутренним, так и по внешним вопросам, Айя де ла Торре дошел до того, что заявил, что «мы (Латинская Америка. — *Ю. П.*) во многом обязаны Англии, потому что она поддерживала борьбу за нашу независимость». Этот тезис перуанского политика вызвал негодование не только в Мексике.

В одном из номеров «Эль Мачете» в марте 1928 года Хулио Антонио едко высмеял хвастливое заявление о том, что целый легион апристов готовится к походу в Никарагуа на помощь Сандино. Он писал, что никакой легион не отправится в Никарагуа, даже вооруженный сладкозвучной арфой (давшей имя нескольким десяткам студентов, с надеждой взирающих на своего «генерала», претендующего на кресло президента Перу), ибо такого «легиона» в действительности нет и это заявление апристов, мягко выражаясь, фантазия.

Все так и было. Апристы попытались было поднять шумиху по поводу вояжа их представителя Павлетича в лагерь Сандино, но довольно скоро приутихли, ибо Павлетич не смог доказать, что он

был у Сандино.

В брошюре Мелья последовательно разбил основные постулаты апризма, доказав, что АПРА является обычной реформистской партией, взявшей себе на вооружение идеологию мелкого буржуа. В нее входили представители мелкобуржуазной городской интеллигенции, рабочего класса, мелких собственников.

Апристы не скрывали своих антипатий к коммунистам. Фронт антикоммунизма в те годы охватывал многие политические течения и группировки, среди которых апризм не выделялся ничем особенным. Поэтому Хулио Антонио писал на первой же странице своей работы:

«Если бы нам хотелось ответить только АПРА, то эта брошюра не была бы написана. Главное то, что АПРА — одна из тех организаций, в которой отразился латиноамериканский оппортунизм и реформизм. Ответить АПРА — это значит ответить всем предателям — реформистам и оппортунистам, которые придерживаются схожих или таких же тенденций, как и АПРА, хотя и отрицают всякую связь с ней или даже объявляют себя врагами ее». Он подчеркивал, что «антиимпериалистическая» возня апристов не принесла им славы. Больше того, апристы ведут себя так, словно они «учителя», «вожди» пролетариата, и пытаются изрекать «социалистические» истины, которые уже были открыты до них».

Айя де ла Торре и его оруженосцы оказались слабыми и в вопросе о диктатуре пролетариата. Доказывая с пеной у рта свою принадлежность к марксизму, они никогда и нигде не употребляли термин «диктатура пролетариата». Говорить об этом для апристов — равнозначно быть «агентом Москвы».

Для апристов не существует классовой борьбы, она подменяется отвлеченными рассуждениями о равенстве вообще:

«Рассматривать абстрактно проблему классового равенства, к тому же в полуколониальных странах, свойственно буржуазным демократам, которые, прикрываясь лозунгами о всеобщем равенстве с пролетариатом, провозглашают юридическое или формальное равенство хозяина и пролетария, эксплуататора и эксплуатируемого…»

Хулио Антонио писал, что если бы Ленин был знаком с апристами, он посвятил бы им специальный раздел в своей работе о народничестве и, без сомнения, назвал бы их «тропическими карикатурами на народников».

Истинные революционеры никогда не пойдут за апристами, ибо они не верят в их способность повести за собой массы, в их бесплодные славословия, в их безжизненные постулаты. К тому

же апристы открыто противопоставляют себя коммунистам, и ненависть их к коммунистам выразилась в словах их вождя, который, имея в виду самоотверженность коммунистов, заявил, что коммунистические лидеры готовы пойти на самоубийство, дабы их имена и трупы превратились в символы.

Отвечая на эти слова, Мелья писал, что АПРА не имеет своих собственных мыслей, поэтому она повторяет аргументы реакции:

«От пожелания, чтобы все коммунисты покончили с собой, до пожелания, чтобы их уничтожали, всего один шаг. Если завтра апристы, поддержанные предательской буржуазией и некоторыми европейскими империалистами, захватят в каком-нибудь месте власть (даже если это будет клочок сельвы), их первым шагом будет не обобществление средств производства, а убийство всех коммунистов, если они не будут объявлены «самоубийцами», как это делает Мачадо на Кубе».

Он писал, что придет время, когда АПРА объявит открытую и жестокую войну коммунизму.

Организационная и идеологическая слабость части латиноамериканских социалистических и коммунистических партий способствовала распространению апризма. Для мелкой буржуазии, интеллигенции, части пролетариата, неискушенных в политической борьбе, демагогические лозунги апристов становились «революционными» знаменами.

Брошюра Мельи вышла в такое время, когда против рабочего класса и коммунистов усилились и репрессии со стороны реакции и идеологическое давление всевозможных антикоммунистических течений. Реакция использовала политическую неустойчивость рабочих масс Мексики, чтобы расколоть их и привлечь на свою сторону. Дело доходило до того, что противоречия между профсоюзами приводили к столкновению между рабочими.

Одновременно реакционная пропаганда вела бешеную кампанию за роспуск профсоюзов, за выход из них рабочих масс.

К тому же в ноябре 1927 года Айя де ла Торре приехал в Мексику. Он и его единомышленники развили бурную деятельность: собрания, митинги, вплоть до разработки плана вооруженного восстания в Перу и вооруженной помощи генералу Сандино. Правда, ближайшее будущее показало, что все эти планы остались только на бумаге да в головах экзальтированных апристских «революционеров».

Опубликование «Что такое АРПА?» дало коммунистам новое действенное оружие против апризма. Мелья не считал, что с выходом брошюры он «разделался» с ним, наоборот, он продолжал выступать в печати против тлетворного влияния апризма на рабочее движение до самого конца 1928 года.

В конце года он издал еще одну работу — «Четвертая годовщина Народного университета имени Хосе Марти». Университета уже не было, он был не только запрещен, но и разогнан с помощью силы.

Хулио Антонио писал:

«Аудитории закрыты. Но раскрываются книги. Пропаганда продолжается. «Народный университет скончался!» — кричит правительство с удовлетворением ликующего невежды. «Народный университет имени Хосе Марти живет!» — восклицает сознательный пролетариат Кубы. Многие пали. Еще больше падут. Но до сих пор еще никогда не были убиты идея или принцип».

Значение Народного университета имени Хосе Марти в развитии революционного движения на Кубе не могли не признать даже его враги. Он способствовал распространению среди рабочих антиимпериалистических и марксистских идей, а также вызвал у них интерес к политике, социальным проблемам, атеизму. Университетские аудитории стали центрами политического объединения рабочих и студентов, что, в свою очередь, способствовало поражению реформизма и анархизма, господствовавших в массе трудящихся.

Все это прекрасно понимал Хулио Антонио и воздавал должное своему детищу. Была у него мечта возродить народный университет в Мехико, вернее, создать мексиканский. Но пока это оставалось только мечтой.

«Бронепоезд»

Несмотря на то, что Хулио пришлось по поручению Центрального Комитета работать в Крестьянской лиге и часто выезжать из мексиканской столицы, он наладил связь со студентами университета, и они начали выпускать свою газету «Трен блиндадо» («Бронепоезд»). Почему ее так назвали? В те годы повесть советского писателя Всеволода Иванова «Бронепоезд 14–69», переведенная на несколько иностранных языков, обошла много стран. Вполне вероятно, что далеко не все мексиканские рабочие или студенты ее читали, но очень многие читали о ней в газетах и журналах. Образ красногвардейского бронепоезда у революционно настроенных студентов ассоциировался с Октябрьской революцией Для них «Бронепоезд 14–69» символизировал ту революционную силу, которая должна была смести национальную реакцию и иго капитала янки. Газета издавалась Ассоциацией пролетарских студентов. Конечно, среди студентов почти не было выходцев из пролетариата, но идеи пролетарской революции, совершенной в России, целиком захватили умы наиболее прогрессивной части студенчества. Ассоциация не скрывала этого и в одном из номеров заявила, что «является сторонницей идеологии марксистского социализма». А в ее манифесте так и было сказано: «или с трудящимися, или с эксплуататорами». И ассоциация призывала идти к трудящимся.

В ассоциацию было перенесено многое из кубинского опыта, однако в Мексике деятельность революционных организаций и даже коммунистов не преследовалась так тиранически, как на Кубе, поэтому и характер работы был несколько иным.

Например, на страницах своей газеты студенты совершенно открыто призывали к борьбе за социалистические преобразования. В том же манифесте они писали

«Классовая борьба, являющаяся движущей силой истории, вступает в новый и решающий этап, окончательная борьба двух антагонистических классов современности.

Ни люди искусства или науки, ни поборники права или индивидуальной свободы не могут быть в стороне от этой борьбы».

И далее, говоря о студентах, которые «сегодня становятся буржуями по мышлению, а завтра станут ими в делах своих»:

«Мы не можем позволить, чтобы рядом с нами взращивались будущие фашистские вожаки, будущие интеллектуальные дворецкие буржуазии и империализма.

Наши задачи распадаются на три этапа: нынешний —

подготовка и организация кадров, ближайший — восстание и будущий — социалистическое строительство».

«Трен блиндадо» отражала на своих страницах все стороны социальной жизни Мексики, но ее главная задача была — борьба за расширение ассоциации, за расширение союза молодой интеллигенции с рабочими и крестьянами, борьба за университетскую реформу.

Идеи университетской реформы захватили умы прогрессивной учащейся молодежи Мексики, но эти идеи были чаще всего плодами той социальной среды, из которой происходили студенты, то есть мелкой буржуазии. И Мелья понимал, что в борьбу за реформу привнесено слишком много наносного, порою просто вредного. Часто поборники реформы не шли дальше болтовни, ибо не знали, как действовать в, самое главное, с чего начать. И разумеется, его опыт студенческого вожака здесь пригодился как нельзя лучше.

В одном из номеров «Трен блиндадо» он писал: «Социалистические идеи борьбы за реформу университета подобны идеям пролетариата в его борьбе за изменение образа жизни.

Мы боремся за университет, более тесно связанный с нуждами угнетенных, за университет, более полезный науке, а не плутократии, за университет, в котором мораль и характер студента не обретут форму «магистэр диксит» или превратят его в индивидуалиста, как происходило в старых республиканских университетах Латинской Америки и Соединенных Штатов».

Хулио и его товарищи из ассоциации внимательно следили за событиями на родине. По конституции этот год должен был стать последним годом правления Мачадо, ибо президент не мог быть избранным на второй срок. Но конституция была «подправлена», и генерал потирал руки, радуясь легкой победе. Как же ему удалось осуществить эту махинацию?

Сразу же после 20 мая 1925 года Херардо Мачадо открыл широкий доступ в страну американскому капиталу. Филиалы американских компаний росли на острове быстрее огурцов. Куски с барского стола доставались и кубинской буржуазии. Ловкий политикан, Мачадо сумел «помирить» либералов с консерваторами и с «народниками» (Народная партия — партия бывшего президента Сайяса). Так с 1926 года началась эпоха «кооперации» политических партий, что дало возможность Мачадо протаскивать через конгресс любые законопроекты, которые также устраивали и «великого северного соседа». «Кооперация» партий помогла ему внести поправку в

конституцию 1902 года и тем самым продлить свои полномочия и быть переизбранным на второй срок.

Одновременно Мачадо превращал свою родину в «загородное местечко» для увеселительных прогулок янки-туристов. Строительство Центрального шоссе протяженностью 1000 километров, от Гаваны до Сантьяго-де-Куба, должно было обеспечить легкий доступ во все уголки страны. Но главной приманкой для гостей из Джексонвиля или Бостона должна была стать Гавана.

Положение трудящихся ухудшалось, недовольна была и националистически настроенная мелкая и средняя буржуазия, которая не выдерживала конкуренции с американскими и крупными кубинскими фирмами.

REVOLUCION
UNIVERSITARIA
Unidad en la Acción
La Educación en la U.R.S.S.
Por VICENTE ACUÑAS
Balazos de Tren Blindado

Заголовок газеты «Куба Либре», органа Ассоциации новых революционных эмигрантов Кубы.

Но самое главное — это то, что Мачадо не выполнил своего обещания бороться за политическую независимость Кубы. Прекратились разговоры об отмене «поправки Платта». Правда, он несколько повысил таможенные тарифы, но это был удар не по американским, а по европейским экспортерам.

В обстановке политической неустойчивости открылась 16 января 1928 года в Гаване VI Панамериканская конференция.

Накануне ее открытия Мелья в «Эль Мачете» иронически подчеркивал бесполезность конференции, которая не будет обсуждать политических вопросов. И это в то время, когда в Никарагуа идет народная борьба, в Гаити — военная диктатура, Пуэрто-Рико превратилось в колонию, а Куба «охраняется» «поправкой Платта».

К этому моменту противоречия между Соединенными Штатами и латиноамериканскими странами обострились. «Великий северный сосед» не скрывал своих намерений расширить политическое проникновение и увеличить капиталовложения в страны к югу от Рио-Браво. Накануне

открытия конференции «Нью-Йорк таймс» писала:

«Когда президент Кулидж взойдет завтра на трибуну Панамериканской конференции, он будет представителем нации, более заинтересованной в Латинской Америке, чем какая-либо другая, за исключением Бразилии и Аргентины, и он будет говорить с представителями нации, на чьей территории мы имеем инвестиций более, чем кто-нибудь другой».

Разумеется, в Гаване вновь была извлечена на свет божий доктрина Монро. Однако с первого же дня обстановка начала так накаляться, что делегация Соединенных Штатов даже не заикнулась о доктрине, хотя все действия американцев явно говорили о том, что Вашингтон никогда не откажется от своих притязаний в Латинской Америке. Незримый дух Монро витал в залах гаванской ассамблеи.

К концу 30-х годов морские пехотинцы США безнаказанно разгуливали по территории Никарагуа, Гаити и Доминиканской Республики. Вашингтон не стеснялся в средствах, вмешиваясь во внутренние дела Мексики. Однако Белый дом понимал, что в обращении с латиноамериканцами надо быть осторожным, к тому же его взаимоотношения с правительствами многих латиноамериканских стран оставляли желать лучшего. Поэтому в Гавану были посланы опытнейшие стратеги американской внешней политики. Главой делегации был назначен бывший государственный секретарь Чарльз Эванс Юз, а членами — американские послы в Мексике, Кубе и Италии. На открытие конференции прибыли и сам президент Соединенных Штатов Калвин Кулидж и государственный секретарь Фрэнк Келлог.

Заседания конференции проходили в здании университета, и, что любопытно, через два месяца после того, как была произнесена последняя речь и опустел зал заседания, университет был закрыт. Так были наказаны студенты за свои антиправительственные выступления.

Краеугольным камнем дебатов стал вопрос о вмешательстве одной страны в дела другой: об интервенции. Американская делегация открыто поддерживала право на интервенцию, правда, ее глава Юз выдвинул новый термин — «интерпозиция» вместо ненавистного всем в Латинской Америке «интервенция». По его словам «интерпозиция» — всего лишь временное вмешательство для защиты интересов граждан вмешивающейся страны, которое не наносит ущерба суверенитету «страдающей» стороны. Это заявление Юза удивило видавших виды латиноамериканских дипломатов, но удивление перешло в замешательство, когда выступил Орестес Феррара, представитель Кубы, который сказал.

«Мы не можем присоединиться к общему хору противников

интервенции, потому что слово «интервенция» в моей стране стало словом, выражающим доблесть, свободу и независимость».

Конференция вызвала на Кубе волну недовольства. Там еще не забыли, что не так давно Мачадо и его приспешникам удалось «подправить» конституцию. К тому же экономическое положение страны было на грани катастрофы. Около 60 процентов трудоспособных кубинцев ходили в поисках работы. 1928 год нес в себе симптомы экономической катастрофы, которая обрушилась на капиталистический мир в следующем году. Перепроизводство сахара в мире чувствительно фиксировалось кубинской экономикой. Цены на мировом рынке падали, и, кажется, не было сил, способных удержать их. Разумеется, угрожающее положение экономики Кубы меньше всего трогало Белый дом, в той мере, если оно не затрагивало интересы американских промышленников.

На конференции не было сказано ни слова о Никарагуа, где народно-освободительная армия генерала Аугусто Сандино вела героическую борьбу против интервенции и внутренней реакции.

Известный американский актер Билл Реджерс, которому случилось быть в то время в Гаване, заметил в беседе с американским журналистом Беверли Смитом-младшим, что «дядя Сэм протягивает правую руку для рукопожатия, а левой — стреляет».

По предложению Мельи Антиимпериалистическая лига Мексики послала в адрес гаванской конференции письмо с требованием включить в повестку дня вопрос об интервенции в Никарагуа. А сам генерал Сандино телеграфировал в Гавану:

«Я протестую против участия в конференции незаконных делегатов так называемого президента Адольфа Диаса. Я протестую против лицемерия Кулиджа, который говорит о доброжелательности и в то же время посылает войска, которые убивают жителей Никарагуа. Я протестую против равнодушия и раболепия делегатов Латинской Америки в отношении правонарушений Соединенных Штатов».

Коммунистическая партия Кубы, во главе которой стоял Рубен Мартинес Вильена, распространяла по Кубе воззвание:

«Только рабочие массы смогут установить в Америке, как это было сделано в Советском Союзе, мир среди народов, при котором не будет ни угнетаемых, ни угнетателей».

Сразу же после первого мая Хулио получил с Кубы письмо, в котором друзья писали о первомайских событиях в Гаване.

Правительство Мачадо не гнушалось никакими средствами в своей борьбе против народа. Для подрыва революционного

движения изнутри полиция привлекала бывших преступников, сброд, готовый за гроши на все. Зная, что трудно будет открыто подавить первомайские выступления гаванского пролетариата, полиция решила провести свой «первомайский митинг» в спортивном зале для игры в хай-алай (игра басков в мяч), Здание, выбранное для этой цели, вмещало более 1000 человек «Об этом разузнали студенты университета и, объединившись с рабочими, направились в спортзал, где, к неописуемому удивлению устроителей акта, вмешались в его ход. На трибуну поднимались «незапланированные» ораторы, и все кончилось призывами «Долой Мачадо!», поддержанными большинством присутствующих. «Митинг» был сорван, полиция схватила «смутьянов», среди них оказался студент Габриэль Барсело, имя которого через несколько лет прославило кубинское революционное движение.

Мелью очень обрадовали вести с родины. Ничто не смогло запугать народ, в особенности студенческую молодежь. Радостный, полный энтузиазма, Хулио Антонио поделился своими мыслями с товарищами из АНЕРКа и впервые завел разговор о высадке на Кубе. Он решил наладить связь с буржуазными националистами и их вождем полковником Мендиэтой, который находился на Кубе. Для этого по его просьбе на Кубу уехал Леонардо Фернандес Санчес. Мысль о высадке уже так захватила Хулио, что в августе этого года он выезжает в порт Вера-Крус, на берегу Мексиканского залива, чтобы разведать возможности для нелегального отплытия на Кубу.

До тех пор, пока Мачадо не заявил о своем переизбрании, у многих эмигрантов теплилась надежда, что с приходом нового президента им удастся вернуться на родину, хотя они понимали, что новый глава государства также будет избран только после согласования его кандидатуры с Вашингтоном. Но при сложившейся обстановке пришлось переориентироваться, и Хулио считал, что единственный выход — в военной экспедиции.

Он прекрасно понимал, что союз с националистами не только не прочен с политической точки зрения, но и в какой-то степени противоречит принципам компартии. Однако другого выхода не было, тем более денежные средства националистов намного превышали финансовые возможности коммунистов и у «союзников» было оружие.

Жизнь Хулио наполнилась новым содержанием, появилась новая цель, к которой стремился не только он, но и все его товарищи из ассоциации. Частенько он поторапливал их, говоря:

— Мы, кубинцы, должны спешить, ибо независимость пришла к нам с опозданием на целое столетие.

Был еще один повод, который толкал его на быстрые и решительные действия: гнетущая тоска по родине. Его друзья не догадывались об этом. Внешне он, как всегда, оставался веселым и приветливым. Его большие черные глаза и энергичная походка не выдавали в нем человека тоскующего. Однажды он заметил в зеркале, что его черную шевелюру прорезали несколько седых волосков. А в другой раз кто-то при нем воскликнул, что, оказывается, у него появилась седина (в двадцать пять лет). А он подумал про себя: «Эх, вернуться бы в Гавану, что мне седина!»

В конце года он будет писать на Кубу Саре Паскуаль, товарищу по Народному университету имени Хосе Марти:

«С каждым разом все сильнее меня охватывает страстное желание возвратиться на родную землю, вновь жить в моей стране, по которой я так скучаю. Я приложу все возможные усилия, только чтобы вернуться».

В 1928 году весной на VI съезде коммунистов Мексики Хулио избирают в состав Центрального Комитета МКП. Ему поручили пропагандистскую работу, а также руководство всеми партийными школами. Рабочий день его был уплотнен до предела. Конечно, нечего было и думать о давно задуманной работе: написать книгу о Хосе Марти. Даже не было времени на сбор материалов. А пока суд да дело, он принялся за брошюру «Куда идет Куба», которую решил закончить к следующей весне.

Год выдался трудным, заполненным множеством событий. День ото дня становилось труднее работать, но, казалось, трудности только подхлестывали Мелью, и он брался за любое дело с еще большим энтузиазмом. Любимый парк Чапультепек был почти забыт — не было времени для прогулок. Пожалуй, не было в те дни мероприятий, проводимых Мексиканской компартией, в которых не принял бы участие и Мелья.

В конце октября митинги и собрания следовали один за другим. То ему приходилось выступать на митинге Международной антифашистской лиги, то на собрании комитета «Руки прочь от Никарагуа», то мчаться в МОПР или АНЕРК или выезжать из столицы в другие штаты.

7 ноября компартия провела мероприятие большого политического звучания: митинг, посвященный Октябрьской революции. Зал, в котором проводился митинг, был битком набит. Пришли рабочие, работницы-текстильщицы, интеллигенты, студенты и даже крестьяне из окрестностей столицы.

В тот вечер митинг затянулся далеко за полночь. Выступало много ораторов, среди них были руководитель компартии Эрнан Лаборде, президент Национальной крестьянской лиги Урсуло

Гальван, художник Диего Ривера. С большой речью выступил и Хулио Антонио, он говорил о значении Октябрьской революции для современного рабочего движения После всех выступлений был показан советский фильм «Крест и маузер».

Ассоциация новых революционных эмигрантов Кубы действовала довольно активно, все ее члены были «заражены» идеей о высадке, и, разумеется, постепенно об этом узнал довольно широкий круг людей. Деятельность ассоциации не на шутку встревожила кубинские власти, поэтому посольство Кубы исправно посылало в Гавану сведения, которые добывало в Мексике об АНЕРКе, к тому же в ряды эмиграции (это узнали позже) просочились провокаторы и просто полицейские шпики, засланные по указанию Мачадо.

Анерковцы, не имея собственного помещения, обычно собирались в мексиканском отделении МОПРа. Там всегда было людно и оживленно и царил дух подлинного интернационализма. В послереволюционной Мексике жило довольно много политических эмигрантов не только из стран Латинской Америки, но и из Европы. В частности, было много итальянцев. Почти все знали друг друга. Там Хулио Антонио познакомился с Тиной Модотти. Это произошло в середине года, хотя они и до этого видели друг друга в помещении МОПРа.

Тина

Был жаркий летний полдень. Город замер в дремотном послеобеденном зное. Все располагало к отдыху: закрытые магазины и оффисы, ленивые полицейские и еле ползущие трамваи. В такое время дня ничего не хотелось делать.

Хулио шел по неширокой улице, довольно оживленной в другие часы, но притихшей сейчас. Это был знакомый путь: не первый раз вышагивал он по этому выщербленному тротуару.

Ну вот и знакомая ступенька. Скорее в прохладный сумрак парадной! Тяжелая дверь словно нехотя повернулась на петлях, и он вошел в полутемную переднюю, из нее прошел в просторную комнату, заставленную стульями, в дальнем углу темнел стол.

Первое время они встречались только здесь, в помещении МОПРа. Она появлялась как-то незаметно, тихо. Вообще никто никогда не видел Тину возбужденной, говорящей громким голосом. Ее большие черные глаза смотрели на мир удивленно, как смотрят глаза только что проснувшегося ребенка. Припухлые губы и широкие брови вразлет, гладко зачесанные, ниспадающие на плечи волосы: в ее лице было что-то от женщины древнего Рима.

Сдержанностью дышала вся ее стройная фигура. Она казалась даже медлительной и малоподвижной, но все ее друзья и товарищи знали, что трудно найти человека такого же работоспособного, как эта итальянка.

Их встречи участились. Гуляя по Мехико, они заглядывали в какое-нибудь кафе и проводили остаток вечера в нем. Однажды она пригласила его к себе домой и показала свою фотостудию. Она была фотографом. Хулио был в восторге от ее работ, они были очень пластичны и выполнены на высоком профессиональном уровне. В искусстве Тина оставалась такой же, как в жизни: серьезной и сосредоточенной. Фотография была для нее не только средством к существованию, но и творческим делом.

Первое время Хулио не мог понять «неитальянской» сдержанности и молчаливости Тины. Часами могла она слушать своих собеседников, изредка вставляя одну-две фразы. Иногда казалось, что для нее не существует ничего в жизни, кроме ее партийной работы. Иногда ему хотелось сказать ей: «Ну посмейся же, Тина, ну, самую малость». Однажды один из мексиканских товарищей рассказал ему историю ее жизни. И он понял Тину.

Она родилась раньше Хулио на семь лет в городке Удина, в предгорьях итальянских Альп. До девяти лет ей пришлось жить в

Австрии, куда отец отправился на заработки. Вернувшись в родные места, он, прозябавший в нужде на чужбине, понял, что и в Италии ему будет не слаще. Накопив денег на билет, он уплывает в Соединенные Штаты, оставив больную жену и трех девочек. Старшая, Тина, которой едва исполнилось десять, пошла работать на текстильную фабрику, где рабочий день продолжался двенадцать часов. Те гроши, которые она приносила домой, были единственным средством, поддерживавшим существование семьи. Так, мучимые голодом, а зимой и холодом, они прожили до тех пор, пока отец не смог перевезти их в Сан-Франциско. Это случилось, когда Тине исполнилось девятнадцать лет. Через неделю после прибытия к отцу Тина уже работала, и снова на текстильной фабрике. В 1917 году она становится портнихой. К этому времени она сильно увлекается театром и становится непременным участником всех постановок любительской труппы в итальянском квартале Сан-Франциско. Ее красота, сдержанность и скромность завоевали ей славу и уважение среди земляков. Неожиданно ею заинтересовался один режиссер из Голливуда, но она отказалась от артистической карьеры, вышла замуж за одного американского художника, который неожиданно в 1922 году скончался в Мексике от тяжелой болезни. Приехав на похороны мужа, она затем решает остаться в этой стране. Учится фотографии у выдающегося американского мастера Эдварда Вестона и работает вместе с ним. На следующий год она впервые участвует в демонстрации мексиканских трудящихся в защиту Сакко и Ванцетти. Затем Тина становится активным членом Антиимпериалистической лиги, принимает участие в работе комитета «Руки прочь от Никарагуа!» и становится одним из основателей Итальянской антифашистской лиги в Мексике.

Все, кто работал с Тиной, отзывались о ней только с похвалой. Ее не только хвалили, ее любили. Ее любили за самоотверженность в работе. Для нее не существовало понятий день и ночь. Почти все, что она зарабатывала, она отдавала на нужды партии или антифашистской лиги, оставляя себе только на самые необходимые расходы.

Годы лишений, борьба за кусок хлеба, участие в политической борьбе закалили девушку из Удины. В детстве она больше страдала от голода, чем смеялась от счастья, на детские игры у нее не было времени. Она слишком рано повзрослела.

Каждая встреча с Тиной была для Хулио откровением. И пришел день, когда они чуть ли не одновременно поняли, что им не жить друг без друга. Для него не было ничего неясного: с Оливин он фактически порвал несколько лет назад, правда, оставалась Наташа… Но без Тины он уже не мог.

Однажды кто-то из мексиканских товарищей вспомнил ненароком, что у Тины есть чуть ли не жених, который уехал на учебу в Европу. Однако Хулио так верил в Тину, что не придал этому значения.

Для честной и прямой Тины начало дружбы с Хулио было мучительным. В Европу действительно уехал человек, которому она была многим обязана, он был старше ее и с большим жизненным опытом. Он был старшим товарищем по политической работе и многому научил ее. Она ждала его до тех пор, пока не встретилась с Хулио, и тогда поняла, что к старому нет возврата. А после долгих и мучительных раздумий написала письмо тому человеку, который уехал в Европу. Это было трудное письмо, но и в какой-то степени оно исцелило ее.

Для Тины и Хулио любовь стала источником, питавшим их жизненные силы. А кроме того, у них были общая работа и общие идеалы. Однажды вечером, тепло попрощавшись с друзьями, вместе с которыми он жил, Хулио переехал к Тине,

Последняя ночь

Гром грянул в декабре. Пришло письмо из Гаваны, в котором сообщалось, что Леонардо Фернандес Санчес схвачен полицией: на него донесли. Кто был предателем? Этот вопрос мучил всех, а особенно Хулио Антонио.

О докторе Амаррале говорили разное. В устах одних он был революционером, пострадавшим при Мачадо, другие предпочитали отмалчиваться. А вообще-то кубинские эмигранты не очень его привечали. Хулио Антонио присматривался к нему, выжидал. Ему не очень были по душе авантюристические призывы доктора к уничтожению членов мачадистского правительства и вообще к террору. Но, несмотря на это, доктор продолжал ходить в ассоциацию до тех пор, пока два события в декабре не открыли глаза всем анерковцам. В один прекрасный день Амарраль заявил, что больше «так» жить не может, что он должен «действовать», поэтому он возвращается на Кубу. Впервые подозрения некоторых анерковцев оправдались. Ведь захоти кто-нибудь из них вернуться на родину, не смог бы он этого осуществить. Но доктор «почему-то» не боялся возвращения. Многие подумали: «А не провокатор ли он?»

Последующие события дали ответ на этот вопрос. Ассоциация решила провести 15 декабря небольшой праздник — «Кубинскую вечеринку». Поиски помещения привели кубинцев в еврейскую общину, которая занимала довольно большое помещение. Руководители общины любезно и безвозмездно предоставили его ассоциации, но с условием, чтобы вечеринка не носила политического характера (община была аполитичной организацией), на что кубинцам пришлось дать согласие.

Наступил праздничный день. Вечером, когда члены ассоциации заканчивали украшать зал, в дверях появился доктор Амарраль. Не успев войти, он сразу же вслух удивился, дескать, почему не висит на стене кубинский флаг. Затем, недолго думая, взгромоздившись на стол, прикрепил к стене самодельный, грубо склеенный из цветной бумаги национальный флаг Кубы. Ему сразу же стали объяснять, что этого делать нельзя, в противном случае они могут лишиться помещения. Затем один из кубинцев снял флаг и отложил его в сторону. Обычно многоречивый доктор на этот раз только злобно сверкнул глазами и отошел в сторону. Вскоре он ушел совсем. Никто этому случаю не придал большого значения.

А в конце декабря до Мехико дошли сведения, что гаванские газеты напечатали материалы об оскорблении кубинского флага.

По газетам выходило, что сам Хулио Антонио сорвал кубинский флаг во время «Кубинской вечеринки» и топтал его ногами.

Стало ясно, что это работа Амарраля. Ему не удалось изнутри подорвать ассоциацию, все его попытки подбить кубинцев на террор не увенчались успехом, но на истории со знаменем он отыгрался.

Вся официальная кубинская пресса поднялась против анерковцев и в особенности против Хулио Антонио. Вся эта возня была состряпана таким образом, чтобы о ней узнали в Мексике и чтобы там также подняли бы кампанию против Мельи и ассоциации.

Хитрый ход кубинской охранки давал ей в руки некоторые козыри: возможность открытой и широкой борьбы против революционеров. Мачадо заявил журналистам, что он будет преследовать Мелью, где бы тот ни находился. На Кубе послышались голоса, требовавшие отмщения за «поругание» национального флага и призывавшие без обиняков к убийству руководителя ассоциации[5].

История эта порядком потрепала нервы всем кубинцам, жившим в Мексике. Но как говорит кубинская поговорка: «За несчастьем счастье идет». Пришла весть из Гаваны, что с помощью друзей и, благодаря родственным связям Леонардо Фернандесу Санчесу удалось выйти из тюрьмы. Правда, ему вновь предложили покинуть Кубу, и он отправился в Нью-Йорк.

Первые дни нового 1929 года были хлопотными. Хулио Антонио готовил ответ на провокационную кампанию в гаванских газетах. Его статью должна была напечатать газета «Ла Семана», главным редактором и издателем которой был Серхио Карбо, человек либеральных взглядов, тогда не успевший еще перейти в лагерь контрреволюции (что он проделал с успехом в 1959 году) и симпатизировавший коммунистам и Мелье.

Cuba Libre..!
PARA LOS TRABAJADORES
VALE 5 cts.
Ante la Farsa Electoral
"A [punta] Pie"
CUBA LIBRE..!
(Para los Trabajadores)
LOS COLEGIOS

Заголовок полосы одного из номеров «Трен блиндадо»,

посвященного университетской революции.

К тому же Мачадо обратился с посланием к президенту Мексики Эмилио Портес Хилю, в котором просил выслать из страны всех кубинских политэмигрантов. Ответа от мексиканского президента пока не было, но на всякий случай надо было готовиться к худшему.

В тот вечер он недолго задержался в АНЕРКе. Поговорил с Рохелио Теурбе Толоном и Сандалио Хунио, а затем, сказав, что его ждут, ушел. В кафе на углу улиц Республика де Сальвадор и Боливар его ждал человек. Это был кубинец Магриньят. Все знали, что от этого типа всего можно было ожидать, но Хулио пошел на свидание по его просьбе.

В кафе было немного посетителей, даже завсегдатаев не было видно. Хулио сразу с порога заметил Магриньята. Тот поднялся и пошел ему навстречу, широко раскинув руки. Обнял и похлопал по спине: ни дать ни взять старые приятели встретились. Говорили недолго. Магриньят сообщил, что якобы тайная полиция по приказу Мачадо подослала в столицу Мексики двух типов, чтобы убить Мелью. Магриньят советовал ему скрыться.

— Этот президентишка рвет и мечет, говорит, что доберется до тебя и покажет, как поносить кубинское национальное знамя.

Хулио смотрел на Магриньята и думал, что он за человек. Совсем недавно Хулио получил два письма из Нью-Йорка. Одно было от Леонардо Фернандеса Санчеса, который писал, что Хулио должен остерегаться двух людей, которые направились в Мексику. Не Магриньят ли один из них? Конечно, надо верить Леонардо, он не только друг, но и товарищ по борьбе… А все-таки что делает в Мехико этот Магриньят? Хулио молчит и смотрит на своего собеседника, словно пытаясь разгадать, что у того на уме. А тот говорит, говорит без умолку. В зале немного посетителей, взгляд Хулио рассеянно скользит по ним: все незнакомые лица. Парочка, другая, а в углу четверо в потертых пиджаках молча тянут пиво. Еще какие-то двое с бокалами, явно не мексиканцы… «А вдруг они уже здесь, — как молния мелькнула мысль, — здесь, в зале?!» Словно в вихре завертелись в голове мысли… Нет, надо пойти домой и в спокойной обстановке все обдумать и посоветоваться с товарищами. Борьба пошла не на жизнь, а на смерть. Агенты Мачадо рыскают не только здесь, но и в Париже, Нью-Йорке, Коста-Рике, Мадриде — везде, где есть отделения АНЕРКа. Поднялся и протянул руку: чтобы без всяких объятий. Магриньят улыбался:

— Можешь рассчитывать на меня, ты же знаешь, я сам в 25-м пострадал, когда к власти пришел Мачадо. Все, кто был с

Менокалем, все пострадали. Так что…

Хулио уже повернулся к нему спиной. Надвинув на лоб широкополую шляпу, он вышел на улицу.

Был десятый час вечера. На углу проспекта Морелоса ждала Тина. Она взяла его под руку, и они медленно пошли к дому.

— Телеграмму я послала, как ты написал… О чем ты думаешь? — Тина ласково смотрела на Хулио, чуть повернув голову в его сторону. — Слышишь, — тихо повторила она, — я послала телеграмму на имя Карбо…

«Просим разоблачить до конца клеветническую кампанию, — вспоминал он написанный им текст, — начатую нашими врагами не было надругательства знаменем подробности почтой…»

— Ты знаешь этого Магриньята? Он убеждал меня, что готовится мое убийство… Ради этого сюда прибыли из Гаваны какие-то два типа…

— Как он тебя нашел?

— Он же живет здесь не знаю с каких времен. Мне Алехандро Баррейро рассказывал, что у Магриньята в Гаване были игорные дома…

— А как он попал в Мексику?

— После драчки с Мачадо. Этот тип друг консерваторов и их ставленника Менокаля, разумеется, после победы Мачадо на выборах, ему, как ярому консерватору и менокалисту, пришлось смотать удочки. Сама понимаешь, нам он не пара, он-то дождется «амнистии» генерала и вновь закрутит рулетку в Гаване…

Они дошли до улицы Абраама Гонсалеса, завернули за угол и пошли по ней. Тина слегка прижалась к плечу Хулио. Она уже слыхала об опасности. Товарищи предупреждали ее еще в декабре. И каждый раз, когда Хулио уходил из дома, ей становилось тревожно на душе… Он повернул голову к Тине, их взгляды встретились, он прижал ее руку к себе. И на какое-то мгновение тревога отступила, и теплое чувство счастья захватило все его существо. Оба невольно ускорили шаги. Его спокойствие, кажется, начинало передаваться ей. В эти тяжелые январские дни он оставался спокойным и сдержанным, как никогда. Она понимала, что за этим скрывается страшное физическое и умственное напряжение. Он был похож на скрученную пружину, готовую в нужный момент раскрутиться и ответить ударом на удар.

Они шли по улице, готовящейся ко сну, редкие магазины уже были закрыты, опускал металлическую решетку хозяин булочной, что напротив их дома. Вот и угольная лавка…

Черную тишину улицы прорезали два резких удара, словно щелчки бича: один, через несколько секунд второй. Она не сразу

поняла, что это такое… Хулио дернулся и резко повернулся назад. Он не то падал, не то пытался броситься вперед, тело его наваливалось на Тину, а она в ужасе растерялась. Затем, словно споткнувшись обо что-то, он вытянул вперед руку и привалился к стене дома. Тине стоило неимоверных усилий удерживать его. Медленно, опираясь рукой о каменный выступ на стене, он опускался на тротуар.

Где-то слышался топот убегавших людей. Раздались встревоженные крики редких прохожих, залился трелью свисток полицейского.

Она ничего не слышала и никого не видела. Она не могла оторвать от себя его сильное тело, и никто бы, пожалуй, в эту минуту не смог бы этого сделать. К ним кто-то подбежал, кто-то что-то говорил. Она ничего не слышала и никого не видела…

Выло 9 часов 50 минут по местному времени, 10 января 1929 года.

Последняя глава

11 января 1929 года. На рассвете в 1 час 45 минут в больнице Красного Креста города Мехико скончался от двух огнестрельных ран кубинский политэмигрант коммунист Хулио Антонио Мелья.

Утренние газеты вышли с кричащими заголовками. Все остальные новости отступили на задний план. Убийство кубинского коммуниста всполошило мексиканскую прессу. Правда, ее меньше всего интересовала истина. Нужна была сенсация, любая, разумеется, приправленная солидной дозой любовных похождений. И сразу же в трагической гибели коммуниста кое-кто откопал «пикантные» подробности. Но продержались они на поверхности мутного газетного потока только два дня. Сразу же выяснилось, что ложь выскользнула из кубинского посольства в Мехико и ее распространяли разные подонки вроде доктора Амарраля.

Мексиканское правительство сразу же назначило расследование. В кубинское посольство посыпались сотни гневных писем и направились ходоки. По приказу посла Фернандеса Маскаро двери были закрыты для всех, и в этом ему помогли усиленные наряды полиции.

Версия о том, что убийство было совершено на почве ревности, оказалась несостоятельной, и хотя провокационный смысл этой лжи был ясен всем, это не помешало мексиканским блюстителям закона продержать Тину Модотти два дня за решеткой. В эти дни на квартире, где она жила с Хулио Антонио, полиция произвела наглый обыск, во время которого у нее исчезли несколько интимных писем и фотографий, обнаруженных в скором времени на страницах реакционных газет.

Любопытно, что ей пришлось сидеть в полицейском участке одновременно с Магриньятом, который был схвачен на следующий день. Он отрицал и свою причастность к преступлению и то, что он встречался с Мельей, чтобы предупредить того о готовящемся убийстве. Оказывается, он встречался со своим земляком только лишь для того, чтобы вручить тому 10 песо на поддержку газеты «Куба либре», издаваемой АНЕРКом.

Некоторые мексиканские газеты в рвении «удивить мир» писали, что убийство было совершено с целью ограбления… Так перестаралась, например, «Эль Мундо».

Под давлением фактов и общественных протестов полиции пришлось отказаться от ложного пути.

Гибель Мельи всколыхнула общественность во многих

странах мира и в особенности в Латинской Америке.

В Мексике правительство приняло ряд мер для предупреждения манифестаций демократических сил, а президент Портес Хиль приказал отстранить от расследования полицейского офицера, который явно действовал не ради справедливости. Но, несмотря на эти меры, рабочий класс готовился к активным выступлениям.

Все началось 11 января, когда тело Мельи перевозили из больницы Красного Креста в больницу имени Хуареса, чтобы там произвести вскрытие. Несколько сот человек с красными флагами и транспарантами собрались, чтобы сопровождать павшего товарища. Когда колонны тронулись в путь, все запели «Интернационал», и сразу же полиция набросилась на мирное шествие и разогнала его.

В тот же день гроб с телом был выставлен для прощания в помещении ЦК Компартии Мексики. Похороны были назначены на субботу 12-го в 11 часов утра.

В пятницу вечером у здания Антиимпериалистической лиги собрались тысячи мексиканских трудящихся. Все они пришли на призывы лиги и МОПРа.

Мексиканский МОПР писал в своем воззвании:

«Хулио Мелья боролся в защиту пролетариата Кубы, против бесчестных действий буржуазной диктатуры, которую так достойно представляет Херардо Мачадо, самый подлый агент империализма янки… Убийство товарища Мельи говорит всем трудящимся о необходимости объединения вокруг МОПРа, одним из выдающихся руководителей которого был Хулио Мелья, чтобы продолжать борьбу против белого террора, как это делал Хулио Мелья, отдавший свою молодость и свою жизнь».

Специальный выпуск «Эль Мачете» был посвящен Хулио Антонио, ЦК Компартии Мексики опубликовал в этом номере манифест к мексиканским трудящимся.

В день похорон гигантская процессия шла за гробом. Во главе ее шел высокий, грузный, в большой широкополой шляпе человек, имя которого через полтора десятка лет стало известным всему миру — художник Диего Ривера.

Люди обливались потом, был знойный день. Впереди процессии несли знамена компартии и профсоюзов. У президентского дворца состоялся первый митинг, затем все остановились у здания факультета права, где прошел второй митинг, и, наконец, процессия появилась на улице Абраама Гонсалеса, где произошло убийство. Там состоялся третий митинг. Путь до кладбища Долорес был долог, но никто не покидал рядов. Наоборот, в процессию вливались новые

человеческие потоки. «Интернационал» и «Варшавянка» слышались на улицах, где проходила процессия.

На Кубе известие о гибели Мельи потрясло всех, кто его знал. Особенно тяжело переживал гибель друга Рубен Мартинес Вильена, который к этому времени стал руководителем Компартии Кубы.

Вот как рассказывает в своих воспоминаниях о переживаниях Рубена один из основателей Компартии Кубы, Фабио Гробарт:

«Мне уже приходилось видеть Рубена разъяренным при других обстоятельствах. Один раз, когда мы получили известие о страшной гибели двух первых жертв тирании — коммунистов Носке Ялоба и Клаудио Брусона. Но еще никогда я не видел Рубена в таком состоянии, как 11 января 1929 года. Впервые в жизни я видел его плачущим. Он любил Мелью как родного брата, и его убийство потрясло Рубена до глубины души. Ненависть и презрение, которые он испытывал к Мачадо еще со времени голодной забастовки Мельи, когда ему пришлось лично встретиться с «ослом с когтями», от которого он требовал освобождения Хулио Антонио, теперь переросли в безудержный гнев. Он говорил, несколько раз вскакивая со своего места и нервно прохаживаясь по тесной комнатке. Необходимо было предпринять важный шаг, чтобы ответить на подлое убийство Мельи, однако обстановка не была благоприятной для широких выступлений масс. Приходилось ограничиваться отдельными протестами и накапливать силы для решительных будущих боев. Манифест Центрального Комитета партии в связи со смертью Мельи, написанный в тот же день Рубеном, на следующий день обошел все заводы и фабрики, а затем тайно из рук в руки передавался на протяжении нескольких недель, неся людям слова поддержки и борьбы». ЦК Компартии Мексики принял решение о расширенном приеме в партию. В ответ на убийство Хулио Антонио Мельи в Мексике с 20 января была объявлена двухнедельная кампания по призыву в партию. Каждый коммунист должен был подготовить к вступлению в партию не менее одного человека.

Почти во всех странах мира МОПР организовал митинги протеста против тирании Мачадо.

Через четыре года

Пароход медленно, как бы ощупью, входил в узкую горловину бухты. У правого борта, навалясь на перила, теснились пассажиры. Перед дебаркадером пароход словно затоптался на месте, забирая носом вправо, натужно заурчали машины, забилась вода между бортом и сваями, и белоснежное тело судна прижалось к почерневшему причалу. На портовой улице толпились люди, их было не менее тысячи, на самом причале тоже было тесно от человеческих тел. Все они ждали этот пароход из Мексики.

Опустился, поскрипывая, трап и глухо ударился о дощатый настил. Первыми на него ступили таможенники и какие-то типы, сильно смахивавшие на переодетых шпиков. Несколько человек из встречающих пытались проникнуть на судно, но были оттеснены полицейскими. Однако одному из них, невысокому, юркому, уже немолодому мужчине, удалось прорваться сквозь заслон, и он затерялся в пароходной сутолоке. Наконец таможенные формальности окончены, и застучали по трапу пассажиры первого класса. Эти не беспокоили переодетых шпиков. В особенности эта американка с большой сумкой в руке.

— Сеньора, осторожней, разрешите вам помочь. Вот сюда, сеньора, пожалуйста, сеньора… Сержант, проводите сеньору до такси.

— Не беспокойтесь, — мило улыбается дама.

— Сеньора, это наш долг, и мы рады приветствовать вас на кубинской земле…

«Рады приветствовать на кубинской земле…»

Если бы тот полицейский капитан знал, почему так тяжела сумка этой дамы! Но не будет же он проверять подданную Соединенных Штатов. Вот свои, это другое дело, от них всегда жди подвоха.

Капитан что-то шепнул рядом стоящему офицеру, а тот, в свою очередь, подал знак полицейским. Показались те, кого ждали люди на портовой улице. Их было шесть. Улыбаясь и приветливо помахивая руками, они сходили на берег. И вот уже они идут в тесном кругу товарищей и друзей. На улице их приветствовали аплодисментами и возгласами. Эти люди были счастливы — они вернулись на родину, выполнив поручение партии и своих товарищей. Полицейским не оставалось ничего иного, как наблюдать за происходящим. На большее они не решались.

Это произошло 25 сентября 1933 года.

Когда в 1929 году Мачадо вступил во второй срок правления, это вызвало глухое недовольство не только народных масс. В стране накалялась обстановка. 20 марта 1930 года вспыхнула общенациональная забастовка. Хотя она и была подавлена силой оружия, но она открыла всем глаза на то, что «непоколебимый» режим вполне уязвим.

Два последующих года прошли в бурной политической борьбе. Президент Соединенных Штатов Гувер доверял Мачадо и полностью его поддерживал, поэтому оппозиция, которая начала выступать против «кооперированных» партий, не решалась на активные действия. Но в 1933 году президентом Соединенных Штатов стал Франклин Рузвельт, который понял, что положение на Кубе чревато опасными последствиями для американского капитала. Весною того же года он посылает на Кубу нового посла, своего личного представителя Сэмнера Уэллеса. Для того чтобы покончить с политической и экономической неразберихой на Кубе, Уэллес стал посредником между Мачадо и политическими силами страны, входящими в конгресс. Это ничего не дало, и вновь вспыхнули забастовки. Одна из них, 7 августа, так напугала личного представителя президента, что он немедленно потребовал от Мачадо ухода в отставку, но генерал заупрямился и даже пытался натравить конгресс на посла. 9 августа забастовка достигла своего апогея, и Уэллес срочно запросил у Вашингтона два боевых корабля с морской пехотой (старый, испытанный прием!). Но ночью 11-го, напуганный размахом народного гнева и тем, что часть армии вышла из повиновения, Мачадо бежал с Кубы. После консультаций с американским послом президентом страны был назначен Карлос Мануэль де Сеспедес, который просидел в «руководящем» кресле до 5 сентября. В ночь на 5-е группа военных, поддержанная ведущими партиями, произвела так называемый сержантский переворот, который возглавил сержант-стенографист из генерального штаба Фульхенсио Батиста. Это был дебют человека, который через 20 лет станет президентом по образцу и подобию Херардо Мачадо. Было создано правительство «Пяти» (так называемая Пентаркия). Но не прошло и недели, как одному из «Пяти», профессору Гаванского университета Району Грау Сан-Мартину, поручили сформировать новое правительство.

25 сентября 1933 года был пятнадцатый президентский день доктора физиологии Грау Сан-Мартина. В этот день многолюдная толпа рабочих, студентов и служащих Гаваны встречала пароход из Мексики. На нем прибыла специальная делегация компартии и общественных организаций Кубы, которая привезла урну с

прахом Хулио Антонио Мельи. Возглавлял делегацию известный литератор и общественно-политический деятель Хуан Маринельо. Как только пароход пришвартовался, обманув полицейских, на борт проник посланец из Центрального Комитета компартии, который предупредил Маринелью о возможном обыске и конфискации урны. Тогда Маринельо пошел, на риск: он попросил знакомую американку, оказавшуюся среди пассажиров, пронести на берег урну. Та, ни минуты не колеблясь, втиснула тяжелую металлическую шкатулку с урной в сумку и, не теряя присутствия духа, сошла на берег.

Прошло еще три дня.

Утро в пятницу 29 сентября 1933 года выдалось пасмурным. Серое небо нависло тяжелым покрывалом над Гаваной. Вот-вот оно разразится потоками воды. В центре площади Фратернидад, у самого Капитолия, работала группа рабочих. Даше неискушенному глазу было видно, что они возводили постамент для памятника — здесь должен быть захоронен прах Хулио Антонио Мельи.

К середине дня у старого дома, что стоял в ту пору на углу широкой Рейны и круто уходящей в гору Эскобар, собирался народ. В этом доме был выставлен прах Мельи. Здесь были не только гаванцы, но и представители компартии и Конфедерации трудящихся Кубы из провинций. Готовилась большая демонстрация по самым людным улицам города. Однако гаванская полиция не дремала, и хотя похороны и демонстрация были разрешены президентом, полицейские силы стягивались к Рейне и Эскобар, где проходила панихида.

Демонстрация началась мирно, она была хорошо организована, и колонны по шесть человек в ряд двигались по условленному маршруту. Но так продолжалось недолго. На подходах к площади Фратернидад на демонстрантов напали полицейские, одновременно они набросились на дом на улице Эскобар. В ход было пущено огнестрельное оружие. Шесть демонстрантов пали жертвами, и среди них десятилетний паренек Франсиско Гонсалес Куэто. На площади Фратернидад схватка с полицией еще более ожесточилась. Демонстранты, отбиваясь от полиции, пустили в ход все, что попадалось под руку. Так был смертельно ранен офицер Эрнандес Руэда.

В доме на Эскобар победа полиции досталась с трудом. Но когда, подавив сопротивление, полицейские ворвались на второй этаж, они обнаружили, что урна с прахом исчезла. Пришлось неудачу компенсировать арестами.

Дождь, которого ждали с самого утра, ударил в самый разгар схватки. Он бил, хлестал людей, разливался потоками по узким

улочкам старого города. Но люди не обращали на него внимания. Они делали свое дело: одни нападали, другие защищались.

Вечером город притих, притаился. На улицах, кроме завзятых гуляк, никого не было. Новый президент праздновал победу. Но это была пиррова победа. Это доказали события трех последующих месяцев.

Реакция хотела расправиться если не с самим Мельей, то хотя бы с людьми, которые сохранили в сердцах своих любовь к нему. В дни всенародной борьбы тысячи людей вышли на улицы, чтобы оказать сопротивление реакции и диктатуре, и имя Мельи стало символом этой борьбы. Если бы он жил, он стал бы знаменосцем народа, вышедшего на улицы. Но в эти осенние дни он только незримо был вместе со студентами с рабочими. Он словно шел рядом с ними по старым гаванским улицам. Шел в первом ряду. Недаром ведь однажды он сказал: «Мы, коммунисты, и после смерти остаемся в строю».

Основные даты жизни и деятельности Хулио Антонио Мельи

1903, 25 марта — Родился в Гаване.

1921 — Заканчивает учебу (предуниверситетский курс) и поступает в Гаванский университет на факультет права, философии и филологии…

1923, январь — октябрь — Возглавляет борьбу студентов за автономию университета и демократизацию просвещения.

Октябрь — Первый национальный студенческий конгресс, организованный по идее Х. А. Мельи.

Ноябрь — Основание Народного университета имени Хосе Марти.

1924, начало — Принимается в Гаванскую коммунистическую группу.

1925, 16–17 августа — Участвует в учредительном съезде Коммунистической партии Кубы.

27 ноября — Арестован по обвинению в террористической деятельности.

5–23 декабря — Голодная забастовка в тюрьме.

1926, 18 января — Уезжает с Кубы в Гондурас, а затем через Гватемалу попадает в Мексику.

1927, февраль — Участвует в работе антиимпериалистического конгресса в Брюсселе.

Март — Едет в Советский Союз.

Осень — Основание Ассоциации новых революционных эмигрантов Кубы.

1928, апрель — Издает теоретическую работу «Что такое АРПА?».

Сентябрь — Основывает в Мексике Ассоциацию пролетарских студентов.

1929, 10 января — Погибает в Мехико от рук убийц, подосланных диктатором Кубы Мачадо.

Краткая библиография

Арисменди Родней, Проблемы латиноамериканской революции. М., 1964.

Болховитинов Н. Н., Доктрина Монро. М., 1959.

Брунини Хозе, Крестьянство и батрачество Кубы и Гаити. М., 1930.

Гвоздарев Б. И., Организация американских государств. М., 1960.

Ле Риверенд Хулио, Экономическая история Кубы. М., 1967.

Мариатеги Хосе Карлос, Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963.

Модотти Тина, Мексиканские пеоны. М., 1932.

Нитобург Э. Л., Политика американского империализма на Кубе. М., 1965.

Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960.

Рока Блас, Основы социализма на Кубе. М., 1961.

Ревуненков В. Г., История стран Латинской Америки в новейшее время. М., 1963.

Слезкин Л. Ю., История Кубинской Республики. М., 1966.

Соркин Г. З., Антиимпериалистическая лига. 1927–1935. М., 1965.

Фонер Филип, История Кубы и ее отношений с США. 1492–1845. М., 1963.

Фонер Филип, История Кубы и ее отношений с США. 1845–1895. М., 1964.

Фостер Уильям, Очерк политической истории Америки. М., 1953.

Это было на Балтике. Ленинград.

«На аграрном фронте», журнал.

«Аграрные проблемы», журнал.

«Международное рабочее движение», журнал.

«Красный интернационал профсоюзов», журнал.

«Путь МОПРа», журнал.

«Коммунистический Интернационал», журнал.

«Интернационал Молодежи», журнал.

«На вахте», газета.

«Интернациональный маяк», журнал.

Bergmann Gregorio, Dos orientaciones antagónicas en América Latina. La Habana, 1963.

Documentos de Carlos Baliño. La Habana, 1964.

Dumpierre Erasmo, Mella. La Habana, 1966.

Ecay Tovar Manuel, Guía del tourista y del automóvil. La Habana,

1924.

Jenks Leíand, Nuestra colonia de Cuba. Buenos Aires.

Jimenez Cesar, El APRA. Del oportunismo a la traición. La Habana, 1963.

Julio Antonio Mella. Documentos para su vida. La Habana, 1964.

Hidalgo Felix, Historia contemporánea de Cuba.

La Torriente Lolo de, Mi casa en la Tierra. La Habana, 1956.

La Revolución de Octubre y su repercusión en Cuba. La Habana, 1967.

Le Riverend Julio, La República. La Habana, 1966.

Lumen Enrique, La revolución cubana. México, 1934.

Marinello Juan, Contemporáneos. Las Villas, 1964.

Mella, Julio Antonio, Ensayos revolucionarios. La Habana, 1960.

Muñiz José Rivero, El movimiento obrero durante la primera intervención. Las Villas, 1961.

Muñiz José Rivero, El movimiento laboral cubano durante el periodo 1906–1911. Las Villas, 1962.

Muñiz José Rivero, El primer partido socialista cubano. Las Villas, 1962.

Nearing Scott, El imperio americano.

Órbita de la «Revista de Avance». La Habana, 1965.

Portuondo José Antonio, Crítica de la época. Las Villas, 1965.

Problemas de la nueva Cuba. New York, 1935.

Roa Raul, 15 años después. La Habana, 1950.

Roa Raul, Bufa subversiva. La Habana, 1935.

Roa Raul, Escaramuza en las vísperas y otros engendros. Las Villas, 1966.

Roa Raul, Retorno a la alborada, tt. I y II, Las Villas, 1964.

Roig de Leuchsenring Emilio, El grupo minorista de intelectuales y artistas habaneros. La Habana, 1961.

Sanchez Luis Alberto, Haya de la Torre o el político. Santiago de Chile, 1936.

Santos Osear Pino, El imperialismo norteamericano en la economía de Cuba. La Habana, 1961.

Serviat Pedro, 40 aniversario de la fundación del Partido Comunista La Habana, 1965.

Tibol Raquel, Julio Antonio Mella en «El Machete». México, 1968.

Tina Modotti, México, 1942.

«Bohemia» — журнал.

«Universidad de La Habana» — журнал.

«El Dia» — газета.

«Diario de la Marina» — газета.

«El Machete» — газета.

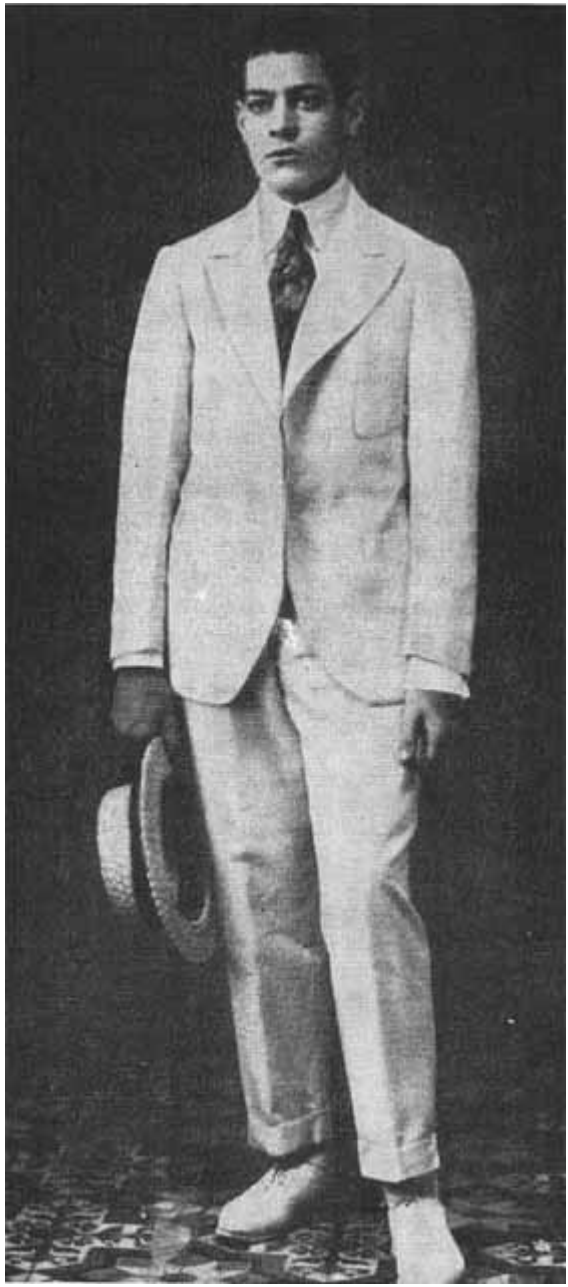
Иллюстрации

Хулио Антонио Мелья. Рисунок Давида Альфаро Сикейроса.

Сесилия Макпарланд и ее сыновья Никанор (Хулио Антонио) и Сесилио.

Никанор Мелья со своими сыновьями (1908 г.).

Хулио Антонио с братом Сесилио (ок. 1910 г.).



Хулио Антонио в период прохождения предуниверситетского курса в городе Пинар-дель-Рио (1920 г.).

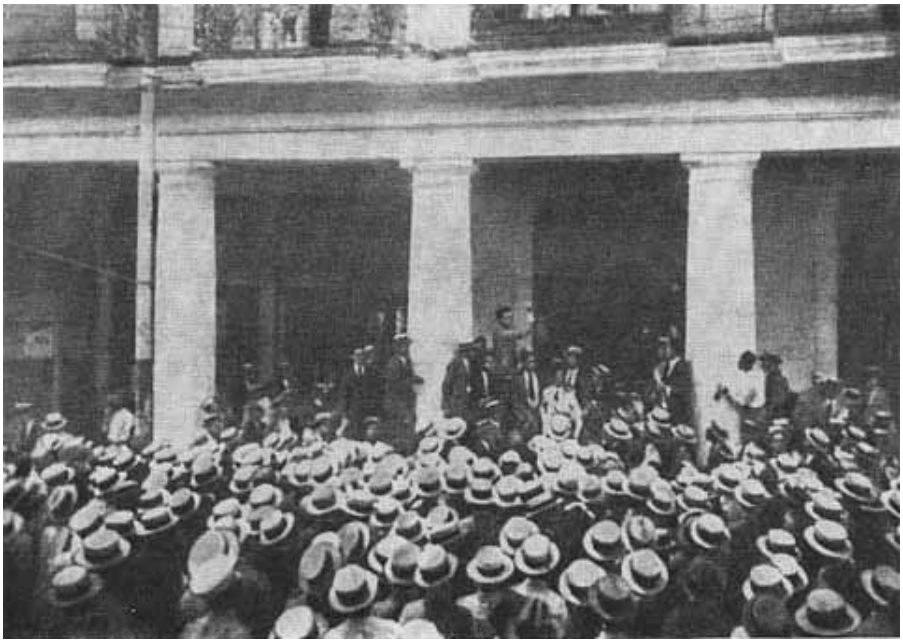
REPUBLICA LA PRENSA REPUBLICA

No. 72. HABANA, MARTES 13 DE MARZO DE 1923. 24 PAGINAS.

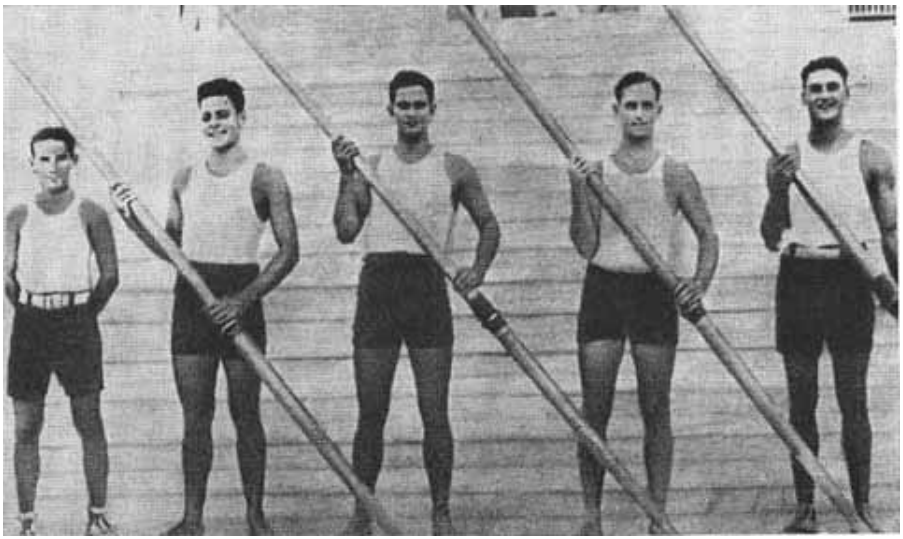
GOB. SE INCAUTA DE LA UNIVERSIDAD

Одно из собраний гаванских студентов в актовом зале университета, выступает Х. А. Мелья (снимок из столичной газеты «Ла Пренса» от 13 марта 1920 г.).

Хулио Антонио, его брат Сесилио и другие студенты, получившие ранения во время демонстрации перед президентским дворцом (1924 г.).



Демонстрация и митинг в квартале Куатро Каминос в Гаване. Выступает Х. А. Мелья (1925 г.).

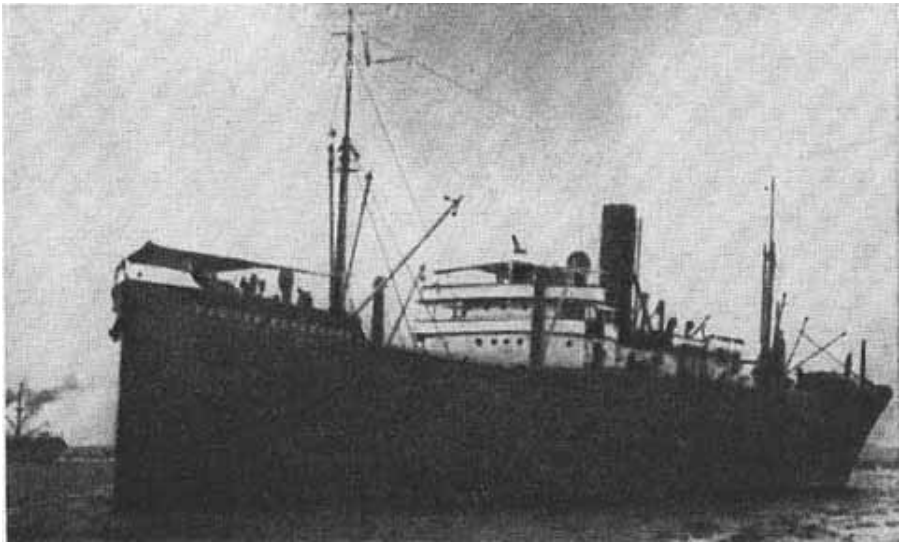


Хулио Антонио и университетская команда академической «четверки».

Альфредо Лопес.

Карлос Балиньо.

Х. А. Мелья (1924 г.).



Советский пароход «Вацлав Воровский».

Х. А. Мелья в первые дни голодовки (декабрь 1925 г.).

Обложка журнала студентов-обновителей «Хувентуд».

TREN BLINDADO

RETAMOS

De Nuestra Vida Nacional

LA PUGNA POLITICA

Nueva Ruta a los Estudiantes

Manifiesto de la Asociación de Estudiantes Proletarios

Первая полоса газеты «Трен блиндадо».

Х. А. Мелья. Фото Тины Модотти (1928 г.).

Вход в дом, в котором Хулио Антонио провел последние дни жизни.

Тина Модотти.

Гравюра известного мексиканского художника Хавьера Герреро, выполненная специально для газеты «Эль Мачете» (1924 г.).

Один из последних фотопортретов Х. А. Мельи, сделанный Тиной Модотти.

Участок улицы Абраама Гонсалеса, где был убит Х. А. Мелья (современная фотография).

EXTRA DE "EL MACHETE" EXTRA

PROLETARIOS DE TODOS LOS PAISES UNIOS

EL MACHETE

PERIODICO OBRERO Y CAMPESINO

Año IV

JULIO ANTONIO MELLA Cayó Bajo el Plomo de los Esbirros de Machado y del Criminal Imperialismo Yanqui

Manifiesto del Partido comunista

La Liga Antimperialista se Dirige a Todos los Trabajadores de la Republica

Manifestación de Protesta

Hoy, 11 de Enero, a la seis y media de la tarde se reunirán en el local de la Liga Antimperialista de las Americas y del Socorro Rojo Internacional las Organizaciones Obreras y en General todos los trabajadores de la capital para protestar contra el asesinato cometido en la persona del camarada Julio Antonio Mella.

Exhortamos a todos los trabajadores a acudir al llamado de la Liga Antimperialista y del Socorro Rojo.

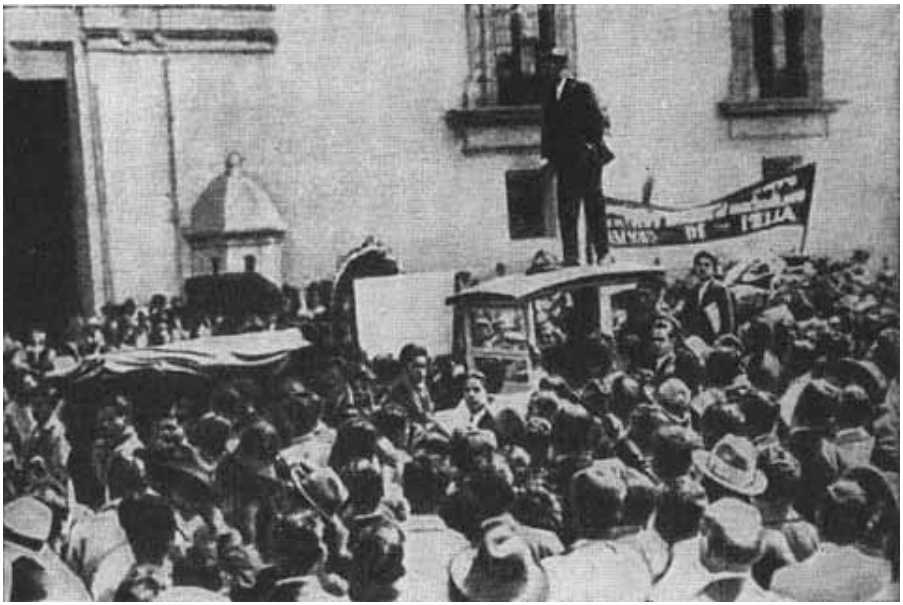
El Entierro de Mella

El Cuerpo del Compañero Mella está siendo velado en el Local del Partido Comunista de Mexico, 3a de Mesones 54.

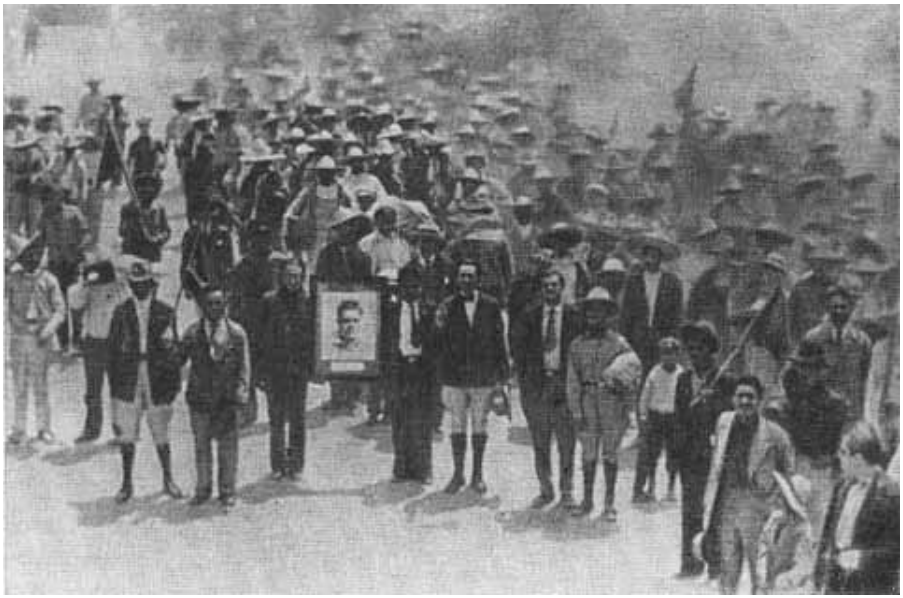
Invitamos a todos los trabajadores a dar un ultimo saludo al camarada caido en la lucha.

El entierro se llevará a cabo mañana, sábado 12 de Enero, a las 11 de la mañana, partiendo la manifestación de Mesones 54.

Первая полоса экстренного выпуска газеты «Эль Мачете», посвященного гибели Х. А. Мельи.



Митинг у президентского дворца в Мехико во время похорон Х. А. Мельи.



Трудящиеся мексиканской столицы собрались, чтобы проводить Х. А. Мелью в последний путь.

Надгробная плита на могиле Х. А. Мельи на кладбище Долорес в Мехико. Вверху слова Мельи: «Я умираю за революцию».

Бюст Х. А. Мельи, установленный перед зданием Гаванского университета.

notes

Примечания

1

«Delenda est Wall-street» — перефразировка известного латинского выражения «Dolenda est Cartaga» — «Карфаген должен быть разрушен», которым обычно заканчивал свои речи римский цензор и политик Катон-старший (234–149 гг. до н. э.).

2

Х. М. Перес больше никогда не вернулся на Кубу. В августе 1936 года, будучи генеральным секретарем Компартии Канарских островов, он попал в руки испанских фашистов и был расстрелян.

3

В 1931 году АПРА превратилась в партию — Народную партию Перу, которая из года в год трансформировалась в обычную буржуазную реформистскую партию Когда-то Айя де ла Торре придерживался националистических концепций, но в настоящее время он и его партия открыто поддерживают проамериканский курс перуанской реакции, а также выступают как рьяные антикоммунисты и враги Советского Союза.

4

Арпа — арпа, арпист — арфист (*испан.*). Назвать человека арфистом — высказать свое пренебрежение к нему. Арфист — витающий в небе, неземной, оторвавшийся от действительности человек, к тому же пустобрех.

5

Позже удалось установить, что Амарраль до появления в столице Мексики был сотрудником министерства внутренних дел Кубы, до тех пор, пока его не выгнали оттуда за какие-то грехи. В истории с ассоциацией он старался вновь заслужить доверие старых хозяев.